

С.И. Кочуркина

История и культура народов Карелии и их соседей

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

История и культура народов Карелии и их соседей (средние века)

Петрозаводск
АУ РК «Информационное агентство «Республика Карелия»
2011

Работа выполнена при финансовой поддержке
Отделения историко-филологических наук РАН в рамках программы
«Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»

Рецензенты:

И.И. Муллонен, *проф.*, доктор филологических наук
М.И. Шумилов, *проф.*, доктор исторических наук

Кочкуркина, С.И.

К75 История и культура народов Карелии и их соседей (*средние века*) / С.И. Кочкуркина. — Петрозаводск: АУ РК «Информационное агентство «Республика Карелия», 2011. — 240 с. (+ вклейка)

Научно-популярная книга посвящена истории и культуре народов древней Карелии: саамам, веси и кореле; прибалтийско-финскому населению Новгородской земли: води и ижоре, культурным контактам с соседями-славянами в эпоху Средневековья. Рассказывается об Олонецкой крепости XVII в., военном и административном центре в составе Русского государства. Исследование базируется в основном на археологических материалах с привлечением данных лингвистики, топонимики, антропологии, письменных источников, результатов естественнонаучных исследований.

ВВЕДЕНИЕ

Известно, нет событий без следа:
Прошедшее прискорбно или мило.
Ни личностям доселе никогда,
Ни нациям с рук даром не сходило.
А.К. Толстой. Портрет. 1875 г.

Изданная в 2005 г. научно-популярная книга «Народы Карелии: история и культура» быстро разошлась, и читатели часто обращались ко мне с вопросом: «Неужели нет ни одной книжки?». Конечно, приятно, что книга нашла читателя, но больше вдохновляла мысль, что археология как источник знаний о древней истории, в частности Карелии и их соседей, оценена по достоинству. Каждый находил в книге что-то интересное лично для себя: экскурсоводы, по их признанию, наконец-то получили ценное руководство по истории края, кому-то было важно узнать о топонимии родного края, кого-то привлекли сами археологические предметы. Были и критические замечания, которые я постаралась учесть. Действительно, интерес к прошлому своей страны, истории и культуре народов никогда не угасал и не угаснет в обществе, пока оно существует. К написанию новой книги меня подвигли не только новые ценные археологические материалы, добытые при археологических раскопках последних лет, но и свежие исследовательские интерпретации ряда спорных вопросов древней истории края, а также оригинальные выводы, сделанные на основе привлечения результатов смежных гуманитарных и данных естественнонаучных дисциплин. Подвергнутый анализу инвентарь из цветного металла привел к иным, нежели прежде, выводам. Конечно же, хотелось познакомить

читателя и с новым, ярким иллюстративным материалом. На мой взгляд, это достаточно веские основания для предлагаемого издания.

Исторические события, связанные с формированием и развитием древних народов Карелии, не ограничиваются современными административными рамками Республики Карелия. Многие археологические памятники, оставленные древними карелами и вепсами, находятся на Карельском перешейке и в юго-восточном Приладожье (Ленинградская область). Ареал саамских древностей обширен и охватывает северные районы Европы. Первые поселенцы в Карелии появились в VII тысячелетии до н. э. в эпоху каменного века. Долгий и сложный путь развития безымянных охотников и рыболовов кратко изложен в разделе «Древнейшее прошлое Карелии». Более подробная характеристика материальной культуры, изменявшейся во времени и пространстве, проблемы происхождения, этнокультурной истории и этнической принадлежности, вопросы хронологии подробно освещены в коллективных работах археологов Карелии: «Археология Карелии» (1996), «Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – Средневековье» (2006), «Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья» (2009). Главное мое внимание в этой книге уделено собственно народам Карелии, упомянутым в письменных источниках рубежа I–II тысячелетий н. э. под этнонимами корела, весь, саамы (лопь).

Своеобразие и особенности каждого народа, при всей их самоценности и самодостаточности, отчетливо прослеживаются в сравнении с другими, соседними народами, с которыми они были связаны многими нитями в своем историческом развитии. По этой причине, рассказывая о народах Карелии, нельзя оставить без внимания этнокультурную историю води и ижоры. На социально-экономическое развитие финно-угорских народов и вовлечение их в сферу общегосударственных интересов существенное влияние оказывали древнерусские центры Ладога и Великий Новгород.

Книга построена в основном на археологических материалах эпохи Средневековья с привлечением данных лингвистики, топонимики, антропологии, письменных источников, результатов естественнонаучных исследований. Исключением является Олонецкая крепость, построенная в XVII в., т.е. в Новое время. Значительные археологические работы на ее территории и сохранившиеся исторические документы показали, что в это время она была стратегическим государственной важности центром на Северо-Западе России, без которого невозможно представить историю и культуру Карелии.

Об археологии и археологах. Моему сыну еще не исполнилось и трех лет, когда я впервые взяла его на раскопки. Жили мы в палатках, варили еду на костре. Раскапывали курганы. Потом были другие поездки. Сын не стал археологом, но навсегда полюбил лес, речные и озерные просторы, рыбалку и походную жизнь, сохранил интерес к археологии. «Ну, что-нибудь интересного нашли?» – каждый раз спрашивал он меня после возвращения из экспедиции. Теперь со мной в экспедициях неразлучен внук. Он легко взбегаёт на высокие скалы, ловко орудуёт мастерком и совком, не пропускает ни одной даже самой маленькой археологической вещицы. Он быстро схватил суть археологических работ. Действительно, что же мы ищем? В чем смысл наших экспедиций? Расскажу один курьезный случай. В минувшем 2009 г. на городище Терву-Линнасаари, когда мы только-только приступили к разметке участка для раскопок, внук в высокой траве нашел кем-то потерянный мобильный телефон (остров часто посещаем туристами). Мы привели аппарат в рабочее состояние и попытались найти владельца, что, прямо скажем, удалось далеко не сразу. Владелец, видимо, дорожил адресами и фотографиями, сохранившимися в памяти телефона, поэтому приехал из Санкт-Петербурга в пос. Куркиёки (примерно около 200 км в одну сторону), где ему до начала нашего рабочего дня было назначено место встречи для передачи телефона. Он был очень благодарен внуку, а тот, естественно, чрезвычайно горд. А теперь серьезно о деле.

Летом археологи обычно разъезжаются во все концы нашей республики (во всяком случае, так было до недавнего прошлого), кто на лодке, кто на машине, некоторые даже на вертолете, чтобы найти следы обитания древних людей, на основании которых исследуется жизнь наших предков. Само греческое слово «археология» означает рассказ о старине. Наука археология изучает прошлое человечества по сохранившимся в земле остаткам их существования. Это разрушенные поселения и города, могилы и курганы, посуда и украшения, орудия труда, оружие и многое другое.

Зачастую наши представления о людях ограничиваются кругом близких родственников: родителей, бабушек и дедушек, братьев, сестер, племянников, дядей и тетей. О прабабушке и прадедушке знаем уже меньше, а о прапрабабушке и прапрадедушке многие, вероятно, никогда и не слышали. На этом, к сожалению, обычно и кончается знакомство с нашей родословной. У нас пока еще не укоренилась привычка составления родословного древа. Недаром именно в русской среде возникло выражение «Иван, не помнящий родства». В прошлом – это юридический термин, применявшийся к беспаспортным бродягам. Хочу обратить внимание, что родословные, кроме познавательного, личного, имеют научный интерес.

Умение писать человек обрел около 5 тысяч лет тому назад: в Египте появились иероглифы, в Двуречье – клинопись, а первые сообщества людей

возникли 2–4 миллиона лет тому назад. Ученые задаются вопросом: когда же возник язык как средство общения людей? Не конкретные известные языки, которых насчитывается более 6000, а человеческий язык вообще. Невозможно представить коллективную трудовую деятельность первобытных людей, не умеющих говорить друг с другом. Если человечество как биологический вид возникло в одном определенном географическом месте, то первоначальный праязык стал основой развития всех языков расселившихся по земному шару народов. Если же человечество имело несколько очагов возникновения, следовательно, изначально возникло несколько древнейших языков. Лингвисты не раз отмечали, что языки многих народов высоко развиты, независимо от ступеней эволюции человека. Например, российские лингвисты вместе с вьетнамскими коллегами, много лет изучавшие языки малочисленных народов Вьетнама, обнаружили людей по сути каменного века. Они охотились деревянными стрелами, добывали огонь с помощью кремня, «горячительные» напитки получали, бросая бродильные травы в сок, сохранившийся в дуплах деревьев, не знали одежды, письменности, но язык их не уступал по сложности современным развитым языкам. Отсутствие переходных звеньев между животным миром и человеком (слухи о снежном человеке по-прежнему остаются слухами) чрезвычайно затрудняет решение проблемы происхождения человеческого языка как средства общения. «Однако вряд ли стоит терять надежду, что человечество когда-нибудь разгадает эту загадку» (Солицев В., 2000, с. 13).

Археология изучает громадный бесписьменный период истории, имея дело с сохранившимися вещественными свидетельствами. Памятники наших далеких предков и их остатки, которые удастся найти в земле, обломки камня, кости, кусочки дерева, обрывки тканей, едва заметные отпечатки в земле передают информацию о жизни людей, их занятиях, рассказывают, что они умели и чего не умели делать.

Спросим: отчего, вследствие каких событий эти бесценные свидетельства жизни древних людей оказались в земле? Представим такую картину. На берегу реки или озера стояла деревня из нескольких домов, сараев, кладовых для хранения продуктов. В деревне жили люди, охотились, рыбачили, растили детей. И вдруг по каким-то причинам обеднели озера рыбой, мало осталось зверей в ближайших лесах. Что делать? Правильно – искать новые удобные для поселения места. Могло случиться и так, что от страшной болезни, эпидемии вымирало целое селение. Брошенные дома постепенно разрушались. От солнца и ветра, дождя и снега сгнивали крыши и стены, деревянные части топоров и стрел, все, что сделано из растений, шкур, кож и костей животных. Время не тронуло лишь изделия из камня и обломки глиняной посуды. Все это заносилось пылью, песком и землей. Сквозь них прорастала трава, потом кустарник и деревья, и через 100–200 лет,

не говоря уже о тысячелетиях, ничто не напоминало о жизни людей на этом месте. Только археологи по особым приметам находят места обитания древних поселенцев.

Поиски памятников основываются прежде всего на знании привычек древних людей, предпочитавших селиться по берегам рек и озер, поскольку они, реки и озера, являлись одновременно путями сообщения и источниками питания. Вот почему топографические особенности поселений охотников и рыболовов в Карелии на протяжении длительного времени были постоянными и в значительной степени зависели от природных условий и занятий населения. Довольно часто одни и те же места заселялись неоднократно. С приобщением людей к земледелию выбор места для поселения диктовался несколько другими условиями. И все-таки успех археологической разведки во многом зависит не только от профессиональной подготовки археолога, но и от его интуиции и удачи. История археологии знает яркие примеры удивительно счастливого успеха и столь же досадного невезенья, когда исследователь останавливался буквально в одном шаге от открытия. На мой взгляд, не стоит создавать ажиотажа вокруг того или иного открытия, эдакого «подарка судьбы». Главное – осуществить исследование памятника так, чтобы это исследование стало, по выражению известного отечественного археолога В.М. Массона, «подарком ума».

Предположим, обнаружено поселение древних людей и принято решение его исследовать. Отделом полевых исследований (ОПИ) Института археологии Российской академии наук утверждены правила раскопок. На территории размечается сетка квадратов со сторонами в один-два метра, на их углах забиваются деревянные или металлические колышки. Теперь все, что найдут в каждом квадрате, в соответствующем масштабе будет перенесено на планы, измерено, зарисовано, сфотографировано. Земля снимается лопатами и мастерками горизонтальными пластами. В зависимости от особенностей археологического памятника пласты могут быть толщиной от 5 до 20 см. Каждая горсть грунта тщательным образом перебирается. Могут встретиться мелкие предметы, например, косточки или бусинки. В этом случае в ход идут кисточки, совочки и ножи. Просмотренный грунт просеивают, при необходимости промывают. Археолог обязан зафиксировать на плане все, что сохранилось в слое земли от деятельности людей, живших в далекую эпоху: предметы, остатки сооружений, следы от дерева, угольки и т.д.

Самое непоправимое в работе археолога то, что после раскопок памятник фактически уничтожается, поэтому важно подробно зафиксировать весь процесс в отчете. Для будущих поколений археологов должна быть сохранена полная информация о всех когда-либо раскапывавшихся памятниках. Поэтому на руководителе полевых работ лежит огромная ответственность за качество и эффективность раскопок.

Контроль за археологическими работами осуществляет ОПИ. Он выдает сроком на один год Открытые листы – разрешение на ведение археологических разведок и раскопок лицам, имеющим специальную археологическую подготовку. Без этого документа никто не имеет права раскапывать памятник. Подготовленный отчет о раскопках рассматривается сотрудниками ОПИ – при этом оценивается профессиональное мастерство археолога, отсутствие в его работе недочетов, и после утверждения отчета археолог имеет право в будущем вновь запросить разрешение на проведение археологических работ.

Одним из основных вопросов археологии является определение времени существования того или иного памятника, отдельного сооружения, предмета и пр. Помимо археологического, так называемого типологического, способа датирования используются споро-пыльцевой, фосфатный и другие методы естественных наук. Наиболее распространенным и точным является радиоуглеродный метод. В специальных лабораториях производится анализ угля, собранного из очага или кострища поселения. Степень точности полученных дат в 50–150 лет приемлема для датировки древностей каменного века.

От коллекционирования к научным исследованиям. Интерес к отечественным древностям России, в том числе и Карелии, возник еще в XIX в. и выразился поначалу в коллекционировании каменных орудий, без формулирования каких-либо научных целей. Так, начальник Олонецких горных заводов Н.Ф. Бутенев (1803–1870) собрал самую богатую в России коллекцию каменных орудий. В ней насчитывалось более 400 единиц, приобретенных в основном у крестьян Повенецкого и Пудожского уездов.

Активной собирательницей была А.М. Раевская (1819–1883). Она увлеклась археологией в Керчи, где жила в 1830-х гг. с мужем, героем 1812 г. Затем переехала в Италию, много путешествовала по Европе, побывала на раскопках свайных построек в Швейцарии. Постепенно к западноевропейским находкам стали добавляться каменные орудия из российских губерний, в том числе и Олонецкой. Основную часть своей обширной коллекции Раевская подарила Московскому Публичному (Румянцевскому) музею. В настоящее время предметы из Заонежья, с берегов Сямозера, рек Шуи и Суны находятся в Эрмитаже, а также в фондохранилищах Музейного Ведомства Финляндии (к началу 1939 г. около 40% археологических коллекций приходилось на предметы каменного века из Карелии; Karjalan syntu, 2003, s.137). А.М. Раевская подарила в Олонецкий музей слепки «доисторических древностей с 50 номеров», о чем сообщила газета «Олонецкие губернские ведомости» (ОГВ, 1878, № 82).

Коллекционированием древних предметов занимались краеведы, историки, фольклористы. Наиболее известные из них П.Н. Рыбников, Е.В. Барсов. Они тоже ориентировались на столичные музеи и учреждения. Например, П.Н. Рыбников передал Археологическому обществу в Петербурге коллекцию каменных орудий, приобретенных им в 1863–1864 гг. в Петрозаводском, Вытегорском, Каргопольском и Пудожском уездах. С организацией Олонецкого естественно-промышленного и историко-этнографического музея археологические находки стали поступать в его фонды.

Известный историк, археограф, собиратель древних актов и рукописей, фольклорист Е.В. Барсов, окончив в 1861 г. Петербургскую духовную академию, преподавал логику и психологию в Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске. Он опубликовал в ОГВ и других столичных изданиях многие интересные материалы по краеведению, фольклору, старообрядчеству и т.д.

Формированию серьезного отношения к находкам каменного века способствовала деятельность П.И. Лерха (1828–1884), протоколиста Академии наук, помощника библиотекаря Петербургского университета. Он в подлиннике изучил коллекцию Н.Ф. Бутенева, написал о ней содержательную статью в ОГВ (1865, № 33), в которой опроверг П.Н. Рыбникова, предположившего, что крестьяне сбывали Бутеневу подделки. В 1865 г. П.И. Лерх объехал Олонецкую, Вологодскую и Вятскую губернии. Тщательность и скрупулезность в оформлении и описании экспонатов создали ему добрую репутацию. Недаром А.М. Раевская именно ему доверила составить каталог своей коллекции (Формозов А.А., 1983, с. 36–46).

В изучение древностей Олонецкого края значительный вклад внес И.С. Поляков (1847–1887), «неутомимый молодой путешественник», как иногда называли его в научных кругах. За свою сравнительно недолгую, но яркую и удивительно плодотворную жизнь он организовал научные экспедиции во многих местах России – от Сахалина до Карелии. Круг интересов И.С. Полякова чрезвычайно широк: зоология, география, этнология, археология, поэтому исследования его носили комплексный характер. Заслуживает внимания методика полевых изысканий – помимо сбора официальных материалов, много информации он черпал из бесед с крестьянами, рыбаками, охотниками, корректируя ее собственными наблюдениями. Трижды путешествуя по Карелии (1871, 1873, 1875), он собрал большой материал в области географии, зоологии, ботаники, орнитологии, ихтиологии, гидрографии, а также открыл стоянки древнего человека на восточном побережье Онежского озера, в устье р. Водлы, у Муромского монастыря и т.д. (вступит.статья к кн: Поляков И.С., 1991, с. 5–44).

Образцом комплексного исследования материалов периода первобытно-общинного строя до сих пор является роскошно изданная книга профессора

Петербургского университета А.А. Иностранцева «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера» (1882). И хотя археологические находки и другие сопутствующие им материалы (человеческие черепа, кости животных и птиц, древесные остатки и пр.) были найдены не в Карелии, но по соседству, на территории Ленинградской области, при строительстве обводных каналов в юго-восточной части Ладожского озера, значение книги для нынешнего читателя огромно. Даже по сегодняшним меркам — это выдающийся труд, ставший ориентиром для многих поколений археологов. А.А. Иностранцев (1843–1919) лучшие годы своей творческой жизни отдал изучению наследия прошлого от Ладоги до Белого моря. Его заслуженно называют основателем карельской геологической науки. В дореволюционные годы общественность г. Петрозаводска выразила глубокую признательность исследователю и избрала его почетным членом Общества изучения Олонецкой губернии (Соколов В.А., 1976).

С середины XIX в. началось изучение наскальных изображений Онежского озера. Одним из первых для науки их открыл геолог К.И. Гревингк (в дальнейшем профессор Дерптского университета и автор двух книг о каменном веке). По поручению Академии наук России с мая по октябрь 1848 г. он проводил на этой территории исследования.

Во второй половине XIX в. финляндский лингвист и археолог Д. Европеус раскопал несколько курганов на реках Ояты и Олонке. Финляндский исследователь Т. Швиндт в конце XIX в. исследовал могильники на Карельском перешейке. Отдельные статьи и сообщения в местных изданиях начали привлекать в начале XX в. и скандинавских исследователей. Так, например, шведский археолог Г. Хальстрем впервые осуществил полную и совершенную по тому времени копировку онежских петроглифов.

Несмотря на пренебрежительное отношение к археологии Севера, после революции изучение истории этих территорий России стало важной научной задачей. По словам А.Я. Брюсова, одного из первых исследователей археологии Карелии, «...некоторые старые археологи... открыто высказывались против всяких археологических работ на севере как совершенно якобы бесполезных» (1948, с. 144). С 1923 г. А.Я. Брюсов возглавил ряд экспедиций, работавших на российском Севере. Толчком для активизации работ послужило открытие в 1926 г. студентом-этнографом А.М. Линевским наскальных изображений в низовье р. Выг в Беломорье. А.Я. Брюсов осуществил важные полевые исследования на Летнем берегу Белого моря вместе с М.Е. Фосс, Д.А. Крайновым и А.В. Збруевой, а позднее в Карелии, Вологодской и Новгородской областях.

В довоенные годы активную работу по выявлению и изучению памятников древних эпох провела Н.Н. Гурина. Под руководством В.И. Равдоникаса

были осуществлены раскопки Оленеостровского могильника, исследовались петроглифы, курганы в Ленинградской области и на юге Карелии. После войны А.Я. Брюсов и Н.Н. Гурина возобновили свои работы в Карелии.

До середины 50-х гг. XX в. археологическое изучение нашей республики проводилось столичными, московскими и ленинградскими археологами. В 1955–1956 гг. в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук была сформирована и начала свою самостоятельную работу группа археологов под руководством Г.А. Панкрушева – первого карельского археолога, позднее руководителя сектора археологии. Археологические работы развернулись в полном научном объеме и охватили почти всю территорию республики, включив часть смежных с ней районов Ленинградской, Вологодской, Архангельской и Мурманской областей. К настоящему времени насчитывается около 2500 археологических памятников.

Узловым проблемам археологии Карелии посвящены книги А.Я. Брюсова, Н.Н. Гуриной, В.И. Равдоникаса, Г.А. Панкрушева, Ю.А. Савватсева, М.Г. Косменко, С.И. Кочуркиной, В.Ф. Филатовой. Коллективное исследование «Археология Карелии», изданное в 1996 г., является гармоничным сочетанием опыта, накопленного за многие десятилетия изучения древней истории Карелии, и современных достижений, важным этапом в развитии российской археологической науки и серьезным вкладом в фундаментальную науку.

Основные хронологические этапы древней истории Карелии. В силу своих географо-топографических и природно-климатических условий территория Карелии привлекала внимание людей с глубокой древности, была своего рода мостом между Западом и Востоком, что придало своеобразие материальной культуре на различных исторических этапах.

После отступления ледника и возникновения соответствующих для жизни людей условий появились первые поселения, географическое и топографическое размещение которых зависело от природных условий и способов хозяйствования, причем степень зависимости в разные периоды времени была различной. Большей частью поселения стали местами многократного заселения и по этой причине содержали культурные пласты разных эпох.

Первые поселения в Карелии появились в эпоху мезолита (средний каменный век), примерно 9 тысяч лет тому назад (Рис. 1). Самая многочисленная группа поселений этого времени сосредоточена в бассейне Онежского озера, несколько меньше – в юго-западной и северной Карелии. Уникальным памятником эпохи мезолита является Оленеостровский могильник. Раскопанный в довоенные годы, он по-прежнему привлекает

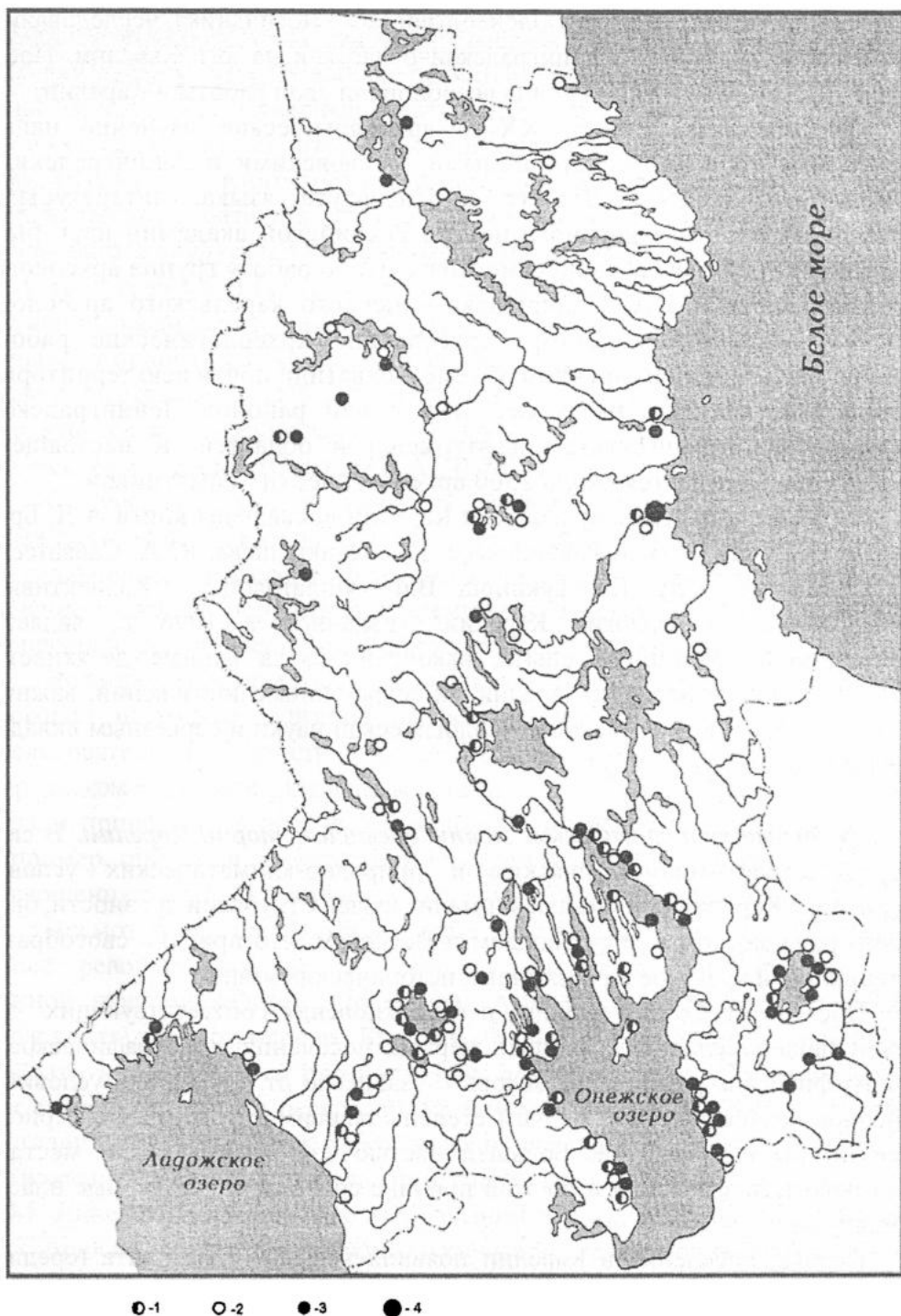

Рис. 1. Археологические памятники каменного века и раннего металла

(1 – памятники мезолита, неолита; 2 – памятники энеолита, бронзы, железа; 3 – памятники многократного заселения (до 20); 4 – памятники многократного заселения (более 20))

внимание археологов обилием самобытных находок, предметами, не известными по другим памятникам, погребальными ритуалами, несущими информацию о духовной культуре древнего населения, об антропологическом типе живших в тот период людей. Палеоантропологические материалы Оленеостровского могильника весьма ценны для выяснения ранних этапов заселения территории Северо-Запада России.

Наиболее ранними неолитическими (новый каменный век, 7–5 тысяч лет тому назад) памятниками являются поселения с керамикой сперрингс и ямочно-гребенчатой, позднее – с гребенчато-ямочной. По сравнению с предшествующим периодом число памятников значительно увеличилось, орудия труда стали разнообразнее и совершеннее, появилась глиняная посуда с многообразием орнаментальных узоров. В сочетании с благоприятными природно-климатическими условиями это, безусловно, способствовало демографическому росту.

Мировую известность получили наскальные изображения на восточном берегу Онежского озера и в Беломорье, являющиеся яркими образцами искусства каменного века. Петроглифы Карелии содержат многоплановую информацию по многим явлениям жизни первобытного человека, которые чисто археологическими методами не уловимы. При некоторых общих, свойственных североевропейскому наскальному творчеству тенденциях карельские образцы занимают особое место как в техническом, так и в художественном отношении.

Эпоха энеолита (медно-каменный век, 5–4 тысяч лет тому назад) характеризуется поселениями с ромбоямочной и асбестовой керамикой, при этом к существенным изменениям в хозяйственном укладе населения первичное знакомство с металлом не привело (Рис. 1:2). Предполагается, что связями с населением из прибалтийских земель объясняется появление среди находок этого периода янтарных украшений и некоторых каменных изделий.

В эпоху бронзы (2,5–3,5 тысячи лет тому назад) на территории Карелии появилась сетчатая керамика. Продвигаясь по территории Карелии в северо-западные районы Фенноскандии, ее носители (т.е. те, кто изготавливал сетчатую керамику) приспособлялись к местным условиям, постепенно попадая под влияние аборигенов. Около середины I тысячелетия до н.э. в Карелии отмечены памятники с гибридной керамикой, сочетающей особенности как сетчатой, так и ананьинской посуды. Они принадлежат к урало-поволжским культурам, распространение которых шло через юго-восточную Карелию в западном направлении.

Древние памятники Карелии (и их немало) являются местами многократного заселения и содержат материалы разных эпох (Рис. 1:3, 4).

Поселения железного века (VI–V вв. до н.э. VI, возможно, VII в. н.э.)

имеют непосредственное отношение к возникновению финно-угорских народов. Прасаамами оставлены культуры железного века на западе и севере Карелии, а этносом, находящимся на стадии формирования и еще недостаточно четко определившимся, — в восточных районах Карелии. Этногенетические процессы прибалтийско-финского населения, приведшие к становлению предков карел и вепсов, первоначально протекали за пределами современных географических границ республики.

Вопросы смены культур в археологии относятся к числу сложнейших. Неравномерность изученности территории по эпохам, отсутствие некоторых важных звеньев, несовершенство теории и методики исследований отразились в недостаточной проработанности переходных этапов: мезолита к неолиту, неолита к энеолиту и т.д. Конец эпохи железа на территории Карелии приходится предположительно на середину I тысячелетия н.э. и несколько позднее, известные средневековые памятники датируются IX–X вв. Аргументированного объяснения этому явлению пока нет. Возможно, причина в отсутствии памятников промежуточного этапа, может быть, — в пробелах детальной периодизации обоих периодов. Принятая в Финляндии и Эстонии западноевропейская хронология (ранний, средний, поздний железный век) не соответствует древностям Карелии.

Начиная со второй половины I тысячелетия н.э. периодизация памятников по археологическому принципу, т.е. по материалу, из которого сделаны орудия труда — камень, медь, бронза, железо, — теряет смысл. По этой причине в отечественной научной литературе для обозначения древностей после железного века введена историческая терминология — эпоха Средневековья. Для изучения этого периода круг источников существенно расширяется. Помимо археологических материалов, привлекаются богатые по содержанию письменные источники — как отечественные, так и западноевропейские, данные лингвистики и топонимики, этнографии, антропологии. Это позволяет исследователям восстановить исторические процессы во всей их сложности, многообразии и мозаичности деталей.

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ КАРЕЛИИ

ЭПОХА КАМНЯ И РАННЕГО МЕТАЛЛА

Природа и человек – это взаимосвязанная сложная экосистема, общую картину которой удастся исследовать лишь совместными усилиями археологов, геологов и палеогеографов. Карелия и ее близлежащие территории располагаются на восточной окраине Балтийского щита. Освоение этой территории человеком произошло после окончания оледенения в результате потепления климата, т.е. около 13 000 лет тому назад, но дата самых ранних из известных нам археологических материалов – около 9 000 лет тому назад. Изменения береговой линии водоемов, климата, растительного и животного мира непосредственно влияли на расселение человека и на выбор мест для поселений.

С потеплением льды начинали таять, но возвраты к холодам еще наблюдались. Зимы стояли суровые и малоснежные, лето – прохладное и короткое. Постепенно создавались условия для проживания человека. Выросли трава и кустарник, а затем и деревья. Карелия сначала входила в зону тундры, затем северной тайги. При потеплении получили распространение средне- и южнотаяжные леса. В широколиственно-хвойных лесах появились северные олени, лоси, бурые медведи, лисицы, зайцы, рыси, кабаны, водоплавающие птицы: гуси, утки, лебеди; в реках завелись ряпушка, сиг, семга и лосось.

Мезолит занимает промежуточное положение между палеолитом (древний каменный век) и неолитом (новый каменный век). Памятников палеолита в Карелии нет, а мезолитические известны. Исследователи полагают, что первоначальное заселение Карелии шло с юга из бассейна реки верхней Волги, т.е. из тех территорий, которые раньше освободились от ледника. Поселенцы умели изготавливать орудия труда, строить жилища, добывать пищу и в довольно короткий срок, как отмечают археологи, приспособились к новым условиям жизни.

Размещение древних стоянок в Карелии, как уже упоминалось, зависело от природных условий и хозяйственного уклада жизни. Люди устраивались на древних (не современных!) берегах озер, обычно южных, на длинных мысах-полуостровах, островах. Археологические памятники каменного века представлены поселениями разного функционального назначения и могильниками. Другие виды памятников редки, и о них подробнее будет сказано ниже.

Мезолитическая эпоха в Карелии длилась примерно 1,5–2 тысячи лет. Больше всего мезолитических поселений обнаружено в южной части Карелии. На севере из-за сурового климата, бедной растительности, трудных условий жизни поселений было меньше.

В южной Карелии в ту далекую эпоху жизнь протекала более активно. Внимание древних поселенцев привлекали берега Онежского озера, озер Водлозеро и Сямозеро. На протяжении длительного времени они заселяли одни и те же наиболее удобные, с точки зрения первобытного человека, места. Устраивались прочно: строили каркасно-столбовые жилища, углубленные с целью сохранить тепло в землю, еду готовили на кострах и очагах. Орудия труда делали из сланца и кварца, т.е. из местных пород, часто встречающихся в Карелии, а также из кости, дерева и кремня (кремень древние жители приобретали у соседей).

Люди знали свойства горных пород и соответственно их использовали в своей практике. Так, из сланца делали крупные орудия для землеройных и деревообрабатывающих работ, из кварца и кремня, дающих при обработке острые края, – скребки, скобели для обработки шкур, наконечники стрел, ножи и т.д. Мастера владели техникой пиления, ретуши, умели шлифовать и сверлить. Они научились придавать куску камня определенную форму, можно сказать, проектировали ее. Отшлифованная, гладкая поверхность улучшала свойства орудий труда. Рубить шлифованным топором легче и быстрее, потому что уменьшается трение о дерево, камень и т.д. Добытые опытом, эти знания учитывались древними людьми при изготовлении разнообразных рабочих инструментов.

Можно задаться вопросом: сколько же времени тратил первобытный человек на изготовление, к примеру, топора? Раньше бытовало мнение, что на это тратилось очень много времени, чуть ли не месяцы. В экспериментальных условиях археологи установили, что, даже не имея опыта, из куска сланца за 2,5–3 часа можно сделать топор, сланцевым топором за 15 минут срубить сосну диаметром 25 см, а для сравнения современным топором такое же дерево – за 2–3 минуты.

В эпоху мезолита из кости и рога делали орудия труда и предметы украшения. Обнаружено несколько обломков орнаментированных костяных изделий. Прекрасные образцы таких изделий найдены в Оленеостровском могильнике. Особенно выразительны так называемые жезлы из рога, изображающие голову лося, а также скульптурки в виде извивающихся змей, человеческие фигурки, подвески из зубов бобров, лосей, медведей.

Карелия того периода отличалась богатым животным и растительным миром, теплым и влажным климатом, температурой на 3–4° выше современной. Менялись условия жизни, совершенствовался и сам человек. Он становился более сильным, ловким и умелым. Поселения этого времени имели

большую площадь (2500–3500 м²) с тремя–пятью прямоугольной формы жилищами, углубленными в землю на 40–60 см. Крыша предположительно двускатная, иногда плоская. Сеней или тамбуров у жилищ на этом этапе не существовало. Вход-выход располагался с южной стороны параллельно береговой линии или перпендикулярно ей. Отапливалось жилище очагом и кострищем. Пол, видимо, был земляным. Рядом с жилищами устраивались хозяйственные пристройки, очаги.

Кроме постоянных зимних поселений, в эпоху мезолита существовали сезонные поселения, посещавшиеся только летом для охоты, изготовления орудий труда.

Охотились на животных, применяя всевозможные ловушки, силки и т.д. В этот период была приручена собака, верный помощник на охоте и надежный сторож.

Рыболовство у нас на Севере тоже древний вид промысла. Рыба часто спасала людей от голода. Самой старой сети, найденной археологами на Карельском перешейке, 9300 лет. Она сплетена из ивовой бечевки узелковым способом. Длина сети 27–30 м, высота 1,5 м. Поплавки изготовлены из сосновой коры, грузила – каменные.

Эта знаменитая находка имеет свою историю. В 1914 г. финляндский археолог Сакари Пяльси на глубине чуть меньше метра в торфе, прекрасно сохраняющем органические остатки, выявил следы произошедшего около 10 тысяч лет тому назад несчастного случая, случившегося с рыбаком, передвигавшимся в лодке с сетью и рыболовными принадлежностями по древнему проливу между Балтийским морем и Ладогой. Сам рыбак, вероятнее всего, остался жив, поскольку останков его не обнаружено, а снасти, интерес к которым сохраняется по сей день, достались археологам.

Замечательным изобретением человека в мезолите был лук и стрелы. Лук – дальнобойное орудие – способствовал развитию индивидуальной охоты. Размеры этого орудия либо в половину человеческого роста, либо чуть больше. Деревянные стрелы с наконечниками из камня и кости имели оперение. Кроме того, люди умели изготавливать лодки, сани, лыжи.

На территории Карелии, кроме обычных поселений, есть уникальные памятники. Ценность их не только в редкости и необычности. Она заключается в богатейшей информации, которую они дают для изучения древнейшей истории. К числу таких памятников относится Оленеостровский могильник. Он располагался на вершине небольшого острова Южный Олений. Могильник был открыт в 30-е гг. XX в. случайно при добыче известняка. Именно известняк сыграл консервирующую роль и сохранил захоронения людей. О находках человеческих костей сообщили в Карельский краеведческий музей. Но обстоятельства сложились так, что к раскопкам приступили лишь в 1936 г. В процессе археологического исследования в 1936–1938 гг. изучено

177 погребений людей. Их, конечно, было больше (возможно до 600), но они уничтожены в процессе хозяйственных работ. Могилы из-за каменистости грунта неглубокие, в среднем около 60 см. Большинство погребенных находилось в горизонтальном положении, 118 – на спине, пятеро (или трое?) – на боку, трое – в скорченном состоянии в позе спящего человека: у них ноги сильно согнуты в коленях и подтянуты к груди, а кисти согнутых рук покоятся у подбородка. Четверо умерших захоронены в полувертикальном положении (под 45°). Основная ориентация головой на восток с некоторым отклонением к северу, реже – к югу. Встречались одиночные погребения (132), парные (18) и тройные (3). В парных лежали мужчина и женщина (4 случая), женщина с женщиной (2), женщина с ребенком (3), мужчина с ребенком (3), двое детей (2), неопределенных – четыре (случая). Кроме того, исследована могила, в которой погребены трое мужчин, в другой захоронен мужчина с двумя женщинами, в третьей могиле – трое детей.

Антропологи, тщательно изучившие костные остатки, восстановили физический облик умерших: высокий рост у мужчин (170–175 см), широкое лицо и покатый лоб говорят о том, что в могилах покоятся представители древних северных европеоидов. Антропологи определили и приблизительный возраст погребенных. По их данным, захоронены в основном люди зрелого возраста, небольшое количество детей старше 5–6 лет, а также юноши и старики. По всей вероятности, для детей существовал иной обряд погребения. Этнографическая литература дает тому много ярких примеров, в частности, у некоторых сибирских народов существовал обычай подвешивать умерших детей в лукошке на дереве. До глубокого старческого возраста, вероятно, древние оленеостровцы не доживали. Покойников посыпали охрой – природной минеральной краской красновато-оранжевого цвета. По-видимому, она являлась в представлении первобытных людей символом крови, символом огня. Умерших нарядно одевали и снабжали необходимыми вещами для перехода в потусторонний мир.

Всего в погребениях найдено свыше 7 тысяч предметов. Большинство из них украшения – подвески и ожерелья из резцов лося, бобра, клыков медведя, гальки. Из рога лося изготовлены так называемые жезлы¹, из кости – кинжалы с головой лося, человекоподобные и змеевидные скульптурки, наконечники гарпунов (Рис. 2). По расположению украшений на скелетах удалось восстановить костюм древних оленеостровцев. Как выяснилось, они пользовались такой одеждой, которая надежно защищала их от капризов природы, северных ветров, от дождя и снега. Обувь, штаны, куртка и капюшон шились из шкур животных костяными иглами или проколами. Вместо ниток использовались сухожилия лосей и оленей, а также, может быть,

¹ Исследователи полагают, что «жезлы» принадлежали не рядовым членам первобытного общества, а их предводителям.

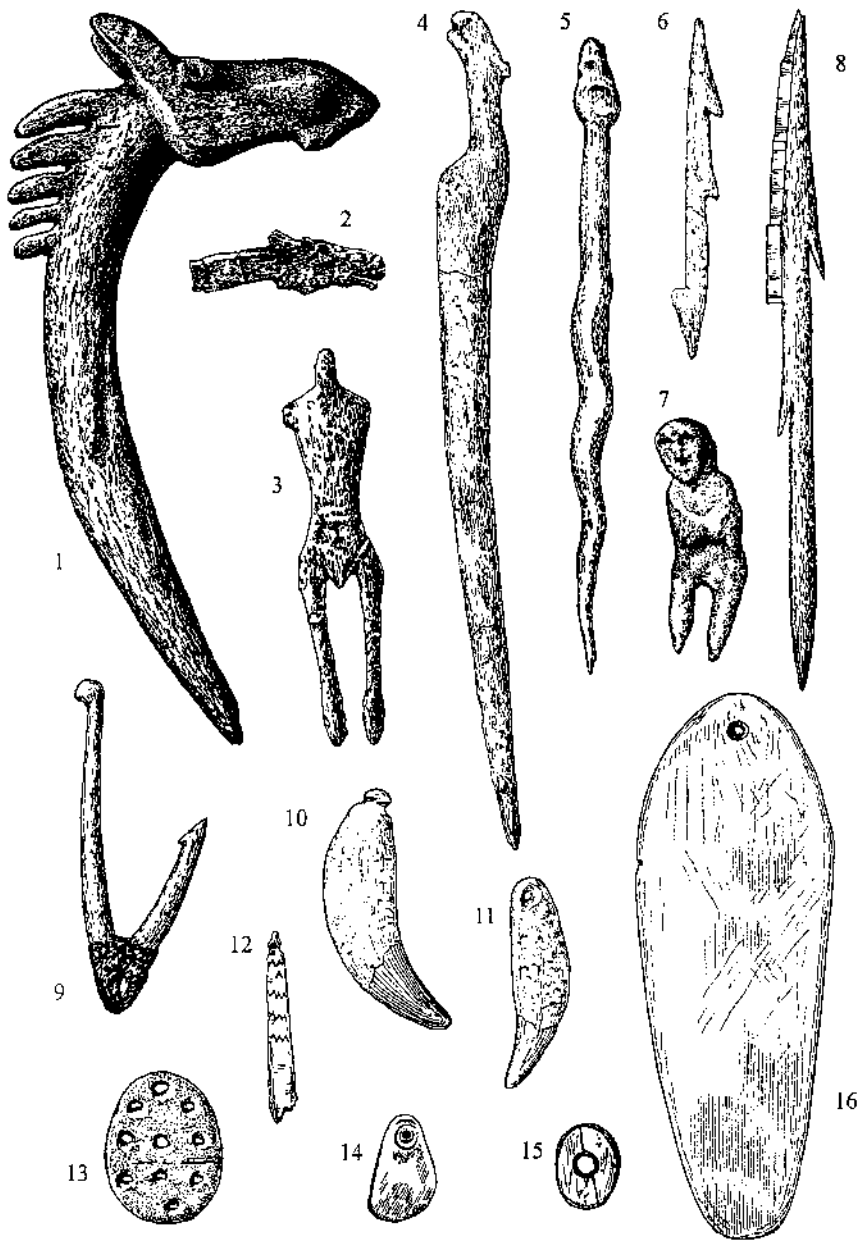

Рис. 2. Предметы из Оленеостровского могильника

(1 — «жезл» из рога лося; 2 — скульптурка, изображающая голову лося; 3 — антропоморфная скульптурка (мужчины?); 4 — кинжал с навершием в виде головы лося; 5 — скульптурка змеи; 6 — наконечник гарпуна; 7 — двуликая фигурка; 8 — наконечник гарпуна с вкладышами из кремневых ножсвидных пластин; 9 — рыболовный крючок; 10—11 — подвески из резцов лося с канавкой и отверстием для привязывания; 12 — орнаментированная подвеска; 13 — подвеска с пробитыми отверстиями; 14—15 — подвески с просверленными отверстиями; 16 — нож; 2—12, 15 — кость; 13, 14, 16 — сланец)

волокна крапивы, лыка и других растений. Одежда украшалась ожерельями и нашивками из зубов лося и бобра, клыками медведя, подвесками из кости и камня. Женская одежда отличалась от мужской лишь наличием фартука и тоже оптимально была приспособлена к суровым местным условиям.

Датировка могильника до сих пор не считается бесспорной. Если использовать только результаты радиоуглеродного метода, то время его существования определяется длительным промежутком времени 10 000–5600 лет назад, что явно противоречит археологическому материалу. В последнее время высказана точка зрения, согласно которой могильник возник в первой половине VI тысячелетия до н.э., но допускают его существование и в конце VII – самом начале VI тысячелетия до н.э. (Филатова В.Ф., 2002, 2004).

Неолит. Неолитическая эпоха на территории Карелии началась 7 тысяч лет назад и закончилась 4,8 тысяч лет назад, т.е. длилась в пределах двух тысячелетий. На этом историческом этапе древнее население научилось лепить глиняную посуду, поэтому неолит называют еще керамическим веком. Открытие неизвестного в природе материала – безводного силиката, т.е. обожженной глины – стало знаменательным событием в истории всего человечества.

Процесс изготовления посуды начинался с поисков подходящей глины. Из глины с водой готовили тесто, при этом важно было соблюсти пропорции: излишек воды приводил к расползанию глиняной массы, недостаток – к появлению трещин. В тесто вводились различные примеси, т.е. отошители глины: пух, перья, шерсть животных, растительность, иголки асбеста. В Карелии наиболее часто употреблялись песок и дресва (дробленый камень гранитовых и гнейсовых пород). Примеси использовались для уменьшения усадки глины во время высушивания и обжига изделий, увеличения их огнестойкости.

Следующий этап – создание сосуда. Вначале из комка глины выдавливалось дно сосуда, затем глиняными жгутами, уложенными виток к витку, наращивали стенки до самого края – венчика. Сосуду придавали нужную форму, места стыков заглаживали пучком травы, щепками и другими подручными материалами, позднее на еще не высохшую глину наносился орнамент. Посуда украшалась разнообразными узорами из ямок, отпечатков штампов в виде гребенки, рыбьих позвонков. Узоры не только украшали посуду, но и способствовали лучшей просушке и обжигу на костре, предохраняли ее от деформации, растрескивания. Это были первые шаги к красоте, орнаментальному искусству, а ошибки легко исправляли: достаточно слегка смочить поверхность и вновь ее загладить.

Для археологов форма, орнаментация и особенности глиняного теста посуды являются главным источником изучения культурных связей древнего

населения с ближайшими территориями и с дальними для выяснения вопросов: откуда, когда и каким образом появилось население, с кем имело постоянные контакты, ибо глиняная посуда отражает этнографические особенности населения не только отдельного поселка, но и группы поселков или целого региона.

Следующая стадия в изготовлении сосуда – высушивание. Как показали эксперименты, нельзя сушить сосуды на ветру, на солнце, в закрытом помещении. От ветра и солнца трескаются стенки, в помещении же сушка замедляется, идет неравномерно, в результате чего появляются трещины. Предполагается, что древние мастера сушили свои изделия продолжительное время, периодически поворачивая их. И главное, что могло предотвратить резкую усадку, это большой процент отощителя в тесте.

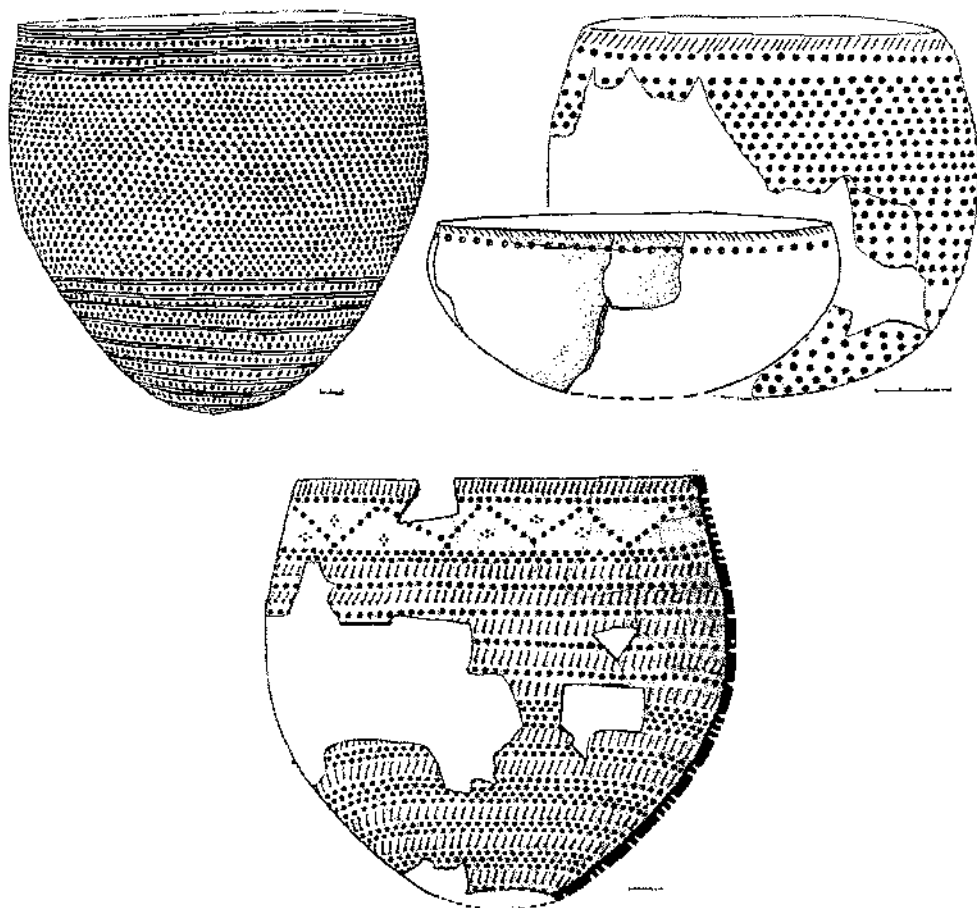

Рис. 3. Ямочно-гребенчатая керамика

Заключительная операция – обжиг. Он проводится при температуре 450–750° на открытом воздухе при равномерном огне, иначе сосуды с треском лопались. На обжиг уходило около 10–12 часов, не считая времени на постепенное остывание керамики. Обжиг на костре был некачественным, вследствие чего сосуды получались непрочными. По этой причине при раскопках неолитических поселений обнаруживается масса обломков глиняной посуды.

Посуда эпохи неолита – от игрушечных сосудиков до огромных двухведерных емкостей – круглодонная. Плоскодонные горшки будут изобретены позднее. Бродячие охотники пользовались, вероятнее всего, небьющимися сосудами из дерева, кожи, бересты.

В горшках хранили продукты и варили еду. Пища стала вкуснее и разнообразнее, что в свою очередь повлияло на развитие человека. Глиняная посуда, закопанная в песок, предохраняла продукты от высыхания, гниения, поедания их грызунами, способствовала созданию некоторых запасов еды.

Самыми ранними типами керамики в эпоху неолита является керамика сперрингс и ямочно-гребенчатая (Рис. 3). Первый тип назван по сходству с керамикой, найденной в Финляндии у населенного пункта Сперрингс примерно в 20 км южнее г. Хельсинки. Керамика отличается своеобразным орнаментом, в котором различаются три элемента: позвонковый, веревочный и прочерченные линии. Ямочно-гребенчатая керамика орнаментирована ямками и гребенчатым штампом.

Поселения этого времени по-прежнему располагаются на сухих песчаных берегах рек и озер. Их топографические особенности со времен мезолита не изменились. Довольно благоприятные природно-климатические условия способствовали росту населения и освоению новых территорий. Это выразилось в увеличении числа памятников.

Жилища строились, возможно, или в виде чума, крытого ветками и шкурами животных, углубленного в землю до 40–60 см, или каркасно-столбовых построек площадью от 18 до 70 м² и тоже углубленных до 70 см. Некоторые из них соединялись друг с другом коридорами, образуя из 2–3 жилищ общий дом.

Каменный инвентарь унаследовал многие традиции мезолитической поры, но усовершенствовался (Рис. 4). Представлены орудия для охоты, рыболовства, обработки добычи. Совместная трудовая деятельность сплачивала людей, помогала накоплению и передаче знаний и опыта. Так на протяжении многих поколений вырабатывался охотничье-хозяйственный календарь: когда, на какого зверя и где нужно охотиться.

В неолите возникает первобытное искусство. Наскальные изображения – петроглифы – появились в Карелии, видимо, в конце V тысячелетия до н.э. Сейчас это всемирно известные памятники на восточном побережье

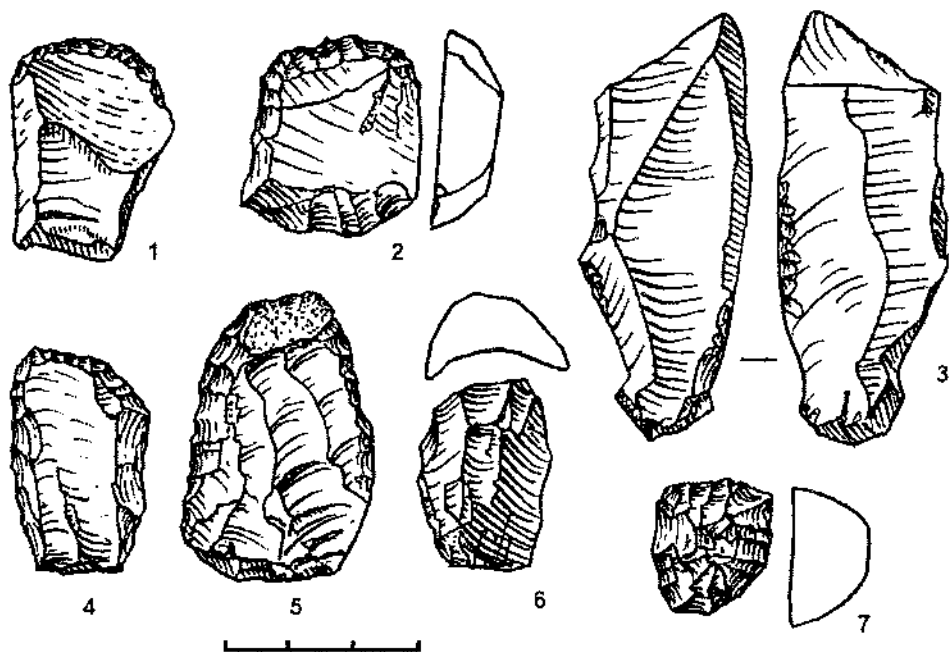

Рис. 4. Орудия труда из камня

(1 – скребок из лидита; 2 – скребок из кварца; 3 – нож из кремня; 4 – комбинированное орудие из кварца; 5 – орудие из кремня; 6 – долотовидное орудие из лидита; 7 – скребок из кремня)

Онежского озера и на севере около г. Беломорска. Они входят в число самых крупных объектов монументального наскального творчества северной Фенноскандии. Как уже упоминалось, одни из них открыты в середине XIX в., другие – в 20-х гг. XX в. 5 сентября 1963 г. археологическим отрядом Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН под руководством Ю.А. Савватеева при раскопках древнего поселения были выявлены новые группы петроглифов в районе г. Беломорска. Эстонскими любителями древнего искусства в течение нескольких полевых сезонов на восточном берегу Онежского озера проводились поиски наскальных изображений, итогом которых стало открытие в 1980–1990 гг. на мысе Кочковनावолок (в 1 км севернее устья р. Водлы) двух групп изображений, насчитывающих 150 фигур (Пойкалайнен В., Эрнитс Э, 1990, с. 104–111). Открытие новых изображений на скалах благодаря использованию новейших методов фиксации продолжается и поныне. В течение последних 10 лет выявлено несколько сотен не известных прежде фигур, обнаружены новые группы и скопления, представлены уникальные сюжеты. К настоящему времени в низовьях р. Выг известно не менее 2400 отдельных изображений в 11 пунктах, а на Онежском озере около 1200 в 23 группах (Лобанова Н.В., 2005, 2007, 2010).

Петроглифы выбивались на гладкой горизонтальной или немного наклонной скале точечными ударами. Среди изображений есть одиночные и большие многофигурные сцены из жизни людей того времени. Первобытные художники изображали лук и стрелы, дротики и копья, гарпуны. Наиболее часто (р. Выг), более 300 раз, выбивались лодки, вереницы лодок: большие и малые самой разной формы с гребцами и без них. Носовая часть украшалась деревянной головой животного, обычно лося или лебедя. На некоторых лодках, напоминающих современные баркасы, выходили в море и преодолевали большие расстояния. Чаще всего на петроглифах изображали лосей и оленей, потому что именно на них охотились в первую очередь; есть изображения медведя, из морских животных представлены белухи и тюлени, а из птиц – гуси, утки и лебеди.

Имеются труднопонимаемые и необъяснимые магические и символические изображения, так называемые солярные и лунарные знаки.

Люди не знали букв, не умели читать и писать, но делали «записи» на память о жизни, обрядах, своих представлениях. И делали это с помощью выбиваемых на камне рисунков. Не все можно расшифровать, не всегда понятен замысел первобытного художника, когда он создавал те или иные образы и сцены, но ученые продолжают изучение петроглифов, размышляют над ними. Можно надеяться, что когда-нибудь будет разгадан их первоначальный смысл.

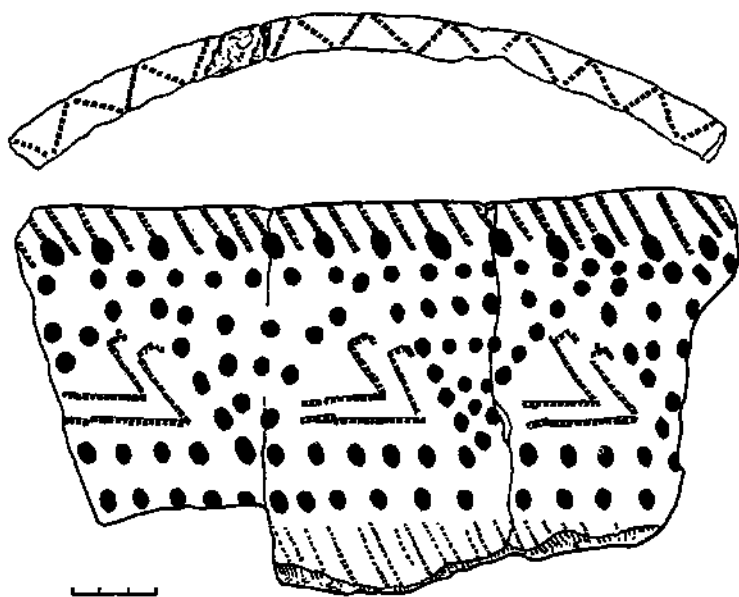

Рис. 5. Фрагмент сосуда с изображением лебедей

В позднем неолите получила распространение гребенчато-ямочная керамика. На ней наряду с разнообразными ямками часто используются гребенчатые узоры, образующие иногда сложные геометрические композиции: треугольники, ромбы, зигзаги, косую сетку.

Эпоха раннего металла подразделяется археологами на энеолит – период, когда население стало использовать медь, и на бронзовый век – время освоения бронзолитейного дела.

Энеолит датируется началом III – первой половиной II тысячелетия до н.э. Отличается от предшествующей эпохи тем, что на поселениях появляются изделия из местной самородной меди, выполненные методом холоднойковки. В энеолите начинает проявляться неравномерность исторического процесса в различных географических зонах. На юге нашей страны в это время широко используются медные изделия, а вот каменный инвентарь количественно и качественно уступает им. Идет интенсивное развитие производящих форм хозяйства – земледелия и скотоводства, наблюдаются и другие изменения в жизни людей, например, появляется плоскодонная, богато орнаментированная керамика.

В Карелии использование меди не привело к радикальным изменениям ни в орудиях труда, ни в охотничье-рыболовецком хозяйстве, ни в образе жизни. По-прежнему господствовали каменные орудия труда. Поэтому энеолит, являясь переходной от неолита к бронзе эпохой, на карельском археологическом материале прослеживается слабо. По этой причине нелегко разграничить памятники позднего неолита и энеолита, которые к тому же часто занимают одни и те же места по берегам рек и озер.

Площадь поселений эпохи энеолита с большим количеством жилищ достигала порой 5000 м². Большинство построек – срубные, прямоугольные, углубленные в землю, площадью до 100 м². Иногда некоторые постройки соединялись переходами. Каменные орудия разнообразны и более совершенны (Вклейка, 1а). Шлифовка некоторых из них достигала зеркального блеска. Появляются новые предметы, связанные с добычей и обработкой меди.

Керамика, украшенная узорами из ромбических ямок или ромбоямочная, получила широкое распространение в это время, но впервые появилась в позднем неолите (Вклейка, 2а), в позднем энеолите входит в обиход керамика с примесью асбеста. В энеолите встречены антропоморфные глиняные фигурки (Вклейка, 3а), а также глиняные сосуды с выступами, изображающими человеческие лица. На одном из горшков изображены лебеди (Рис. 5).

О связях с населением Прибалтики в эпоху позднего неолита–энеолита свидетельствуют янтарные изделия (192 экз.), найденные на 34 памятниках Карелии (см.: Жульников А.М., 1999, рис. 67). Около половины всех находок обнаружены в северной Карелии в Беломорском районе. Например, на

поселении Залавруга II под каменной кладкой, видимо, в могиле найдены 68 круглых изделий и подвесок из янтаря от желтоватого до коричневатокрасного цвета. Круглые изделия с двумя несквозными отверстиями очень напоминают современные пуговицы. Среди них есть мелкие и более крупные экземпляры. У подвесок, напротив, отверстия в верхней части сквозные. Форма их разнообразна: прямоугольная, трапецевидная, округлая, овальная; некоторые имеют зубчатые края (Вклейка, 4а).

Эпоха бронзы датируется второй половиной II – серединой I тысячелетия до н.э. На территории Карелии по-прежнему основными занятиями населения оставались охота и рыболовство. Поселения эпохи бронзы небольшие – 200–400 м². Это в основном кратковременные стоянки, некоторые сезонного характера с легкими наземными жилищами, круглыми в основании, напоминающими чумы, и отапливаемые очагами. Использовалась так называемая сетчатая керамика, принесенная в Карелию населением из Верхнего Поволжья.

Следов использования местной самородной меди археологами не выявлено, но встречены обломки тиглей, в которых плавил металл, обломки литейных форм. Это свидетельствует о производстве бронзовых изделий (Вклейка, 5а). Население по-прежнему продолжало пользоваться каменными орудиями.

Настоящим открытием человечества, которое привело к значительным изменениям, кардинальному перевороту во всех сферах деятельности, явилось производство железа и широкое его внедрение в быт и хозяйство. Об этом рассказ в следующей главе.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

В первые железо упомянуто в переписке египетского фараона с хеттским царем в XIV в. до н.э. В течение некоторого времени железо считалось очень дорогим материалом, употреблявшимся даже в ювелирном производстве. В гробнице египетского фараона Тутанхамона найден золотой браслет с инкрустацией из железа. Известны и другие примеры. На территории бывшего СССР первые железные изделия обнаружены в Закавказье, где они широко использовались в первой половине I тысячелетия до н.э. Распространение железных изделий способствовало важным общественным изменениям, приведшим позднее к созданию классового общества и государства.

Открытие железа не могло состояться случайно, как это, вероятно, произошло в эпоху энеолита с медью. Процесс получения сыродутного железа требовал соблюдения ряда технологических условий и, в первую очередь, специальных сооружений: печей, горнов, домниц, в которых при определенном температурном режиме протекали соответствующие химические процессы для получения металла из руды.

В горне, загруженном мелко истолченной железной рудой и горящим древесным углем, при подаче воздуха происходила химическая реакция, в результате которой крупинцы восстановленного железа по мере сгорания угля опускались вниз и сваривались, образуя губчатый ком – крицу, насыщенную жидким шлаком, т.е. железо не плавилось, а варилось. Крица получалась пористой, с большим количеством примесей, а железо – низкого качества. Пройдет еще немало столетий, прежде чем будут найдены способы получения высококачественных сталей.

Общедоступность сырья и сравнительная легкость получения из него железа поставили население различных регионов в равные условия, и это способствовало равномерному социально-экономическому развитию Юга и Севера, Запада и Востока.

В Карелии приобщение к железу произошло более 2000 лет тому назад, и длился этот период примерно около 1000 лет, т.е. с VI–V вв. до н.э. по VI – возможно VII в. – н.э.

Отголоски этих событий сохранились в памяти народа, и вот как об этом сказано в эпосе «Калевала» в переводе А.П. Бельского:

Из болот железо взяли.
Там на дне его отрыли,
Принесли его к горнилу.
Положил кузнец железо,
Поместил в огонь горнила

И мехи привел в движение,
Трижды дуть их заставляет.
Расплавляется железо,
Размякает под мехами,
Точно тесто из пшеницы
Иль для черных хлебов тесто,
Там, в огне кузнечном сильном,
В ярком пламени горнила. (9:154–166)

В эпоху железа поселения охотничье-рыболовецких культур размещаются в тех же географо-топографических условиях, что и памятники предшествующей поры. С поселениями эпохи бронзы роднит их отсутствие признаков оседлого быта – постоянных жилищ, но занимают они гораздо большую площадь, около 2000 м². Создавались поселки и поменьше (около 1000 м²) с одним-двумя жилищами. Жилые постройки, как и в эпоху бронзы, напоминали чум с диаметром основания до 6 м и очагом в центре.

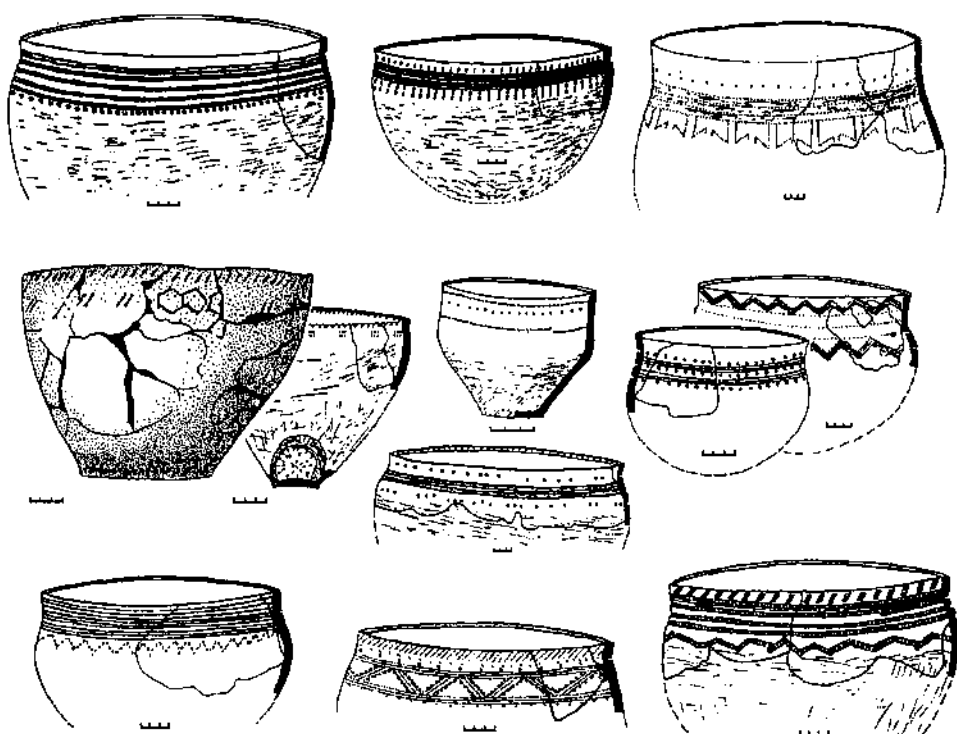

Рис. 6. Сосуды культур эпохи железа на территории Карелии
(из кн.: *Археология Карелии*, 1996)

В быту чаще всего использовалась круглодонная и плоскодонная посуда в виде горшка или чаши с гладкой, штрихованной, иногда сетчатой поверхностью (Рис. 6). Истоки этой культуры восходят к ананьинской культуре, памятники которой известны на востоке России, в Приуралье, по рекам Каме, Вятке, Белой и датируются VII в. до н.э. – III в. н.э. Элементы чужой культуры воспринимались населением Карелии по-разному, по-разному адаптировались и пришельцы к местной среде. При продвижении на запад ананьинские черты утрачивали свою силу.

На поселениях железного века и раннего Средневековья не выявлено следов использования самородной меди. Бронза, как считают исследователи, поступала в Карелию из восточных районов европейской части России в виде готовых изделий, в основном предметов украшения. Как показал спектральный анализ, состав бронзы у них типично приуральский. Остатки медно-бронзового литья немногочисленны. Встречались обломки тиглей, глиняных форм для отливки круглого медно-бронзового прута, медные шлаки.

В настоящее время в Карелии на памятниках охотничье-рыболовецких культур эпохи железа и раннего Средневековья обнаружен 61 пункт с находками железных шлаков и 13 из них – с остатками 26 примитивных горнов для производства сыродутного железа. Карелия богата залежами болотной и железной руды. Например, запасы оз. Сямозеро, на берегах которого найдена половина из всех известных горнов, насчитывают 780 000 т руды, причем содержание железа в ней достигает 47% (Карельская АССР, 1962).

В Карелии применялись горны трех типов: примитивные сооружения однократного пользования, горны в виде небольших ящиков из каменных плит многократного использования (средние размеры их 0,4 x 0,6 x 0,3 м) и горны, сложенные из глины и камней (1,2–0,7 x 0,6–0,5 м). Один из них датирован радиоуглеродным методом II–IV вв. н.э. (Косменко М.Г., Манюхин И.С., 2000).

Постепенно процесс производства железа совершенствовался. Он считался сложным и недоступным для несведущего человека. К тому же кузницы всегда располагались далеко от жилищ, что исключало опасность пожара и усиливало таинственность происходящего. Вот почему кузнеца боялись. Недаром в русском языке слово *кузнец* и *козни* происходят от одного корня. А в древнерусском языке слово *кузнец* имело еще и другое значение: *колдун, чародей; странствующий актер*.

Пока железо считалось диковинкой, пользовались каменными орудиями, но как только выявились его практические ценные свойства, оно постепенно вытеснило все другие материалы. Железодельное производство в эпоху Средневековья археологически зафиксировано у всех народов европейского Севера. Общедоступность местных запасов сырья и овладение передовыми

технологиями обеспечили его высокий уровень в финно-угорской среде. Особенно активно запасы меди и железной руды Карелии использовались в петровское время.

Роль железа в развитии земледелия, скотоводства и других видов хозяйства трудно переоценить. Применяя новые орудия труда, удавалось проделать большую, нежели каменными орудиями, работу за более короткий срок. При такой вооруженности уже необязательно охотиться коллективом, можно добыть зверя и в одиночку. Небольшая семья уже могла с помощью лошади и железных орудий труда превратить лесной участок в пахотную землю, засеять его и получать урожай.

Домашние животные давали не только пищу. Из шерсти овец ткали материал для одежды. Добытые на охоте шкурки пушных зверей можно было обменивать, продать. Постепенно в руках некоторых семей стали скапливаться излишки продуктов, пушнины, ремесленных изделий. Это привело к имущественному неравенству. Равноправное положение членов коллектива и справедливое распределение добычи осталось в прошлом. С изменением условий труда начинает зарождаться классовое общество. Небольшая группа людей богатела и, сосредоточив в своих руках значительные материальные ресурсы, обрела власть над людьми. Различий между группами людей становится все больше и больше, что, заметим, привело к разделению на классы.

Эпохой железа завершается археологическая периодизация, в основу которой положен материал, из которого сделаны орудия труда (эпоха камня и раннего металла, железный век). Для обозначения древностей пост/после железного века введена историческая терминология – эпоха Средневековья. Российские и зарубежные исследователи полагают, что началом Средневековья следует считать крушение Западной Римской империи, т.е. конец V в. (ранее началом этого периода считали эпоху Великого переселения народов, т.е. IV в.). Относительно завершения эпохи у историков нет единого мнения. В последнее время отечественные медиевисты датируют окончание Средневековья концом XV – началом XVI в. Однако надо помнить, что периодизация вообще носит условный характер, так как зависит от конкретного содержания археологического наследия определенной территории. Известные к настоящему времени археологические древности раннего Средневековья народов Карелии и их соседей датируются VI–IX вв., эпохи развитого Средневековья – X–XV вв. Средневековье – это время возникновения Древнерусского государства и формирования этносов на Северо-Западе России.

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Древнерусское государство образовалось в последней четверти IX в. в результате объединения двух главных центров восточных славян, Киева и Новгорода, и поселений, расположенных вдоль пути «из варяг в греки». Это событие нашло отражение на страницах западноевропейских и византийских хроник, в трудах арабских и персидских путешественников. Киев занимал стратегическое положение на международных торговых путях, объединяя вокруг себя восточнославянские земли. В Киеве зародилась традиция летописания. Именно здесь появилась первая русская летопись — «Повесть временных лет», а уже затем это начинание подхватили другие города Руси. Древний Киев был знаменит не только своими дворцами и храмами, но и ремесленниками, слава о которых, как и их изделия, разошлась по всему миру. Отважные киевские купцы посещали западные, восточные и среднеазиатские земли.

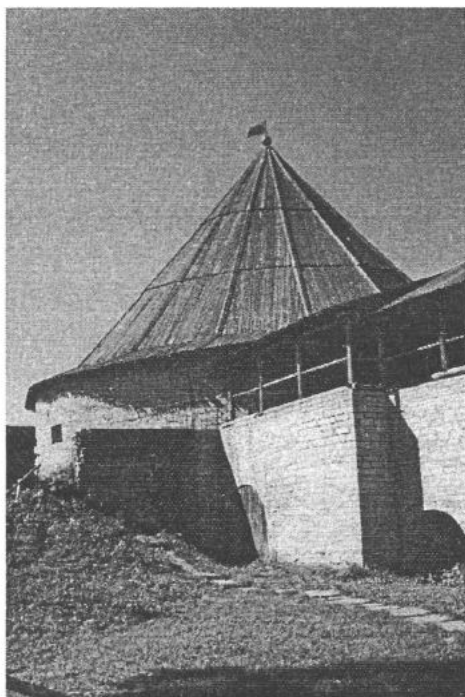

Рис. 7. Ладога
(фото Т.И. Быковой, В.К. Ужвиева)

На Северо-Западе Руси возникли города с развитыми ремеслами, высокой культурой и грамотностью: Ладога, Новгород, Псков. Ладога и Новгород впервые упомянуты в русских летописях при описании событий IX в., Псков — начала X в. Народы Карелии особенно тесно были связаны с Ладогой и Новгородом.

ЛАДОГА

Ладога, один из древнейших упомянутых в летописях русских городов, располагается на месте слияния р. Волхов с неширокой р. Ладожкой, и возник он не позднее середины VIII в. (Рис. 7). О городе говорится в летописях под 862 г., когда он выделился из ряда других поселков и стал центром округа. Здесь проживали прибалтийские финны, славяне и скандинавы. Довольно

быстро Ладога превращается в княжеский город, и по причине высокой значимости в нем сооружаются первые укрепления. Территория города разделяется на две части: детинец-кремль и посад. В конце IX – начале XI в. Ладога – общепризнанный международный торговый и ремесленный центр.

На протяжении десятков лет велось активное археологическое обследование Ладоги и ее округи. К 1959 г. на территории города (Земляное городище) вскрыто около 2500 м² и обнаружено свыше 60 построек VIII–XVII вв. С 1972 г. несколькими отрядами Староладожской археологической экспедиции историко-археологическое изучение города было возобновлено (Средневековая Ладога, 1985, с. 3).

О происхождении названия. Город получил свое название от небольшой речки Ладожки, поэтому известная гипотеза о происхождении названия Ладоги от Ладожского озера оказывается под сомнением, хотя на первый взгляд кажется правдоподобной. М.Фасмер (1986, с. 448) также высказывает сомнение в том, что Ладожское озеро обрело имя по названию маленькой речки. Озеро называли Ладожским по известному в Скандинавии и Западной Европе городу. Гидроним Ладога носит ярко выраженный прибалтийско-финский характер – *Ala-djogi – «Нижняя речка», откуда понятны и скандинавские, и немецкие, и русские формы. Однако допускается и саамское происхождение названия Ладоги (Попов А.И., 1981, с. 90–91).

О призвании варягов. Сказание о призвании варягов, сохранившееся в нескольких летописных сводах, породило огромное количество литературы. В новгородской летописи рассказ, записанный не ранее XI в., т.е. через два столетия после свершившегося события, гласит, что словене, кривичи и чудь объединились, восстали против грабителей-варягов и изгнали их «за море» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее НПЛ), 1950, с. 106–107). После изгнания варягов, согласно летописному сообщению (Повесть временных лет, с. 18), северные славянские и прибалтийско-финские племена после какого-то периода процветания ввязались в междоусобные войны, замириться не смогли и в 859 или 862 гг. пригласили скандинава Рюрика с братьями для наведения порядка в Новгороде (по другим летописным версиям – в Ладоге (подробнее см.: Кирпичников А.Н., 1997, с. 7–18), Изборске, районе Белоозера. Имена двух братьев – Синеус и Трувор – давно привлекали внимание исследователей своей необычностью. По мнению Н.Т. Беляева (1929, с. 245), в распоряжении летописца могла оказаться сага о Рюрике, в которой он, возможно, назван и победоносным и верным (Roerik, Sig-njotr ok Thruwar), но при передаче скандинавского текста эти эпитеты стали именами собственными. Такую точку зрения разделял Б.А. Рыбаков (1993, с. 298). Он предположил, что Синеуса и Трувора

никогда не существовало, а летописец при переводе старошведские слова «sine hus» и «thru varing», означавшие «с родом своим и верной дружиной», превратил в имена людей. В современной исторической науке принято считать, что Сказание сформировалось на основе местных легенд и широко распространенного в фольклоре многих народов сюжета о трех братьях. Что же касается сообщения летописца о призвании варягов, то оно признано достоверным историческим фактом.

На вопрос: откуда был приглашен князь? – В.Л. Янин (2008, с. 25–26) ответил так: вряд ли «справедливого» князя стали бы искать среди варягов, которых с позором сами же и изгнали. Согласно летописи, делегация отправилась «за море къ варягомъ, к руси» (Повесть временных лет, с. 18), следовательно, ни к шведам (свеям), ни к германцам (урманам), ни к британцам (англиянам), ни к готландцам (готам). Они позвали Рюрика из варягов, называвших себя Русью, выходца, скорее всего, из Ютландии (полуостров, 2/3 которого занимает Дания) или из Фрисландии (северная провинция Нидерландов). Ранее, когда археологических материалов было недостаточно, само предание о Рюрике считалось лишенным «прочных исторических корней» (Пашуто В.Т., 1970, с. 51–61).

Согласно преданию, Рюрик, придя к словенам (славянам), основал город Ладогу. Существует и другая, новгородская, версия, по которой Рюрик княжил не в Ладоге, а в Новгороде. Однако, как считают исследователи, эта версия ошибочна, поскольку возникла под влиянием амбиций новгородской знати. Первое, что сделал, согласно преданию, новый властитель, – построил в Ладоге деревянную крепость (к сожалению, археологически она пока не обнаружена). Спустя два года Рюрик переменил столицу, возвел городок на р. Волхов – Рюриково городище. К этому периоду относится обнаруженное археологами обособленное варяжское кладбище на правом берегу р. Волхов, напротив крепости. Этим же временем датируются и сопки вокруг Ладоги, в которых погребены представители племенной верхушки – в основном славян и в меньшей степени представителей прибалтийско-финского населения.

В число знати входил и преемник Рюрика Олег Вещий. По размаху своей деятельности он значительно превзошел своего предшественника. Во время его княжения в Ладоге, вероятно, была построена каменная крепость, заменившая деревянную. Наступило время глубоких социально-политических перемен. Олег предпринял в 882 г. невиданный по составу участников (славяне, варяги, чудь) поход и окончательно объединил Северную (Верхнюю) и Южную (Низовскую) Русь в единое государство со столицей в Киеве. Он основал новые города и обязал Новгород платить дань варягам в 300 гривен, после чего сосредоточил свое внимание на киевских, «южных» делах. В 907 г. он организовал поход на Константинополь и заключил первый дошедший до нас международный договор Руси с Византией (912 г.). По

одной из версий князь Олег вернулся в Ладогу, где был погребен в сопке, называемой «Олеговой могилой».

В 997 г. в результате набега норвежского ярла Эйрика город был разрушен, а крепость сожжена. Варяжский погром не умалил значения Ладоги. Несмотря на затухание восточной торговли роль города на Волхове продолжала сохраняться. В конце IX – начале X в. Ладога выступает как крупный общерусский и международный центр, как главный северный въезд на Русь и далее на Восток. Все более возрастает контрольно-пропускная роль речных станций вокруг Ладоги. В этот период происходит перепланировка города, прокладывается уличная сеть, обособляются ремесленный и торговый кварталы, гостинный двор. Уходят в прошлое родовые порядки. Бурно развивается ремесло, особенно гончарное. Ремесленники-универсалы занимаются обработкой кости, рога, янтаря, бронзы, стекла. Городская территория в это время насчитывала не менее 10–12 га (Кирпичников А.Н., 1984, с. 37–42).

С Ладогой связана романтическая и в то же время сугубо политическая история брака Ярослава Владимировича Мудрого с Ингигерд, дочерью шведского короля Олава. Эти сведения дошли до нас из нескольких западных источников. «Исландские анналы» датируют брак 1019 г. (Глазырина Г.В., 1991, с. 240). Древнескандинавские памятники сообщают не только о браке, но и об условиях договора его заключения. В «Саге об Олаве Святом» говорится о приезде в Швецию послов Ярослава, конунга с востока, которому предыдущим летом было дано согласие на брак с Ингигерд, дочерью Олава Шведского. Кстати надо заметить, что Ингигерд раньше была обещана в жены Олаву Норвежскому. Олав-конунг² сказал Ингигерд о своем желании ее брака с Ярославом. Она отвечала, что если ей суждено выйти за Ярослава-конунга, то она хочет получить в свадебный дар владения ярла³ Альдейгьюборга (Ладоги) и сам город. Послы с этим требованием согласились. Ингигерд выбирает своего родича ярла Рёгнвальда для поездки на Русь, с условием представления ему там не меньшего почета, чем в Швеции, затем отправляется со всеми своими спутниками на Русь и выходит замуж за Ярослава. Так Ингигерд, став княгиней, передает Рёгнвальду Ладогу и все, что городу принадлежало.

Однако вопрос о свадебном даре остается спорным. Как уже говорилось, сообщение о браке содержится в нескольких источниках, но о свадебном даре говорится только в «Саге об Олаве Святом» и не повторяется ни в отечественных, ни в зарубежных источниках. Поэтому необходимо уточнить: было ли положение женщины в начале XI в. экономически независимым настолько, чтобы, во-первых, владеть землей и, во-вторых, иметь возможность

² Конунг – представитель высшей власти у древних скандинавов, король.

³ Ярл – представитель знати у древних скандинавов.

распоряжаться ею и свободно передавать кому-то? Факты владения землей знатными женщинами в Швеции известны только с конца XII в.; на Руси женщина получила право владеть и распоряжаться недвижимостью, в том числе землей, приблизительно тогда же. Следовательно, ситуация, изложенная в саге, противоречит историческим реалиям. Маловероятно, что Ингигерд могла получить в качестве свадебного дара крупное землевладение, тем более передавать его своему родственнику (Глазырина Г.В., 1991, с. 240–244).

Перед шведами – наместниками Ладоги – была поставлена государственная задача: оборонять, как гласит скандинавский источник, землю Ярослава Мудрого от язычников. Под язычниками в то время понимались не только шведские викинги, но и соседствующие прибалтийско-финские племена. Ярослав Мудрый для защиты города посадил здесь наместником родича своей жены Ингигерд. В эти годы в Ладоге не раз находили приют изгнанные из своей страны во время междоусобиц норвежские викинги.

В конце XI в. управление городом перешло в руки новгородской администрации и Ладога становится одним из первых «пригородов» столицы Верхней Руси – Новгорода Великого, но пригородом богатым. В XII в. Ладога испытывает строительный подъем. Территория города увеличивается до 14–15 га. Начинается возведение каменных церквей, вокруг Ладоги увеличивается число сельских поселений.

НОВГОРОД

Новгород, один из знаменитых и древних городов Руси, возник в IX–X вв. (Рис. 8). Исследователей давно интересовало несоответствие возраста города с его названием. По отношению к какому городу он назван новым? Высказывались разные предположения, но сейчас принято считать, что предшественником Новгорода было Рюриково городище, торгово-ремесленный и военно-административный центр.

Оно расположено в 2 км южнее Новгорода, на одном из холмов правого берега р. Волхов, и датируется IX в. Поначалу городище в какой-то степени повторяло в несколько ослабленном варианте развитие Ладоги. Если Ладога ориентировалась в основном на внешние связи, то Рюриково городище развивалось в сгустке земледельческих поселений, составивших позднее ядро будущей Новгородской земли. Не случайно князь Рюрик, согласно одному из вариантов легенды о призвании варягов, ушел из Ладоги и построил город на Волхове, что доказывает ключевую роль истока р. Волхов в то время. Ладога при всем своем огромном значении была лишена земледельческой округи и удалена от основного массива славянских территорий, вследствие чего не могла быть государственным центром. Позднее Рюриково городище стало резиденцией новгородских князей и важнейшим средоточием политической жизни Новгорода (Носов Е.Н., 1990; 1997, с. 163–166).

Рис. 8. Новгород (фото Т.И. Быковой, В.К. Ужвиева)

Новгород возник как главный межэтнический центр пришедших с южных берегов Балтики славян-кривичей, восточноевропейских новгородских словен и местного финно-угорского населения. Анализ берестяных грамот, ряда других письменных источников и современных диалектологических данных позволяет заключить, что в древней Новгородской земле отчетливо различались западные говоры (соотносимые с псковскими кривичами) и восточные (соотносимые с ильменскими словенами). Сам Новгород и прилегающие к нему районы не позднее IX в. находились в зоне контакта этих двух разных групп. Поэтому на протяжении нескольких веков здесь сложился особый смешанный тип говоров, в котором соединился ряд западных черт с отдельными восточными, а также выработались некоторые специфические особенности. Именно этот тип говоров отражен в подавляющем большинстве берестяных грамот и может быть обозначен как древненовгородский диалект в узком смысле (в отличие от древненовгородского диалекта в широком смысле, охватывающего все говоры древней Новгородской земли). Иначе говоря, древненовгородский диалект в XI–XII вв. отличался от стандартного древнерусского сильнее, чем в XIII–XV вв. Сближение реализовывалось здесь в основном в форме постепенного увеличения в древненовгородском диалекте удельного веса ильменско-словенских элементов (Янин В.Л., Зализняк А.А., 1993, с. 192–193)⁴.

При объединении древнерусских земель Новгород сохранил значительную самостоятельность и собственные местные традиции, что привело к образованию особых форм политического управления, республиканского в своей основе. Такие формы государственного устройства способствовали развитию инициативы новгородцев, распространению грамотности среди всех слоев средневекового общества. Период самостоятельности Новгорода, продолжавшийся до 70-х гг. XV в., превратил его в один из самых значительных культурных и художественных центров Европы, что вызывало восхищение заморских гостей. В городе – более 80 каменных храмов XI–XV вв., украшенных замечательными фресками и иконами. Творчество русских средневековых мастеров почти всегда анонимно, но некоторые из них все-таки стали известны: Олисей-Гречин, Исайя, Феофан Грек. Ансамбль каменных церквей к XV в. был окружен двойным рядом укреплений: одна стена шла вокруг Детинца, другая – вокруг Окольного города (Новгород, 1991, с. 5–6).

Центром детинца и символом города стал Софийский собор, построенный в первой половине XI в. по распоряжению князя Владимира, сына Ярослава Мудрого. «Где София, там и Новгород!», «Умрем за святую Софию!» – говорили новгородцы. С историей собора связано немало легенд.

⁴ О древненовгородском диалекте более детально см.: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995 (2-е изд. М., 2004).

Одна из них рассказала о том, что живописцы никак не могли изобразить Вседержителя с благословляющей рукой – всякий раз пальцы его сжимались в грозный кулак. Явившись к художникам во сне, он возвестил: «Писари! Писари! Не пишите меня с благословляющей рукой, а пишите со сжатой, ибо в ней я держу Новгород. Разожмется рука – и Новгороду конец!». На кресте Софии замер бронзовый голубь – символ святого духа. Позднее этот символ также был переосмыслен народной легендой. Рассказывают, что голубь, присевший на крест во время страшного разгула опричнины Ивана Грозного, окаменел от ужаса при виде совершаемых злодеяний (Там же, с. 70–71).

С 1932 г. в Новгороде экспедицией Института археологии РАН и кафедрой археологии МГУ ведутся планомерные археологические работы. Особый размах они приобрели с 1951 г., когда впервые в земле были обнаружены берестяные грамоты. Ныне уже третье поколение археологов продолжает начатые А.В. Арциховским поиски, обогатившие историческую науку ценнейшими находками и открытиями. Новгородская земля сохранила все, что в ней оказалось, поэтому именно здесь удалось воссоздать в деталях и подробностях бытовую картину жизни людей Средневековья (Там же, с. 70–71) – от систем городского благоустройства до полного набора предметов, составляющих обстановку жилого дома, ремесленной мастерской, хозяйственных построек. В культурных слоях других городов плохо сохранялись деревянные конструкции и вещи. Но именно дерево было на протяжении всей истории человечества главным поделочным материалом. Металлические же предметы, которые сегодня украшают витрины музеев, на самом деле составляют малую долю материальной культуры. Кроме того, при раскопках найдено много предметов из кожи, кости, тканей.

Многообразен мир вещей и находок. За 50 лет количество извлеченных предметов достигло 125 тысяч. Уникальны и бесценны письма и документы на березовой коре – грамоты. Сейчас известно более 1000 таких посланий XI–XVI вв. По самым скромным подсчетам в новгородской земле сохраняется еще не менее 20 тыс. грамот. Насыщенные влагой средневековые слои Новгорода прекрасно сохранили эти бесценные документы. За исключением нескольких грамот, написанных чернилами, все остальные процарапаны (вдавлены) на поверхности бересты острым предметом (костяным, металлическим, деревянным). Такие инструменты, заостренные с одного конца, плоские с другого, с отверстием для подвешивания к поясу, на Руси назывались писалами. Иногда писала находили в кожаных чехлах.

Темы текстов берестяных грамот самые разнообразные: от личных драм и переживаний и обыденных повседневных забот до дел государственной важности. Обнаруженная совсем недавно грамота датируется концом XI – началом XII в. (№ 752). Это самая большая грамота из документов раннего

времени уникальна по содержанию. Ни имени получателя, ни имени адресата на ней не указано. Получатель разорвал ее на продольные полосы и выбросил. Не все полосы удалось обнаружить, но смысл восстановлен. Письмо написано молодой женщиной высокого социального положения, обладающей литературным и довольно изысканным языком и красивым почерком. В переводе это звучит так: *«Я посылала к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю (или: в это воскресенье) ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылала к тебе? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы из-под людских глаз вырвался и пришел... теперь где-нибудь в другом месте. Отпиши же мне про ... (никогда тебя не) отвергну. Если даже я тебя по своему недомыслию задела и если ты начнешь насмехаться, то судит Бог и моя худость»* (Янин В.Л., 1996, с. 147).

А вот мужчина требовательно пишет: *«От Микиты к Ульянице. Пойди за меня. Я тебя хочу, а ты меня. А на то послух Игнато...»* (грамота № 377).

Интересная история связана с одной из берестяных грамот рубежа XIV–XV вв., найденной на усадьбе посадника. *«Поклон от Семена к невестке моей. Если ты не вспомнишь сама, то имей в виду, что солод у тебя ржаной есть, лежит в подклети. Возьми солоду⁵ горсть, а муки сколько нужно. Да когда будешь печь, лишнего не расходуи, чтобы потом не оставалось. А мясо возьмешь в сени. И еще насчет Игната: ты ему рубль все-таки отдай»* (грамота № 363). Весело и изящно восстановил эти события В.Л. Янин (1975, с. 143–145), суть которых сводилась к следующему. Семен, озабоченный подготовкой к какому-то празднеству, дал распоряжение невестке испечь пирог, а сам уехал. Но не успокоился и с дороги написал новую грамоту. Но обе до адресата не дошли.

Интересна грамота № 687 второй половины XIV в. Хотя она и очень короткая, но дала исследователям много информации. *«...вологу⁶ соби купи, а дитьмо порти купи... дай грамоти учиться. А кони...»*. Согласно подробному комментарию В.Л. Янина, это письмо, отправленное, видимо, жене. Из фразы «дай грамоти учиться» следует, что отдать ребенка в обучение грамоте для новгородца было столь заурядным делом (распоряжение дано среди других домашних дел), что с ним могла справиться жена.

Большое значение для установления торговых контактов Новгорода имело его выгодное географическое положение на перекрестке важнейших торговых направлений, связывающих город с Севером и Югом, Западом

⁵ Солод – широко применявшийся бродильный продукт. Его приготавливали из начинавших прорасти и затем высушенных зерен. К ржаной муке ржаной солод примешивали для придания хлебу приятного вкуса.

⁶ Словом «волога», хорошо известным в русских говорах, называлось масло (обычно топленое), и любые другие жирные приправы к пище (сметана, сливки, сало и т.д.).

и Востоком: через него проходил путь «из варяг в греки» и балтийско-волжский путь. Новгород был центром, откуда восточное серебро проникало в Западную и Северную Европу, большая его часть при этом оседала на Северо-Западе Руси.

Поселившись в бассейне оз. Ильмень, выходцы из южной Балтики не утратили связей со своей «прародиной». Тесные контакты Новгорода и Новгородской земли с западнославянскими территориями демонстрируют разнообразные археологические предметы и клады монет. Черты сходства между Новгородом и западнославянскими землями проявляются в устройстве валов, домостроительстве, а также в особенностях музыкальных инструментов. В частности, гусли, найденные в Новгороде и Гданьске, имеют одинаковое устройство и восходят к единым корням.

Контакты с Северной Европой носили не только торговый, но и политический характер, и это нашло отражение в легенде о призвании варягов на княжение и в сагах. На несомненное присутствие в Новгороде скандинавов указывают многочисленные находки скандинавских предметов.

О связях Новгорода с Данией свидетельствует Хроника Адама Бременского, сообщавшая о женитьбе новгородского князя Ильи на датской принцессе.

Контакты с Англией в X–XI вв. подтверждаются большим количеством найденных в Новгороде остатков шерстяных тканей английского производства.

Укрепление связей с Готландом привели к постройке в XII в. в Новгороде Готского торгового двора с церковью св. Олафа, названной в новгородских летописях «варяжской божницей». В свою очередь и Новгород основал новгородское подворье с православной церковью на Готланде. Кроме того, в Новгороде в этом же веке появился и Немецкий двор с церковью.

Начиная с X в. устанавливаются тесные связи Новгорода с Киевом. Там существовал двор новгородцев с церковью св. Михаила. Новгородский спрос на стеклянные изделия полностью удовлетворялся поставками из Киева. Торговые отношения с Киевом прервались во время монголо-татарского нашествия. Центр интересов переместился на Запад, но продолжала развиваться торговля по волжскому пути. Археологические предметы очень чутко реагируют на изменение политической обстановки и указывают на конкретные торговые пути. Поясним на одном примере. Резкое сокращение янтарных находок в Новгороде в слоях XIII в. объясняется тем, что Тевтонский орден, захватив Пруссию, основной район месторождения янтаря, монополизировал как его добычу, так и торговлю. Новгород, находившийся в состоянии войны с Орденом, лишился возможности закупать янтарь.

Новгородские купцы развозили на крупнейшие рынки мира не только продукцию городских ремесленников, но и предметы транзитной торговли (Рыбина Е.А., 1978).

В Новгороде, как в огромном горниле, переплавлялись элементы различных культур и традиций: западнославянской и скандинавской, южнорусской и финно-угорской, византийской, восточной, западноевропейской.

Трудно переоценить роль Новгорода в истории нашей страны как центра Северной Руси, объединившем вокруг себя северные племена. В Новгороде сохранилось огромное количество памятников истории и культуры, в том числе и письменных: новгородские летописи, актовые материалы, писцовые и лавочные книги, берестяные грамоты, в которых упомянуто население Карелии и их соседи.

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

В эпоху железа финно-угорские племена занимали огромные пространства лесной зоны Восточной Европы. Во второй половине I – начале II тысячелетия н.э. эти территории стали активно осваиваться славянами, что привело к существенному изменению этнической карты. Судьбы финно-угорских народов оказались тесно связанными с Древнерусским государством, которое с самого начала своего существования было неоднородным и включало разноязычные народы (полагают, что их было около 22). В процессе расселения славян устанавливались границы земельных владений. Так возникли особые административно-политические образования средневековой Руси: Водская, Корельская, Ижорская земли. Древнерусским политико-экономическим феодальным центром на Северо-Западе Руси стала Новгородская земля (Рис. 9). Подчиненность нерусского населения, например карельского,

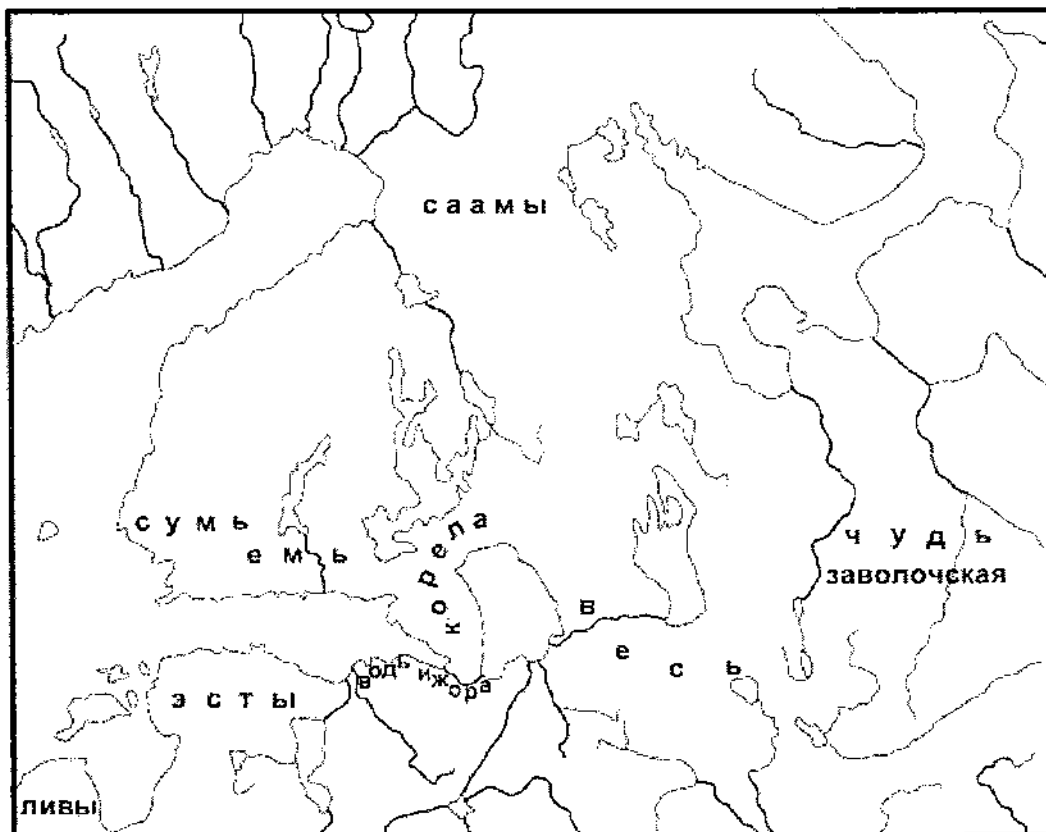

Рис. 9. Финно-угорское население Северо-Запада
Восточной Европы эпохи Средневековья

Новгороду, носила символический характер и выражалась в сборе дани, в совместных военных операциях по защите государственных рубежей, социально-экономических и торговых мероприятиях. Корельская земля вошла в состав Новгородского государства в качестве равноправного или почти равноправного члена. Племена, подвергшиеся массовой славянской колонизации – воть, ижора, весь, – быстро исчезли со страниц русских летописей. Однако при всем влиянии пришлого славяно-русского населения прибалтийско-финские народы сохранили специфические черты материальной и духовной культуры.

ВОДЬ

Этноним воть (самоназвание вадьялайн, вадьяко) отразился в названии Вотской (Водской) земли Великого Новгорода, а позднее был перенесен на одну из новгородских пятин (пятина – одна из пяти административных единиц, введенных московской администрацией на основной территории новгородской земли для организации сбора доходов). Скучные письменные известия о воти содержатся в Новгородской первой летописи под 1069 г. в связи с внезапным нападением полоцкого князя Всеслава на Новгород, в составе отряда которого находились вожане (к этому походу мы еще вернемся, когда начнем анализировать текст берестяной грамоты № 590).

Через 80 лет, в 1149 г., произошло уже совместное выступление новгородцев и воти против вторгшегося на ее территорию финского племени емь. Видимо, к этому времени воть перешла в вассальную зависимость от Новгорода.

Более поздние упоминания о «язычниках вотландцах» появляются в западных источниках. В папских буллах второй половины XII – первой половины XIII в. они названы среди языческих народов северо-западных территорий: «*pagani carelie, ingrie et watlandie*».

Сведения о воти и Водской земле содержатся в русских источниках XIII в. Так, при описании голода, поразившего Новгородскую «область» в 1215 г., летопись лаконично сообщает, что вожане умерли, а остальные разошлись. Голод в Новгородской земле не был исключительным явлением, но, вероятно, в этот раз именно вожан он поразила в большей степени.

Зимой 1240/41 г. ливонские крестоносцы вторглись в западные пределы новгородских владений, обложили, как рассказывает летопись, воть данью и построили деревянный город в погосте Копорье. В 1241 г. Александр Невский во главе ополчения из новгородцев, ладожан, корелы и ижоры отбил у захватчиков Копорье, а изменников наказал.

В XIII в. произошло окончательное включение земли воти в новгородскую волость – основную территорию Новгородской земли. В уставе

князя Ярослава «о мостех» (60-е гг. XIII в.) среди девяти «провинциальных, волостных» территориальных подразделений Новгородской земли впервые названа «Вочьскаа» сотня (Янин В.Л., 1977, с. 109). Во время столкновения новгородцев с великими князьями Ярославом Ярославичем (1270 г.) и Михаилом Ярославичем (1316 г.) вожане упоминаются в составе «всей волости новгородской». Под 1338 г. летописью зафиксирован и термин «Вотская земля».

В середине XIX в. насчитывалось 5148 человек, говоривших на водском языке и проживавших в 38 деревнях. Перепись 1926 г. насчитала 704 человека, хотя это не отражает их реального числа. По данным тех же лет, собранных Дм. Цветковым, местным уроженцем (он исходил из подсчета водских дворов), в прилужских деревнях води было более тысячи человек, а в окрестностях Котлов – свыше 6200 человек. В те же годы в этих краях проводил работу Д. Золотарев. Он отмечал, что хотя в Кингисеппском уезде (бывш. Ямбургском) водь по переписи вообще не значится, но она живет в ряде деревень. По подсчетам эстонских исследователей, в начале 1940-х гг. вожан насчитывалось примерно 400 человек. В настоящее время на водском языке говорит 30–40 человек. При переписи 1989 г. водь вообще не вошла в официальные списки; в 2002 г. было учтено 73 человека.

Водский язык изучался многими лингвистами. Большой вклад внес эстонский языковед П.А. Аристэ. Его первые записи водского языка относятся к 1923 г. Им же исследовались водская топонимика и антропонимика. П.А. Аристэ принадлежит 23-томная «Этнология води» (Прибалтийско-финские народы, 1995, с. 173). К этнографии води неоднократно обращались русские, эстонские и финляндские специалисты. Язык этого древнего народа, будучи близкородственным языкам ижорскому и карельскому, все-таки отличается от них и считается вполне самостоятельным. Лингвисты полагают, что водский язык выделился из эстонского северо-восточного диалекта в начале I тысячелетия н.э. Водский язык – понятие в известной мере условное, так как водские диалекты не слились в единый язык, причем лингвистами изучены лишь два их варианта – западный и восточный, в то время как язык южной части води остался неизвестным. В 1960 г. исчез и восточный диалект. Западный диалект оказался более устойчивым. На нем в 1960 г. говорили жители ряда деревень в окрестностях Котлов. Местный водский диалект испытал настолько сильное ижорское влияние, что некоторые лингвисты склонны относить его к ижорскому языку (Прибалтийско-финские народы России, 2003, с. 555).

Основная территория Водской земли охватывала плодородную Ижорскую возвышенность в западной части Ленинградской области, бывшей в средневековую эпоху основной житницей Великого Новгорода. Сразу предупреждаю о возможном недопонимании: территория Водской земли и территория, заселенная народом води, не одно и то же. По мнению

Н.В. Хвоцинской (ведущий сотрудник Института истории материальной культуры РАН, в дальнейшем ИИМК РАН), помещение води на Ижорском плато является данью традиции XIX в. На самом деле водское население проживало восточнее эстов (древнего населения нынешней Эстонии) вдоль южного побережья Финского залива. Южная граница проходила по краю Ижорской возвышенности. Политико-административным центром Водской земли являлся новгородский погост Копорье, превращенный в XIII в. в каменную крепость, и Котлы (старый приход Каттила). На этой территории и выявлены археологические памятники, оставленные древней водью. Часть води, переселенная в XV в. Ливонским орденом на латышские земли близ города Бауска, известна как кривины-кривинги. Их название происходит от латышского *kriews*, т.е. «русский». Находясь в иноэтничном окружении, они долго сохраняли многие древние элементы своей культуры. В 1805 г. их потомков насчитывалось 1200 человек, а говорящих на своем языке в 1810 г. только 12–15 человек преклонного возраста. Как отмечалось в 1915 г., води усть-лужского побережья угрожала не русификация, а ассимиляция ижорой (Прибалтийско-финские народы, 1995, с. 174, 176).

На этой территории русские летописи упоминают *чудь*. Не будем здесь касаться всех сложностей, связанных с употреблением этнонима *чудь*. Скажем только, что русские летописцы *чудью* называли древних эстонцев, а заселенную ими территорию Чудской землей. Этническое имя *чудь* применялось также к населению отдельных погостов Водской пятины (низменные и заболоченные участки северо-западнее и западнее плато, называвшиеся в XV в. как погосты «в Чюди») (Рябинин Е.А., 1997, с. 20). С XVIII столетия *чудью* назывались *вепсы*. Кроме того, особым термином *заволочская чудь* обозначалось население Заволочья (область Северной Двины), по большей части, несомненно, относящееся к прибалтийским финнам, впоследствии полностью обрусевшим. В новгородских писцовых книгах (Водская пятина) имеется ряд названий, связанных с именем *чуди*, но в них большинство представителей прибалтийско-финского населения носит имена русского происхождения, иногда приспособленные к своему языку, например, Юреча. Изначально «чудскими» именами являются Игамас, Игалка, Вишуй. Впрочем, использовались имена и прозвища прибалтийско-финского склада, при этом значительно отличавшиеся от собственно финских: Алексей Чуллуев, Алпуевы, Алсуев, Мешуйка Алюев, Якуш Асуев, Игайло Вандуев, Викасов, Андрей Вилло, Аввус, Няпуй, Тойвол и т.д. Это свидетельствует о том, что уже в XV в. имена древнего чудского, водского и ижорского населения сильно обрусели (Попов А.И., 1981, с. 94–96).

Для изучения средневековой води до последнего времени использовались только материалы курганов и жальников⁷, в которых погребены

⁷ Жальник (от древнерусского «жалъ», «жалко») – погребальный памятник в виде низкого холмика, окруженного чуть выступающими из земли камнями.

умершие. В массе своей они с начала II тысячелетия распространились на территории северо-восточного Причудья и в пределах Водской земли. Грандиозными по размаху были раскопки в 70–80 гг. XIX в., которые проводил Л.К. Ивановский. Он вскрыл свыше 5500 погребений на Ижорском плато. Эти исследования велись на низком методическом уровне, почти без фиксации погребального обряда. Полевых дневников Л.К. Ивановского так и не найдено. Более точные сведения содержатся в публикациях В.Н. Глазова, Н.К. Рериха и других исследователей. Имеются сведения о вещах, собранных при раскопках, которые ввел в научный оборот и систематизировал крупнейший русский археолог А.А. Спицын. В итоге подсчитано, что за этот период раскопано более 7000 курганов.

С 1970-х гг. археологическое исследование памятников води вел Е.А. Рябинин (исследователь ИИМК РАН). Ему удалось изучить погребальные памятники и поселенческие центры XI–XV вв. Серьезный вклад в изучение прибалтийско-финского населения этого региона внесла Н.В. Хвоцинская (2004), исследовавшая могильник в Залахтовье, а также эстонские археологи. В итоге анализа всего археологического материала и привлечения комплексных данных смежных дисциплин удалось восстановить следующую картину. Много, конечно, в ней еще неясного и противоречивого, поскольку сложные этнические и социально-экономические процессы проходили далеко не однозначно.

Группы эстов проникали на восточное побережье Чудского озера. Некоторые из них в XI в. восприняли курганный обряд погребения и создали уникальный погребальный комплекс Залахтовье, существовавший примерно в течение двух веков. Их культура была совершенно иной, чем у соседнего, обитавшего восточнее населения. Богатый сопровождающий материал представлен роскошными предметами украшения, бытовыми изделиями, сельскохозяйственным инвентарем и оружием. К XIII в., как свидетельствуют материалы могильника, жители Залахтовья постепенно были ассимилированы древнерусским населением.

В районе с. Котлы, центре обитания древней води, выявлены три могильника (Валговицы, Великино, Вердия) XI–XIII вв. с захоронениями по обряду труположения западной ориентировки в неглубоких ямках, сверху которых иногда были каменные кладки. Удалось восстановить женский набор нагрудных украшений, состоящий из двух булавок и цепочки, а также из бронзовых спиралек и оловянных бляшек. Любопытно, что хотя водский женский костюм менялся во времени, некоторые детали, в несколько измененном виде, сохранялись долго. Например, нагрудные украшения из двух кусков красного сукна в виде серпа или полумесяца расшивались оловянными бляшками, а по краю – спиральками. Ни у какого другого прибалтийско-финского народа такого украшения не было. По погребениям

XVI–XVII вв. удалось проследить, как постепенно утрачивались прежние традиционные формы древней водской культуры и появлялись в качестве украшений, например, желтый бисер, раковины каури – типичные элементы водского убора XVIII–XIX вв. Раковины каури, привезенные с берегов Индийского океана, древними новгородцами назывались «гажыми головками» за сходство с черепом змеи.

Во второй половине XI в. на северо-восточном побережье Чудского озера появляются курганы с погребениями по обряду трупоположения, что свидетельствует о появлении здесь древнерусского населения. Женские украшения были как славянскими, так и прибалтийско-финскими. Видимо, женская половина охотно воспринимала у соседей понравившиеся им ювелирные изделия. Кроме того, древнерусский покрой костюма отличался от прибалтийско-финского, поэтому булавки, скреплявшие два полотнища безрукавного прибалтийско-финского костюма, в славянском оказались ненужными.

Обживая Ижорскую возвышенность и побережье Чудского озера, новопоселенцы неизбежно должны были вступать в тесные контакты с обитающими здесь финноязычными группировками. Изначально сельское население ориентировалось на Новгород Великий, откуда массовым потоком поступала продукция городских ремесленников (украшения, бытовые вещи, производственный инвентарь, оружие). На основе привозных образцов и заимствования технологических схем и приемов складывалась общерегиональная культура, по главным своим признакам связанная с Новгородом. Прежние племенные традиции нивелировались и постепенно вовсе исчезли.

Это можно проследить на примере одного из курганных могильников у дер. Бегуницы на Ижорском плато, раскопанном сравнительно недавно (Рябинин Е.А., 2001, с. 105). В конце XI – начале XII в. в могильнике появились первые курганные насыпи, под которыми хоронили умерших с необычной для славян восточной ориентировкой и элементами прибалтийско-финской культуры в сопутствующем инвентаре. В середине – третьей четверти XII в. рядом с водью оседают славянские поселенцы, погребения которых образуют в составе могильника компактную обособленную группу. В ней представлены захоронения только с западной ориентацией и древнерусскими вещами. На протяжении второй половины XII – первой половины XIII в. наблюдается культурная интеграция жителей этих мест. Это выразилось в повсеместном распространении новгородских изделий и резком уменьшении финских элементов. Но местное население тем не менее не растворилось в древнерусской среде. Оно продолжало сохранять племенные традиции в погребальной обрядности (восточная ориентировка умерших и другие специфические детали ритуала). Между местным и пришлым населением возникали

брачные союзы, и в результате во второй половине XII–XIII в. сложилась своеобразная культура – новгородская по основным своим показателям, но с некоторыми специфическими особенностями. Подтверждают этот вывод и палеоантропологические данные, которые доказывают, что в этот период группы води не утратили своей самобытности. Результаты исследования новых антропологических материалов уже сейчас позволяют сделать несколько предварительных выводов следующего характера. Значительная часть населения обнаруживает сходство со средневековыми обитателями юго-восточной Прибалтики. Некоторые антропологические группы могут быть сопоставлены с чудскими и славяно-чудскими антропологическими типами Ижорского плато (Рябинин Е.А., 2001, с. 105–118).

Славянизация и христианизация края развернулась при Александре Невском. Здесь была создана сеть центров-погостов с православными церквями и бескуржанными кладбищами. В XV–XVII вв. основная часть рассматриваемой территории уже была занята русским населением, которое к этому времени вобрало в себя местный водский элемент. Следы бывшего присутствия прибалтийских финнов в Водской земле и северо-восточном Причудье запечатлены в некоторых гидронимах и названиях населенных пунктов, отраженные в писцовых книгах XV–XVI вв. (Рябинин Е.А., 1997, с. 60).

О водской топонимии края писал А.И. Попов (1981, с. 86–87). По его мнению, название р. Луги и некоторых рек, озер, речек и ручьев звучат явно не по-славянски. Однако большинство речных и озерных названий все же славянские (русские). По большей части это незначительные по размерам объекты – речки, ручьи, небольшие озера; среди них много Черных речек и озер, Каменных, Крутых и Мельничных ручьев и тому подобных названий, повторяющихся неоднократно. Обилие подобных названий в бассейне р. Луги неудивительно, потому что в этих местах еще в 947 г. великая киевская княгиня Ольга «установила» погосты и дани и оброки. За период более чем в тысячу лет местное прибалтийско-финское население почти полностью обрусело. Новые исследования по топонимии края пока отсутствуют.

Отголоском былых традиций, восходящих к дорусскому населению, являются сообщения новгородских архиепископов Макария и Феодосия (вторая четверть XVI в.) о сохранении прибалтийско-финским населением языческих обрядов.

Существование самобытного, не славянского, образования в течение длительного времени объяснимо особым положением региона в системе Древнерусского государства. В отношении с Новгородом доминирующее место занимали не этнические, а социально-экономические и политические связи. Обилие на территории края богатых железом болотных руд способствовало раннему развитию здесь железоделательного и железообрабатывающего

производств, продукция которых находила широкий спрос в русских землях: косы, топоры, «рукоятные» сковороды, а также сошники и лемехи для пахенных орудий. Однако напомним, что археологические данные прямо свидетельствуют о том, что именно славяне приобщили ижору и водь к железоделательной технологии того времени. Под славянским влиянием улучшилась и система местного земледелия, происходило постепенное овладение более совершенными типами сельскохозяйственных орудий. В переписных книгах указывается, что местное население сеяло рожь, овес, ячмень, лен, косило сено для домашнего скота. Среди продуктов, которые крестьяне поставляли в качестве оброка, называются говядина, баранина, свинина, куры, а также сыр и пиво. В озерах и реках ловили «всякую рыбу белую всякою ловлею».

Сложившийся в эпоху Средневековья способ хозяйствования, сочетавший промышленную, земледельческую и животноводческую деятельность, сохранялся в водской земле длительное время.

ИЖОРА

Согласно историческим данным XIII–XIV вв., ижора заселяла территорию бассейна р. Невы и часть южного побережья Финского залива. С запада она граничила с Водской землей, восточной и юго-восточной границей служила природная болотистая низина, северной – Корельская земля. Военно-административным центром Ижорской земли являлся город Орехов – Орешек (Рис. 10), построенный в 1323 г. новгородцами в истоке р. Невы (Рябинин Е.А., 1997, с. 61).

Впервые ижора упомянута в новгородской летописи под 1228 г. Сведения об «инграх» содержатся также в западных актовых документах – папских буллах второй половины XII – первой половины XIII в. Здесь они перечислены среди других языческих народов Северо-Запада: корелы, лопи и «вотландцев». Многолюдной и богатой скотом страной рисует «Ингардию» рассказ, помещенный в Хронике Ливонии под 1221 г.

Ижора являлась постоянным верным союзником Новгорода Великого в обороне порубежных территорий. Первое известие в русских источниках (1228 г.) связано с сообщением о вторжении крупного отряда еми, вошедшего на судах в Ладожское озеро, о помощи, оказанной ладожанам ижорой и корелой в разгроме врага. Согласно историческому рассказу о Невской битве 1240 г., ижора держала стражу в устье Невы и первой оповестила князя Александра о появлении шведов. В этом повествовании фигурирует «старейшина земли Ижерстей» по имени Пелугий–Пелгусий, в крещении – Филипп. Был ли он в действительности княжеским разведчиком, сообщившим о подготовке нападения шведов на Русь, или это вымышленное лицо, определенно сказать

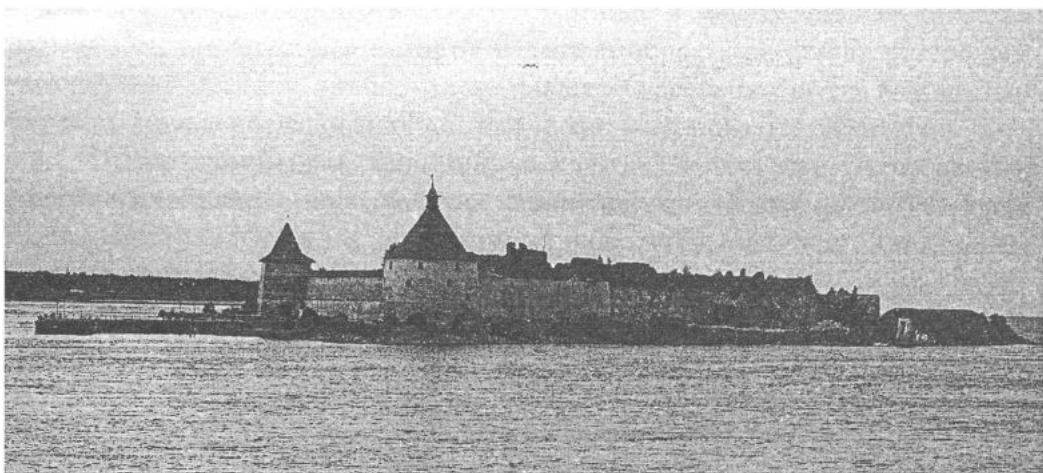

Рис. 10. Орешек (фото Т.И. Быковой, В.К. Ужвиева)

трудно. Однако следы рода Пелгусия запечатлены в названиях нескольких деревень Ижорской земли: Пелгуевы или Пелкуевы, а также на Карельском перешейке, в Саво (Финляндия) и в некоторых других местах (Бегунов Ю.К., 1984, с. 84). Перед исследователями встают и другие вопросы, связанные с битвой на Неве. Информация о ней содержится, собственно, не в самой летописи, а в частично включенном в нее «Житии Александра Невского».

«Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» (в рукописях житие не имеет постоянного названия) составлена в 80-е гг. XIII в. Это княжеская биография, произведение, сочетающее в себе черты воинской повести и жития (Памятники литературы Древней Руси, 1981, с. 602). В нем Александр уподобляется библейским персонажам: «И красив он был, как никто другой, и голос его – как труба в народе, лицо его – как лицо Иосифа» (Там же, с. 427). Ижорянин Пелгусий упоминается как свидетель чудесного явления святых Бориса и Глеба, желавших помочь «сроднику своему Александру». И был очевидец, который видел «воинство божие в воздухе», а на противоположном берегу р. Ижоры, где войск Александра вообще не было, нашли «множество убитых ангелом господним» и т.д. Исследователи отмечали, что летописи, рассказывавшие о Невской битве, преувеличивали ее масштабы (Шаскольский И.П., 1978, с. 155–157, 160–170), но, думается, нельзя и преуменьшать ее важность, даже если она, по словам Дж. Линда (1995, с. 49), имела «символическое значение».

Во второй половине XIII в. завершилось включение Ижорской земли в состав основной территории Новгородского государства.

Для освещения проблемы происхождения ижоры привлекались антропологические, этнографические, лингвистические и археологические данные. По антропологическому типу ижора (материалы близких к современности могильников на Курголовском и Сойкинском полуостровах) по основным характеристикам очень близка карелам (за исключением северных), считает В.П. Хартанович (2001, с. 506; 2003, с. 32–38). По мнению исследователя, ижора и карелы входят в единый антропологический комплекс, отличающийся отчетливо выраженным своеобразием. Сближает эти народы как фольклорно-эпическая традиция, так и архаичные элементы этнографического костюма. Язык ижоры близкородствен карельскому и обнаруживает значительное сходство с восточными диалектами финского языка.

Большинство исследователей склонны связывать происхождение ижоры с относительно поздним продвижением на юг части древних карельских племен и их последующим обособлением. Согласно лингвистическим разработкам эстонского исследователя А.Х. Лаанеста (1966; Laanest, 1986), выделение ижоры из древнекарельской языковой общности произошло не

позже первых веков II тысячелетия н. э. Обособлению ижоры способствовали и политические события XIV в. Возможно, что на начальном этапе существования древнеижорской общности предки современных жителей юго-восточной Финляндии – эвремейсет – составляли с ижорой единое целое.

Эстонскими исследователями отцом и сыном Моора высказана иная точка зрения. Они считают, что летописная ижора сформировалась на базе местного населения, поселившегося по берегам Невы еще в неолитическую эпоху и принадлежавших к предкам прибалтийских финнов; при этом не исключается возможность участия в этногенезе переселенцев из Карелии, оказавших известное воздействие на древнейший субстрат. Ижорский язык в отличие от водского имел свою письменность, которая, правда, использовалась недолго – с 1932 по 1937 г.

Происхождение названий рек Ижора, Ижорка Большая и Ижорка Малая, а также несколько селений с именем Ижора, как считает А.И. Попов, связано с племенным именем ингери, инкери, превратившемся в русской передаче в ижора, ижеря, так названные в письменных источниках XIII в. Название же *Ingria* встречается еще раньше. Выделение ижорских географических названий из общей массы «финских» затруднено: эти имена известны в передаче русских источников, а это мешает восстановлению оригинала.

Археологические памятники в пределах Ижорской земли малочисленны и обнаружены случайно, например, при прокладке дорог и т.д. У дер. Мишкино в 1904 г. выявлен комплекс вещей XIII–XIV вв. из женского захоронения карельского происхождения. Еще один грунтовый могильник в нижнем течении р. Ижора содержал мужское и женское захоронения, в которых находились не только древнекарельские украшения, но и древнерусские изделия (Рябинин Е.А., 1997, рис. 19, 20). Древнекарельские вещи встречены и восточнее, вплоть до р. Волхов (грунтовый могильник у дер. Пупышево). Примечательно появление древнекарельских вещей в кургано-жальничных могильниках XIII–XIV вв. на Ижорской возвышенности в пределах Водской земли. Это указывает на то, что чужеродные элементы, приспособленные к местным вкусам, заимствовались ижорой. При раскопках городского центра Ижорской земли города Орешка в слоях XIV–XV вв. найдено немало предметов древнекарельского происхождения (Кильдюшевский В.И., 2008, рис. 1), что доказывает присутствие в составе городского населения ижоры, культура которой носила карельский характер и сохраняла в XIII–XIV вв. в целом карельский облик. Ювелирные изделия древнекарельского облика обнаружены при исследовании могильника у дер. Кирсино (р. Мга) (Сорокин П.Е., 2008, рис. 8). На мой взгляд, эти факты служат подтверждением мнения о происхождении ижорской общности из карельской, а также о позднем времени обособления ижоры от корелы.

Иной точки зрения придерживается О.И. Конькова. С 1979 г. в западной зоне расселения ижоры ею исследовано восемь грунтовых могильников XI–XVIII вв., которые отличаются от синхронных водских, славянских и карельских памятников, и, следовательно, говорить об ижоре как об отделившейся части древних карел нельзя (Конькова О.И., 1995, с. 43–62). Но этот вывод, как представляется, надо еще доказать, как и подтвердить, что обнаруженный пласт древностей действительно ижорский. Кроме того, с данных позиций необъяснимым остается ряд серьезных доказательств близости ижоры и карелы, главным образом, их антропологического сходства.

В Ижорской земле значительно активнее, чем в северо-западном Приладожье, на территории летописной корелы, проходил процесс культурной ассимиляции финноязычного населения. Это проявилось в усвоении славянских элементов убора. Находясь под сильным воздействием Древнерусского государства, ижора неминуемо теряла ряд этнографических особенностей.

Проникновение славянских земледельцев в западную часть Ижорской земли археологически документировано наличием в верховьях р. Ижоры Гатчинского могильника, включавшего грунтовые захоронения XIV–XV вв. Массовое же освоение этой территории новгородскими крестьянами протекало уже в XIV в., что нашло отражение в переписной книге 1500 г. К концу XV в. сложилась сеть ижорских и русских селений. Хозяйство было земледельческо-промысловым при преобладании рыболовства. Некоторые данные указывают на наличие в Ижорской земле представителей корельских родов в XV в.: «деревня... Корелкино», крестьяне-«кореляне», т.е. налицо пестрота этнического состава Ижорской земли, включавшего ижору, славян и корелу.

Не позднее XIV в. развернулся процесс взаимодействия западных групп ижоры с водью. На это указывают языковые и этнографические данные о кривинах – потомках угнанных в середине XV в. ливонскими рыцарями в Курляндию обитателей водских деревень, расположенных в низовьях р. Луги. В их этнографическом уборе сохранился ряд элементов, присущих ижорскому костюму.

За несколько столетий большое число ижорцев обрусело, некоторая часть финнизировалась. По материалам середины прошлого столетия видно, что ижорцы жили во многих случаях с финнами-суоми совместно, подвергаясь воздействию финского языка и культуры через школьные и церковные учреждения. Только в тех случаях, когда ижорские поселения были изолированы от внешних влияний, их жители сохранили особенности своей речи.

В конце XVII в. ижорцы считали себя православными и носили русскую одежду, однако в местной среде продолжали бытовать старые традиции.

Разорительные войны XVI – начала XVII в. и последствия Столбовского мира 1617 г., когда территория отошла к Швеции, значительно изменили этнический состав обитателей Невско-Ижорского бассейна. При подписании Столбовского договора впервые использовано название Ингерманландия (Ingermanland), которое представляло собой перевод на язык договора финского – Инкеримаа (финское «маа» – земля – было заменено шведским «ланд»). С построением Санкт-Петербурга была образована Петербургская губерния, в которую вошли рассматриваемые нами земли, но термин Ингерманландия на официальном уровне использовался еще довольно долго. В шведский период (1617–1721 гг.) для освоения опустошенного края стали переселять безземельных крестьян, освобождая их от уплаты налогов и воинской службы. В результате первой миграционной волны, по подсчетам финляндских исследователей, к 1640 г. в край переселилось около 7 тысяч человек. Местное финское население в отличие от финляндского стали называть финнами-ингерманландцами.

Население испытывало затруднения как в материальном плане (растущие подати), так и в духовном (насильственное обращение в лютеранство). После неудачного вторжения русских войск и вынужденного отступления (1656–1658 гг.) часть коренного населения стала уходить на российскую сторону. К концу XVIII в. численность финнов составляла до 45 тысяч человек, т.е. около 70% всего населения края (Суни Л.В., 2003, с. 469–470).

Однако, как зафиксировано исследователями, еще в конце XVII в. на южном побережье Невы было около 500 дворов, принадлежащих православной ижоре, но численность ее катастрофически уменьшалась: в середине XIX в. проживало около 17 800 человек, по уточненным данным 20 000, по переписи 1989 г. – 820, по переписи 2002 г. – 327 человек.

НАСЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙ КАРЕЛИИ

СААМЫ

В Карелии саамы в настоящее время не проживают, но в древности они занимали огромную территорию, включая Север России, Карелию, Финляндию и Скандинавию. На севере Норвегии их сейчас насчитывается более 37 000 человек, в Швеции – 15 000, Финляндии – чуть менее 6000. и в Мурманской области Российской Федерации – около 2000 человек.

Полагают, что впервые саамы упомянуты в письменных источниках I тысячелетия н.э. как фенны, *scrithifinni*, *scrithifinnoi* (от древнескандинавского *skrida* – ходить на лыжах) (Хайду, 1985, с. 110). Под именем лопарей «*laprie*» саамы фигурируют в папских буллах второй половины XII – первой половины XIII в. вместе с карелами, водью и ижорой (см. раздел «Ижора» в наст. изд.), а также в датской Хронике Саксона Грамматика XIII в. В Уставе князя Ярослава «о мостех» (XIII в.) упомянута Лопская сотня. О новгородской лопи, Лопце рассказывают русские документы XV в. В переписной книге 1500 г. в Ореховском уезде в бассейне р. Нази зафиксирован Егорьевский Лопский погост и т.д. В источниках используется также этноним саамы (саам. *sabme*), который является, в отличие от *lappi*, самоназванием.

Происхождение саамов. Вопрос о происхождении саамов можно назвать сложной и дискуссионной проблемой, имеющей вековую давность. В освещении ее приняли участие представители различных гуманитарных направлений: археологи, антропологи, лингвисты, этнологи, историки. Одни считают саамов аборигенным, т.е. местным, коренным населением на Севере Европы, другие полагают, что они пришли с востока, из районов Приуралья и Сибири; по мнению третьих – сторонников компромиссной точки зрения – в формировании саамов участвовало как местное, так и пришлое население.

По антропологическим показателям саамы имеют особенности северного европеоидного и восточного приуральского монголоидного типов. О языке саамов также нет единого мнения. Сторонники теории смены языка полагают, что саамы, являясь потомками арктического народа, изменили свой язык в результате контактов с прибалтийскими финнами. Согласно другой точке зрения, существовавшая некогда единая прибалтийско-финско-саамская языковая общность в I тысячелетии до н.э. распалась на предков прибалто-финнов и саамов. Прибалтийско-финская языковая общность формировалась на территории, примыкающей к Финскому заливу,

прасаамы в силу своей кочевой охотничьей деятельности продвинулись на территорию Финляндии и Карелии, где вступили в контакты с аборигенным древнеевропейским населением. Считается, что именно его наследием является слой субстратной лексики в саамских диалектах. Судя по современным топонимическим исследованиям, в которых прослежен ареал некоторых топооснов, восходящих к языку палеоевропейских аборигенов, последние проживали на территории современной Финляндии и Карелии вплоть до Обонежья (Saarikivi J., 2006, p. 162–234; Муллонен И.И., 2010, с. 425).

Это был период приобретения ими этнокультурных, антропологических и языковых особенностей, отличающих предков саамов от прибалто-финнов. В первой половине I тысячелетия до н.э., по мнению М. Корхонена, произошло деление на северный и южный прадиалекты (см.: Муллонен И.И., 1994, с. 117–118, карта 5), при этом южный был поглощен языком финнов, карел и вепсов. Саамский язык занимает особое положение в уральской семье языков, приближаясь к прибалтийско-финским языкам и в меньшей мере к марийскому.

На территории Карелии саамская топонимия распространена широко. Только гидронимов с саамской основой, по подсчетам В.Т. Лескинена (1967, с. 86), здесь насчитывается около 800. Как утверждает Д.В. Бубрих (1947, с. 18), саамские гидронимы могут восходить к древнему этнониму саамов – *saame*, *sabme*. Они имеют изменяющуюся основу *сам-*, *сям-*, *сум-*, *сом-* (*сомб-*) и встречаются не только в переработанной русским населением форме (*Самина*, *Сямозеро*, *Сумозеро*), но и в более древнем виде – *Сомбома*, *Сомба*. В Карелии они известны и в бассейне Онежского озера, и в Беломорье. Эти названия можно связать с культурами железного века, которые обнаружены там, где встречаются подобные названия. Топонимы с основой *саама-* также соотносят с культурами железного века внутренних районов Финляндии. На востоке саамские названия распространяются до р. Печоры, есть они и на Вычегде, на юге отдельные названия доходят до верховьев Волги, включая территории от южного Приладожья до Белозерья, где обнаруживается их весьма древний пласт (Муллонен И.И., 1994, с. 120–121). На южной и восточной окраине ареала саамские топонимы рассеиваются. В Карелии зона наибольшей концентрации наблюдается в западных районах. В целом можно сказать, что саамский пласт на Севере России предшествует прибалтийско-финской топонимии, а в восточных районах своего ареала – и пермской топонимии, не говоря уже о русской. Но, судя по всему, основу топонимической колонки все-таки составляло дофинское население, название которого в научных кругах еще не определилось.

Как выяснилось в результате новых топонимических исследований И.И. Муллонен и Д.В. Кузьмина, ареал топонимов *Lappi-/Lapin* широко

представлен на территории Финляндии с центром в Саво. Особенно часто он встречается в местах интенсивных контактов прибалто-финнов с аборигенным саамским населением.

Саамы оставили значительный след в топонимии беломорских карел. Особенно интересны названия с топоосновой *Lappi-/Lappalais-* (кар.'саам, лопарь'), поскольку именно они явились результатом непосредственных контактов коренного саамского населения с продвинувшимися сюда из более южных районов карелами, которые отметили этими названиями промысловые территории аборигенного населения. Оба эти этнонима обозначают одно и то же население, а разница в их употреблении заключается в том, что первый – саамы – выходит к самоназванию *Sabme*, а второй – лопь, лопарь, лопин – это название, которое применяли к саамам соседние народы (Itkonen E., 1966, s. 17).

Археологические культуры железного века. Насколько спорна проблема о происхождении саамов, настолько же сложен вопрос об археологических памятниках, оставленных саамами. Выдвигаются различные догадки, гипотезы, которые затем подвергаются сомнению или отвергаются вообще. Так, согласно последним археологическим исследованиям (Косменко М.Г., 1993, с. 199–201; Манюхин И.С., 2002), наиболее вероятная научная гипотеза заключается в том, что ранние этапы формирования саамов на территории Карелии связаны с культурами железного века. Около середины I тысячелетия до н.э. в Белозерье, Каргополье и юго-восточную Карелию и далее на запад и север Фенноскандии продвинулось население из Поволжья. В результате интеграции пришлых и местных жителей сформировались археологические культуры, такие как позднекаргопольская, лууконсаари и арктическая (или кьельмо). Общая площадь, занятая этими культурами в Карелии, Финляндии, на Кольском полуострове, Норвегии и Швеции, достигала 1 265 400 км². Их объединяли общее происхождение, сходство культурных элементов и, в отличие от земледельческих культур прибалто-финнов и германцев, присваивающий⁸ тип хозяйства. Основанием для доказательства связи этих культур с древнесаамским этносом является территориальное и хронологическое совпадение археологического и топонимического ареалов (Манюхин И.С., 2002, с. 44).

Археологические памятники позднекаргопольской культуры на территории Карелии датируются серединой – второй половиной I тысячелетия до н.э. – VI–VII вв. н.э. Они известны в бассейне оз. Водлозера, в приустьях впадающих в него рек Илексы, Келки, Нижней Охтомы, Сомбомы, а также на юго-восточном побережье Онежского озера в устье р. Водлы и в истоке р. Муромки. Площадь крупных поселений достигала 2000–3000 м²,

⁸ Присваивающее хозяйство – охота, рыболовство, собирательство.

средних – до 1000 м². К малым отнесены поселения площадью до 200 м². Первые две группы памятников – это многослойные поселения, сохранившие вещественные остатки нескольких хронологических периодов. Располагались памятники на ровных береговых участках на высоте 0,5–3 м над уровнем воды. Остатков жилищ не выявлено, видимо, они были легкими, переносными в виде чума диаметром около 4–6 м, но обнаружены остатки очагов и кострищ. На позднекаргопольских памятниках найдены фрагменты глиняных сосудов, единичные предметы из бронзы и железа. У сосудов, круглодонных и плоскодонных диаметром 20–35 см, орнаментировались шнуровыми, зубчатыми, гребенчатыми отпечатками, различными наколами и вдавлениями, как правило, верхняя часть. Изредка встречались отпечатки, похожие на веревочный узелок, древесную шишечку, кольца лыжной палки.

О плавке бронзы на поселениях культуры свидетельствуют обломки тигельков и льячек⁹, формы для отливки круглого в сечении прута, о производстве сыродутного железа – остатки горнов (Манюхин И.С., 1996, с. 220–238).

Примерно в это же время на территории западнее Онежского озера и в восточной части Финляндии существовала культура лууконсаари. В Карелии наибольшее число поселений базируется в приустьях рек оз. Сямозера и западной части бассейна Онежского озера. Остальные рассеяны по западной Карелии. По сравнению с поселениями позднекаргопольской культуры памятников культуры лууконсаари выявлено меньше. К тому же они отличаются небольшой площадью и небольшим количеством культурных остатков. Следов жилищ тоже не обнаружено, поскольку население, видимо, пользовалось наземными жилищами округлой или овальной формы. Найдены остатки очагов, кострищ, каменных железоделательных горнов.

Керамика тонкостенная, изготовлена из глиняного теста с примесью асбеста, слюды, органических веществ. Сосуды плоскодонные и круглодонные диаметром 20–35 см. Бордюрные узоры располагаются в верхней части. Орнамента близка к позднекаргопольской культуре, но заметны регрессивные явления в технике и структуре узоров, что выразилось в упрощении орнаментации и отсутствии сложных композиций орнамента.

По-прежнему использовался каменный инвентарь из сланца, кремня и кварца. Производство и обработка металла находились на сравнительно невысоком уровне, что соответствовало уровню развития охотничье-рыболовецких культур. В металлообработке исследователям удалось проследить восточные, в частности, приуральские и балтийские традиции. Обнаруженные при раскопках бронзовые изделия были привозными приуральского происхождения. Железные изделия, например кельты¹⁰,

⁹ Тигли использовались для плавления и варки цветного металла, льячки – для разлива металла в формы.

¹⁰ Кельт – топор или тесло с втулкой, расположенной перпендикулярно лезвию.

представляют собой западный балтийский тип. В русле тех же традиций вырабатывался и более производительный способ получения сыродутного железа (Косменко М.Г., 1996, с. 238–249).

В эпоху железа, в середине I тысячелетия до н.э. – первых веках н.э., на территории Карелии зафиксированы памятники еще двух культур: так называемой арктической и позднебеломорской. Периоду становления саамского этноса, по мнению И.С. Манюхина (2002, с. 177), соответствуют культуры позднекаругопольская, лууконсаари и арктическая, которые создали на Севере Европы единую по происхождению культурно-историческую общность. Это время формирования лопарского антропологического типа и саамского языка, специфических особенностей саамской материальной культуры.

Ранне- и позднесредневековые археологические культуры.

Предполагают, что раннесредневековая культура саамов на территории Фенноскандии характеризуется памятниками X–XIV вв., где отсутствует глиняная посуда. Конечно, для саамской идентификации археологических памятников, этого одного признака мало. Однако других гипотез пока нет. В Карелии бескерамические памятники встречены в ареале, южная граница которого проходит по линии оз. Сямозеро – северная часть Онежского озера – северное побережье оз. Водлозера. Следы раннесредневековых культурных слоев без керамики обнаружены в результате археологического исследования многослойных поселений в бассейне Онежского озера. Географо-топографическое размещение их традиционно со времени бронзового – железного веков, но концентрируются они там, где больше всего имеется памятников железного века. На бескерамических поселениях зафиксированы остатки железоделательного производства, кострища в наземных жилищах. Жилища, как и в предыдущую эпоху, были легкими, наземными, коническими, округлыми в основании диаметром 3–4 м. Железоделательные горны многократного пользования представляли собой прямоугольные каменные ящики, обмазанные глиной, размером до 0,6 x 0,4 x 0,3 м.

Набор железных изделий невелик: проушины топоров, кресала, ножи, стенки и ушки металлических котлов, в большинстве своем – это привозные, приобретенные в результате торговых контактов, как и немногочисленные медно-бронзовые украшения (обломки подвесок, кольцевидной застёжки, поясных бляшек, бубенчик и т.д.) и стеклянные бусины (Косменко М.Г., 1996, с. 280–285).

Своеобразие культуры и языка саамов постепенно усиливались за счет их изоляции от культурных центров, поэтому они сохранили архаичные формы охотничье-рыболовецкого хозяйства и соответствующий образ жизни.

Древнюю культуру саамов на территории Карелии, как считают некоторые исследователи, характеризуют памятники, представленные сооружениями из камней – сейдами, лабиринтами, каменными кучами, чаще всего без находок. Эти разные по конструкции сооружения встречаются в составе единых комплексов. Но культовое значение своеобразных памятников, как и их принадлежность к саамам, еще требует серьезных научных доказательств.

Под сейдом подразумевают идола – в основном из камня, реже из дерева. Каменный идол мог быть естественной скалой, напоминающей человека или животное, или же искусственным сооружением из нескольких камней, как правило, большого валуна с подставленными под него снизу или положенными сверху небольшими камнями (сейды на «ножках» или с «головками»). Искусственные сейды более характерны для востока Русской Лапландии и не получили

Рис. 11. Лабиринт о. Олешин

(план снят Б. Ольсен и Н.В. Лобановой, 2001 г.; фото И. Георгиевского, 2001 г.)

широкого распространения у западных саамов, где в основном почитались естественные камни.

Лабиринты представляют собой округлые выкладки, состоящие из множества камней, выложенных в виде концентрических кругов, образующих извилистые спиралеобразные дорожки, ведущие к центру сооружения. На Севере Европы известно около 500 таких памятников.

Каменные кучи в Карелии встречаются повсеместно и по происхождению различны. Множество камней собрано крестьянами в кучи на полях и пожнях. Археологи неоднократно их раскапывали, но одни были пустыми, другие содержали невыразительный материал. Конечно, здесь идет речь о тех кучах, которые входят в состав культовых комплексов и связаны с сейдами.

В Карелии до недавнего времени культовые памятники вообще не изучались, в то время как в Финляндии и особенно в Норвегии и Швеции им посвящена большая литература, начиная с описаний саамских культовых мест, сделанных еще христианскими миссионерами в XVII в., до современных обобщающих научных работ.

Каменные сооружения. Каменные сооружения известны на Кольском полуострове, в Карелии, на Соловках. Эти сооружения считают саамскими по ряду причин. Саамы на протяжении многих веков населяли эту территорию, их следы отразились в топонимии, фольклоре, письменных источниках. В географическую область Русской Лапландии до революции включалась помимо Кольского полуострова и Северная Карелия вплоть до р. Кереть. Каменные кладки Карелии сходны с саамскими каменными сооружениями Кольского полуострова и других регионов. С отдельными культовыми местами связаны устные сказания, указывающие на их саамское происхождение (Манюхин И.С., 1996).

В Карелии зафиксированы четыре крупных и два небольших каменных комплекса, два лабиринта и около десятка одиночных «сейдов». Крупные комплексы находятся на вершинах островов Русский и Немецкий Кузова, горах Кивакке и Воттовааре.

Комплексы на горах Кивакка и Воттоваара открыты недавно, в 1991–1993 гг., и детально не обследованы и топографически не зафиксированы. Не исключено, что часть сооружений природного происхождения и к саамам прямого отношения не имеют. Есть там и нагромождения камней, созданных энергичными туристами. Кивакка – одна из высочайших вершин Карелии (499,5 м). Культовый комплекс находится на отметке 400 м и насчитывает несколько сотен каменных сложений. На Воттовааре (417 м) – около 500 каменных выкладок разбросаны на территории в 6 км². Они располагаются поодиночке и группами от 2–3 до 40–50. На обоих горах доминируют сейды, среди которых больше сейдов с «ножками» и немного сейдов с «головками», есть овалы, а на Кивакке – еще и каменные кучи.

Таких огромных комплексов на Севере Европы, кроме как в Карелии, нигде больше нет.

Одиночные сейды найдены и в Заонежье. Валун, стоящий на трех камешках, расположен на вершине горы у дер. Великая Губа. По местным поверьям, этот камень обронил черт, когда нес его, и «около него всегда чудится» (записи фольклориста ИЯЛИ КарНЦ РАН В.П. Кузнецовой в 1987 г.). К саамским культовым местам относят и о. Радколье в Заонежье, где скала человекообразного вида, которая издавна называлась Радкольским богом. У местных крестьян существовал обычай раз в году, в последнее воскресенье перед Ильиним днем, съезжаться на остров. В ходе праздника молодежь забавлялась тем, что пыталась столкнуть камень в озеро. Возможно, это отголоски тех далеких кампаний, которые организовывали христиане по уничтожению саамских богов.

В Карелии на Белом море известны три лабиринта. Один из них располагается на небольшом песчаном островке близ полуострова Красная Луда в северной части Чупинского залива. Сооружение расположено на высоте 2–2,5 м над уровнем моря, размером 8,6 x 9,5 м. В центре его располагается куча из камней, вход – с востока, со стороны материка. Два других лабиринта выявлены на о. Олешин в архипелаге Кузова на скале высотой 25 м над уровнем моря (Рис. 11). Один из них сохранился плохо, но второй – очень хорошо. Овальная выкладка занимает площадь 9,4 x 11,6 м. Для ее сооружения понадобилось около 1000 небольших валунов и обломков скал (Манюхин И.С., 2002).

Ключевым вопросом при характеристике культовых памятников является их датировка. Но археологических материалов для датировки практически нет, поэтому используются геологические и высотные данные расположения памятников, этнографические свидетельства.

Полагают, что культовые места в Карелии и на Соловках возникли в I тысячелетии до н.э. Традиция поклонения сейдам у саамов Кольского полуострова сохранилась вплоть до нашего столетия. Еще в 1925 г. группа престарелых наиболее уважаемых терских и семиостровских лопарей решила тайно приносить жертвоприношения сейдам в надежде, что боги помогут поднять оленеводство и даруют уловы семги, так как еще продолжали верить в их чудодейственную силу. Новое поколение лопарей уже в значительной степени утратило эти традиции. У лопарей северной Швеции и Норвегии пережитки старых культов сохранялись вплоть до наших дней, а жертвоприношения прекратились сравнительно недавно.

Лабиринты использовались более короткое время. Память об их создателях и назначении у саамов утрачена. Сохранилась рукопись, написанная в первой половине XVIII в., где есть упоминание о лабиринте как о загоне для волков. Лабиринты северной Швеции, поскольку они

расположены на высоте 10 м над уровнем моря и даже ниже, не могут датироваться Средневековьем. Лабиринты северной Норвегии по высотному расположению и возрасту лишайников датируются XIII–XVIII вв.

Каменные кучи могли использоваться так долго, как долго на территории обитали саамы. В западном Беломорье, по сведениям актов XVI в., проживала «дикая лопь на Студеном море». На р. Шуе, по свидетельствам документов 1530 г., при царе Василии Иоанновиче, упоминается «лопь крещеная и некрещеная». Видимо, время существования святилищ на Кузовах и Соловках можно ограничить XV в. – временем возникновения Соловецкого монастыря. Не исключено, что одной из причин строительства монастыря послужило стремление православной церкви положить конец языческим святилищам. На одном из Соловецких островов раскопана каменная куча, под которой находилась могила с остатками костяка, завернутого в бересту вместе с фибулой, являющейся подражанием карельскому изделию XII–XIII вв.

Культовый комплекс Кивакка периодически посещался саамами даже в начале XX в. Здесь находились обширные ягельники, куда для пастьбы, забоя и продажи оленей, кроме саамов, пригоняли свои стада финны и карелы. Оленеводство в этих краях прекратилось после 1918 г. В этом районе известны клады серебряных вещей XII–XIII вв., которые, как считают некоторые исследователи, оставлены саамами в качестве жертвоприношений.

Таким образом, время функционирования этих мест в зависимости от их географического размещения могло варьировать от позднего Средневековья до современности.

Культ сейдов в прошлом был общим для всей Лапландии. Он зафиксирован у саамов зарубежья начиная с XVII в. Традиция поклонения сейду состояла в жертвоприношении для обеспечения хорошей охоты и рыбной ловли, удачи в оленеводстве, путешествии, излечении от болезни и пр., т.е. для достижения персонального благополучия, но никогда не являлось способом нанесения вреда кому-то. К сейдам обращались за помощью в борьбе с врагом. У лопарей шведской Лапландии, например, жертвоприношения для удачи в оленеводстве упоминаются 50 раз, пожелания успеха в охоте – 13, рыболовстве – 58, путешествии – 15, жизни и здоровья – 20 раз. В шведской Лапландии на культовых местах обнаружены олени рога (128 случаев), кости оленя (144), медведя (15), домашних животных (35), птиц (16), рыб (19), табак и бренди (12), украшения (32), монеты (39), орудия труда (16), наконечники стрел (9 случаев) и т.д.

Помимо периодических жертвоприношений по разным поводам, на культовых местах проводились традиционные праздники. Всегда совершались жертвоприношения верховным богам – богу грома, охоты, солнца.

Некоторые исследователи связывают сейды с культом предков. Сейды на культовых местах могли символизировать реальных людей, умерших членов семьи. Потом, с течением времени, они превратились в более общих идолов. На связь сейдов с культом мертвых указывают некоторые человекоподобные черты изображений. В сказках Кольского полуострова, например, появление сейдов объясняют обычно внезапным окаменением людей, т.е. им приписывается человеческое происхождение.

Существует предположение, что сейды в горах или у озер изображают духов-хранителей определенной семьи или рода – сайво. По саамским поверьям они жили в пещерах священных гор в большом количестве, поскольку один саам мог иметь до 10–14 сайво. Духи-защитники были как антропоморфного, так и зооморфного видов. Сайво требовали за свою службу жертв, а со своей стороны способствовали пастьбе оленей, рыболовству и охоте, оберегали от опасностей и порчи.

Большинство же исследователей рассматривает сейды как духов-хозяев определенной территории, от которых зависела удача при охоте и рыболовстве. Сейды ставили в местах промысловой деятельности, на путях сезонных миграций оленя и морского зверя, постоянных охотничьих угодий. В этом смысле показательное размещение крупных культовых комплексов. Воттоваара и Кивакка находятся в местах миграции и обитания северного оленя, Кузова и Соловки – морского зверя, а также гренландского тюленя.

О верованиях, связанных с лабиринтами, этнографических сведений нет (выше упоминалось о рукописи, в которой говорится о лабиринте как о загоне для волков). Современные исследователи их назначение объясняют по-разному: одни считают их составными частями рыболовных ловушек (И.И. Мулло), другие связывают с культом мертвых (Н.Н. Виноградов, А.Я. Брюсов, Б. Ольсен), третьи – с промысловой магией (Н.Н. Гурина, Ю.В. Титов) и иными обрядовыми действиями (А.А. Куратов).

Каких-то археологических предметов для датировки лабиринтов нет. Разнообразие лабиринтов может свидетельствовать об их разных функциях.

В южной Норвегии известны загонные конструкции, где каменные кучи, вертикально поставленные камни и большие валуны с маленькими камешками наверху образуют сходящиеся к месту забоя оленей ряды длиной 2–3 км. Одна из подобных конструкций, в которой сохранились остатки деревянных столбов, датирована 980–1200 гг.

Кроме того, на Кольском полуострове встречаются дорожные знаки в виде столбиков, пирамидок или небольшой груды камня-плитняка (Манюхин И.С., 1996).

Как культовое значение своеобразных памятников, так и их принадлежность к саамам еще требуют серьезных научных доказательств. Комплексные работы на Карельском и Поморском берегах Белого моря,

проводимые археологами Карельского научного центра в содружестве с геологами, историками, этнологами и коллегами из Скандинавии в течение последних 10 лет, позволили не только значительно расширить число таких объектов, изучить их культурный и природный контекст, но и установить, что каменные сооружения Беломорья не являются культовыми памятниками саамов. Да, об их пребывании свидетельствуют некоторые географические названия, письменные источники, предположительно, некоторые поселения железного века в низовьях р. Выг. Но, скорее всего, как полагает М.Г. Косменко (2009, с. 166–168), основную массу сооружений в прибрежной зоне Поморья следует считать результатом интенсивной промысловой деятельности поморов в XVI–XVIII вв., а может быть, и позднее. Вполне возможно, что поморы могли заимствовать традиции строительства каменных сооружений у субстратного или соседнего охотничье-рыболовецкого саамского населения. Каменные сооружения Поморья были тесно связаны с хозяйственной промысловой деятельностью и зависели как от расположения промысловых пунктов, так и от экономической политики Соловецкого монастыря.

Словом, достоверных археологических памятников, оставленных саамами, мы, по сути, не знаем, поэтому для решения проблем происхождения саамов, их расселения, хозяйственно-культурной деятельности и многих других сложных вопросов требуются комплексные научные исследования специалистов различного гуманитарного профиля, и прежде всего археологов, топонимистов, историков, этнографов.

На рубеже I–II тысячелетий н.э. юго-восточное Приладожье (Ленинградская область) и южная часть Карелии были заселены прибалтийско-финским народом, названным весью. Литература, посвященная истории народа и его происхождению, обширна. Еще русский историк Н.М. Карамзин (1989, с. 98) в конце XIX в. писал, что Весь, как и Меря и Муромы, «обратились в Славян, приняв их обычаи, язык и Веру». В 40–50-е гг. XX в. об «исчезнувшем народе веси» и его полной ассимиляции продолжали писать в научной и учебной литературе.

Согласно теории возникновения вепсского народа, сформулированной языковедом Д.В. Бубрихом (1947), прибалтийско-финское племя *Vepsä* сформировалось около IX в. в юго-восточном Приладожье в районе устья рек Волхова и Свирь, а затем стало заселять Белое и Онежское озера, Заволочье и Олонецкий перешеек. Предположение, основанное только на языковых материалах, не могло удовлетворить исследователей.

В обобщающем труде В.В. Пименова «Вепсы» (1965), базировавшемся на анализе и синтезе данных различных гуманитарных наук, изложены взгляды на ключевые моменты вепсского этногенеза, которые в основных своих чертах не потеряли своего значения и сейчас. По мнению исследователя, «...до сих пор этот народ продолжает представлять собою до известной степени историко-этнографическую загадку» (с. 9); его формирование протекало за пределами Межозерья, «возможно, за Волховом, ближе к Прибалтике, где-то на ее восточной периферии» (с. 19).

В последующие годы в работах археологов, антропологов, топонимистов, этнологов проблема истории веси–вепсов рассматривалась комплексно, с учетом современных научных достижений в различных областях знаний. Выяснилось, что различные группы древних вепсов, расселившись на большой территории, в зависимости от этнического окружения, историко-культурных связей и других обстоятельств, существенно отличались друг от друга. Но и сегодня утверждать, что найдены ответы на все загадки, в том числе и по происхождению летописного народа весь, мы не можем.

Рассмотрим круг источников, которыми в настоящее время располагают исследователи.

Письменные свидетельства. В известной нам самой ранней русской летописи «Повесть временных лет» (начало ее создания, как указывалось выше, положено в XI в.) при перечислении финно-угорских племен упомянуты весь («На Белеозере седять весь»), первая, по информации летописца, заселившая эту территорию, за ней – меря на Ростовском и Клешином озерах и муромы на р. Оке. В списке говорящих на нерусских

языках («инии языци») и платящих дань Руси весь помещена между мерей и муромой, т.е., как подметил ранее Д.В. Бубрих (1947, с. 24–25), между волжскими этническими образованиями. События, связанные с весью, записаны в летописи под 859 и 862 гг.: вначале группа северных племен выступает против варягов, а затем вновь призывает их (об этом подробно рассказывалось выше). Упоминается весь как участница состоявшегося в 882 г. похода на Киев, возглавляемого князем Олегом. В этом походе, кроме веси, были представители варягов, чуди, словен, мери и кривичей.

Скудные и лаконичные сообщения западноевропейских источников, по сути, малонадежны. Готский историк Иордан (VI в.) в перечне племен упоминает *Vasinabronkas* или *Vas* (Иордан, 1960, с. 150), что означает, как полагают исследователи, весь. Адам Бременский, немецкий хронист (XI в.), сообщает: «*Ibi (in Ruzzia) sunt etiam qui dicuntur Alani vel Albani (var Albini), qui lingua eorum Wizzi dicuntur*» – «там (на Руси) есть еще такие, которых называют *Alani* или *Albani* (*Albini*) и которые на своем языке называются *Wizzi*». Датский хронист Саксон Грамматик (XIII в.) упоминает *visinnus* (цит. по: Пименов В.В., 1965, с. 27–28).

В свое время большое внимание уделялось отождествлению летописной веси с вису и ису арабских источников (А.П. Смирнов, В.В. Пименов, Л.А. Голубева). Однако отсутствие серьезных доказательств, кроме похожести этнонимов, сформировало у нового поколения исследователей, в данном конкретном случае, критическое отношение к вольным и далеким от реальности сведениям арабских географических сочинений (Макаров Н.А., 1990, с. 131).

Отсутствие в дальнейшем упоминаний о веси связано, видимо, с разными обстоятельствами и, в первую очередь, с русско-славянским освоением территории и с последующими процессами ассимиляции. Например, в событии, касающемся Белозерья и помещенном в летописи под 1071 г., вместо этнонима «весь» использован термин «белозерцы» в соответствии с их местом жительства. Возможно, что какая-то часть веси стала выступать на страницах русских письменных источников под собирательным именем «чудь».

Территории расселения. Современные вепсы относятся к прибалтийской, западной ветви финно-угорской семьи языков, как эстонцы, ливы, карелы, водь, ижора, финны. Языковеды делят современных вепсов на три диалектные группы: северных вепсов, живущих в Карелии по юго-западному побережью Онежского озера; средних – в северо-восточной части Ленинградской области и северо-западной части Вологодской области; и южных, населяющих Бокситогорский район Ленинградской области. В настоящее время они не имеют компактной, единой территории

проживания. Наиболее обособлены от основного этнического массива вепсы, проживающие узкой полосой вдоль западного побережья Онежского озера, — шелтозерские или прионежские вепсы. Эти земли, расположенные между озерами Ладожским, Онежским и Белым, принято называть Межозерьем. В последние годы над реконструкцией вепской исторической территории активно работают топонимисты. Выяснилось, что в древности она была значительно большей и включала Онежско-Ладожский перешеек, Обонежье, доходя на севере до Онежско-Беломорского водораздела и южного побережья Белого моря, на востоке — до бассейна р. Онеги, на юге — до Белого озера, на западе — до рек Сясь и Волхов (см.: Рис. 9).

На территории Межозерья на рубеже нашей эры и в последующее тысячелетие протекали сложные и во многом скрытые от нас процессы формирования финно-угорских народов, имена которых появились в письменных источниках лишь в I тысячелетии н.э. Для реконструкции этнических явлений наибольшей информативностью и достоверностью обладают антропологические, топонимические и археологические материалы.

Антропология. Изучение черепов из курганов юго-восточного Приладожья привело к выводу о неоднородности погребенных в курганах. Одни из них в наибольшей чистоте сохранили черты протоевропейского типа, который, с одной стороны, близок славянам Верхнего Поволжья и Белоруссии, а с другой, обнаруживает сходство со скандинавами (Дебец Г.Ф., 1948, с. 240). Отмечена антропологическая близость ильменцев с жителями Северной Европы (Витов М.В., 1964, с. 59, 97). Это объясняет весьма вероятную варяжско-скандинавскую примесь у русских Северо-Запада России. По предположению шведских исследователей (Lundborg H., Linders F., 1926), физические особенности населения Новолadoжского и Волховского районов близки среднему типу шведов. Другие черепа отнесены к урало-лапоноидной группе типов, представленных чудским населением Восточной Европы (Седов В.В., 1952, с. 78). Однако подчеркнем, что детальный анализ антропологического состава населения, оставившего приладожские курганы, пока еще не сделан.

Что касается антропологического исследования вепсов, то специалисты пришли к следующему заключению. Вепсы представляют собой однородную группу северных светлопигментированных европеоидов с легкой примесью монголоидности. Тип северных вепсов ближе к собственно-вепскому антропологическому типу эпохи Средневековья. Он не подвергся ни карельскому, ни русскому влиянию. Облик же южных вепсов, в том числе и средних, несет следы контактов с соседними народами, в первую очередь — с русскими (Цветкова Н.Н., 1993).

Топонимика. На исторической вепсской территории наиболее древний пласт представлен древнесаамскими топонимами. Однако исследователи отметили особенность здешней саамской топонимии – в ней отражен не собственно саамский, а предшествующие этапы прасаамского языкового развития (Современная наука о вепсах: достижения и перспективы, с. 12). Следующий мощный топонимный пласт, который обнаруживается не только в Межозерье, но и на Онежско-Ладожском водоразделе и в Обонежье, оставило пришлое вепсское население. В юго-восточном Обонежье отмечено поволжское влияние, выразившееся в распространении названий некоторых рек и крупных озер, в то время как прибалтийско-финскими топонимами обозначены незначительные объекты, т.е. вепсская гидронимия здесь более поздняя.

На восточных границах вепсского ареала интенсивность встречаемости вепсских топонимов слабеет, поэтому сохранились выразительные довепские топонимические названия. На Онежско-Ладожском водоразделе активное взаимодействие карел и вепсов привело к тому, что вепсское наследие хорошо сохранилось в диалектах южной Карелии, особенно в людиковском. На р. Суде, юго-восточной границе ареала, отчетливо прослеживаются следы древней финно-угорской культуры, предшествующей прибалтийско-финскому пласту названий, пришедшему из Присвирья. Окраиной вепсского ареала, вероятно, было Белозерье. Здесь вепсское влияние не было доминирующим и не смогло противостоять ни более ранним, ни более поздним восточнофинским культурным импульсам.

Наиболее мощный топонимный славяно-русский пласт отмечен на всей древневепсской территории, хотя характер взаимоотношений вепсов и русских протекал не везде одинаково. Согласно топонимическим свидетельствам, можно говорить о массовом вторжении русских в иноязычную среду и усвоении ими местных названий в западных и южных частях вепсского ареала¹¹. На остальной территории засвидетельствовано появление двуязычия местного прибалтийско-финского населения и его постепенное обрусение (Муллонен И.И., 2002, с. 325–330; Современная наука о вепсах..., 2006, с. 16–18).

Археологические памятники. Археологические памятники летописной веси представлены тремя группами, расположенными в юго-восточном Приладжье, включая территорию южной Карелии, юго-западном Белозерье и на Белом озере с р. Шексной. Для последней группы в научной литературе используется термин Прионежье, но, на наш взгляд, он неточен и расплывчат. Для населения каждой из этих групп было характерно свое окружение, культурные влияния и этнические процессы, наложившие

¹¹ Ареал – территория, пространство, область распространения каких-либо явлений.

своеобразный отпечаток на их материальную культуру (Голубева Л.А., Кочуркина С.И., 1991, с. 3–8; Рябинин Е.А., 1997, с. 89). Своеобразны и их исторические корни.

Археологические памятники эпохи железа в восточной части бассейна Онежского озера, в Каргополье и Белозерье представляют самобытную позднекаргопольскую культуру, образовавшуюся в результате взаимодействия западной культуры сетчатой керамики и восточной ананьинской. Истоки ее, по мнению И.С. Манюхина, находятся в памятниках среднего Поволжья VIII–VI вв. до н.э. Отсюда в VI в. до н.э. население стало продвигаться вверх по Волге на Север. В ходе адаптации к иным природно-климатическим и географическим условиям, при воздействии раннедьяковского населения Верхней Волги, местных культур эпохи бронзы Белозерья, Каргополья и Карелии сформировалась в середине I тысячелетия до н.э. позднекаргопольская культура. По особенностям керамического материала выделено три локальных варианта: белозерский, онежско-каргопольский и водлозерский. Ананьинский элемент наиболее ощутим в Белозерье. В Карелии на оз. Водлозеро наиболее заметны элементы, восходящие к местной сетчатой керамике эпохи бронзы. Дьяковская орнамента лучше представлена в онежско-каргопольском варианте, хуже – на Водлозере и в Белозерье.

Ранний этап позднекаргопольской культуры в Карелии охватывает середину – вторую половину I тысячелетия до н.э., поздний – рубеж нашей эры – VI–VII вв. н.э. В Белозерье и Каргополье возникновение культуры можно датировать серединой I тысячелетия до н.э., но вопрос о ее верхней границе остается открытым. Отдельные находки позволяют отнести позднекаргопольские древности к первым векам н.э. (Археология Карелии, 1996, с. 220–238). Говоря об этнической принадлежности культуры, И.С. Манюхин предполагает, что какая-то часть этих памятников могла быть оставлена прасаамским населением.

В юго-западном Белозерье, располагающем разнотипными погребальными памятниками и поселениями, в результате поисков и раскопок археолога А.Н. Башенькина выявлен значительный материал для изучения историко-культурной жизни населения на большом историческом отрезке от начала нашей эры до XIII в. По существу, это уникальный историко-археологический регион, памятники которого дают возможность проследить непрерывность развития финно-угорской культуры. Кроме того, выяснилось, что районы рек Суды и Чагодоци различаются могильниками и поселениями, ритуальностью захоронений, материальной культурой и оставлены разноэтничным населением. Памятники бассейна р. Чагодоци принадлежали верхневолжским кривичам, поскольку в погребальном обряде и инвентаре прослеживаются общие черты с псковско-новгородской и

смоленско-полоцкой группами кривичей. В районе р. Суды в начале нашей эры существовала финно-угорская культура, представленная грунтовыми могильниками с трупосожжениями и так называемыми домиками мертвых в виде прямоугольных дерево-земляных сооружений, окруженных ровиками и тоже содержащих остатки трупосожжений. Из известных к настоящему времени около полутора десятков таких памятников, семь выявлено на р. Суде, три – на Чагодоше, один – на Колпи, два – на р. Паше в юго-восточном Приладожье и т.д. (Макаров Н.А., 1997; рис. 4, с. 23). Одни грунтовые могильники функционировали в течение короткого времени, другие – несколько столетий. Домики мертвых, напротив, использовались относительно короткий промежуток времени, примерно с IX до начала XI в. У исследователей нет сомнений, что погребальный обряд и характерный инвентарь этих памятников свидетельствует о принадлежности их к финно-угорской культуре, культуре летописной веси, а также в том, что этот район с VI в. был центром формирования традиций летописной веси. Здесь на рубеже I–II тысячелетий появляются курганные могильники, близкие аналогичным памятникам юго-восточного Приладожья. Кроме того, р. Суда и ее притоки входят в ареал вепсской топонимии и является территорией проживания современных вепсов (Башенькин А.Н., 1986, 1989). Это своеобразие позволяют выделять особую группу судской веси.

Одним из примечательных памятников судской веси в X–XI вв. является поселение Никольское VI (Башенькин А.Н., 1985, с. 5–7; 1986). Выявлены остатки наземных срубных жилищ с каменными фундаментами в основании, с печами-каменками, следы железоделательного производства, косторезного и ювелирного ремесла. Население, торгуя пушниной, в основном бобровой, поддерживало оживленные торговые связи, о чем свидетельствуют предметы импортного производства на поселении. Скотоводство и охота были жизнеобеспечивающими занятиями.

Постепенное проникновение древнерусских земледельческих поселенцев со стороны новгородских земель и стойкое сохранение этнокультурных традиций местного населения привело к появлению в регионе вепсских (от слова *весь*) и смешанных славяно-вепсских поселений, но при этом длительное время сохранялись самобытные черты финно-угорской культуры.

В третьем регионе (Белое озеро с р. Шексной) между позднекаргопольскими древностями и памятниками рубежа I–II тысячелетий н.э. располагаются большей частью небольшие поселения с гладкостенной и штрихованной керамикой баночной формы. Немногочисленный и неточно датированный инвентарь позволил установить, что период VII–IX вв. оказался временем «наиболее глубокого спада в заселенности территорий между Онежским озером, Шексной и Северной Двиной. Новый рост количества

поселений на Белом озере прослеживается лишь во второй половине IX–X вв.» (Макаров Н.А., 1997, с. 26).

В этом регионе на различных временных отрезках выявляются те или иные культурные компоненты. Если в древностях конца IX – третьей четверти X в. отчетливо прослеживаются юго-восточные (волго-окские и пермские) и западные (прибалтийско-финские с примесью славянских и скандинавских вещей) культурные элементы, то в конце X–XI в. отмечается существенная роль славянского и западнофинского компонентов.

Раскопками исследовались поселения белозерской веси у дер. Васютино на р. Мегре, у истока Шексны из Белого озера (предшественник г. Белоозера) и в 40 км южнее поселение Крутик, которое является ярким памятником дославянской культуры второй половины IX – последней трети X в. Своим возникновением он обязан Великому Волжскому пути и был связан торговыми отношениями со Скандинавией, Болгаром, Прикамьем, арабским Востоком. Население Крутика состояло из ремесленников, купцов-воинов, земледельцев, скотоводов, рыболовов и охотников на пушного зверя. Пока существовал поток восточного серебра и сохранялась ориентация на внешнюю торговлю, Крутик процветал. Но с изменением внешнеполитических и социально-экономических условий, переходом на внутренние экономические потребности ситуация в крае резко изменилась. В X в. усилилось значение р. Шексны как основной водной магистрали, по которой шло проникновение славян в Белозерье и далее на Север. С приходом славян Белоозеро подключилось к Днепровскому торговому пути, вследствие чего город стал стремительно расти, а Крутик утрачивать свои позиции.

Вещная принадлежность Крутика четко выражена во всем облике материальной культуры – лепной керамике, украшениях женского костюма, орудиях труда и быта. Славянский элемент в культуре Крутика ощущался слабо, поскольку поселение прекратило свое существование раньше, чем произошло проникновение славян на территорию Белоозера.

О размерах, конструкции, назначении построек Крутика данных очень мало, так как пожары и следующие за ними перепланировки уничтожили их следы. Можно только предполагать, что постройки были наземными, срубными и возводились на глиняной основе. Дома обогревались очагами, которые часто использовались и в производственных целях. Видимо, для Крутика, как и для Белоозера, были характерны дома-мастерские. В целом же в их застройке наблюдаются большие различия. Белоозеро в конце X – начале XI в. имело уже облик развивающегося города (уличная застройка, огороженные усадьбы, печи, а не очаги в домах). Этому немало способствовало усиливающееся славянское влияние (Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991, с. 39).

Развитию металлургического производства способствовали имеющиеся здесь в достаточном количестве запасы местной болотной руды. Для варки железа использовали горны, иногда очаги. Наряду с простейшей технологией ряда изделий из железа и сырьевой стали, мастера Крутика владели сложными приемами получения высококачественных сталей, методами проковки и сварки чередующихся полос железа и стали (техника пакета). Последнее свидетельствует об их высокой профессиональной квалификации на уровне городских ремесленников (Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991, с. 50).

Литейное производство развивалось на привозном сырье. Оно носило в основном характер домашнего производства. Не вызывает сомнений участие в нем женщин-литейщиц (Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991, с. 70–71). Активно развивались также и домашние промыслы: обработка кости, дерева, шерсти, прядение, ткачество, гончарное и камнерезное дело.

Памятники XI–XIII вв. представлены многочисленными селищами, открытыми поселениями и грунтовыми могильниками (курганов мало). Здесь сложилась своеобразная культура на основе синтеза славянского и финно-угорского компонентов. Для нее характерны специфические женские славяно-финские украшения и керамический комплекс, сохранивший некоторые формы и орнаменты, свойственные белозерской веси. Однако, как подмечено Н.А. Макаровым, многие годы изучающим эти древности, специфические финно-угорские элементы в культуре Прионежья нельзя рассматривать как прямое продолжение культуры белозерской веси, она наследует лишь некоторые традиции местной культуры IX–X вв. Широкое распространение финно-угорских элементов, которые сами по себе не однородны (одни принадлежат прибалтийско-финскому кругу древностей, другие – восточнофинскому), связаны с культурными заимствованиями и адаптационными процессами. Соотношение их менялось: в XI – начале XII в. преобладали прибалтийско-финские импульсы, позднее – восточнофинские. Славянское влияние начинает набирать силу на рубеже X–XI вв. Существенное воздействие оказал славянский компонент, принесенный двумя потоками: новгородским и ростово-суздальским (второй в XII–XIII вв. был преобладающим) (Макаров Н.А., 1984). В итоге культура Белозерья «сближается с древнерусской, превращаясь по существу в один из ее локальных вариантов». Славяне быстро смешались как с местной белозерской велью, так и с пришлыми, увлеченными миграционными потоками финнами (Макаров Н.А., 1990, с. 125–128).

Культура этой территории в X–XIII вв., при определенном сходстве керамических комплексов и женских украшений, в целом отличалась от юго-западного Белозерья и юго-восточного Приладожья и по форме памятников и по их содержанию. По мнению Н.А. Макарова (1990, с. 125), территория белозерской веси в раннем Средневековье была отделена от двух других

естественным рубежом, водоразделом крупнейших озер и рек, лишенным археологических памятников. Он-то и ограждал Белое озеро с р. Шексной от северо-западных областей.

Другим районом расселения веси считается юго-восточное Приладожье, хотя древнерусские летописи об этом не упоминают. Такая точка зрения зиждется главным образом на лингвистических и топонимических материалах. Подтверждается она и тем, что потомки веси – современные вепсы – до сих пор проживают в этом регионе. Но поскольку археологические памятники Белозерья и Приладожья не идентичны, некоторые исследователи предположили, что они были заселены различными группами прибалтийско-финского населения: вёсю и чудью (Кирпичников А.Н., 1987, с. 101–111).

В юго-восточном Приладожье памятники эпохи железа и первого тысячелетия представлены редкими, бедными, почти неизученными находками. Предположения о предшествующих курганам «домиках мертвых» и грунтовых могильниках (Рябинин Е.А., 1997, с. 86) до сих пор остаются предположениями, не подкрепленными полевыми данными. Прямые связи с последующей ярко выраженной и своеобразной курганной культурой пока не устанавливаются.

В юго-восточном Приладожье нет такого разнообразия памятников, как в первых двух регионах. За исключением поселения на р. Сясь и селищ, кладов монет, древности эпохи X–XIII вв. однородны и представлены курганами. В южной Карелии, помимо курганов у селений Кокорино и Челмужи, по берегам Онежского озера известно около 30 поселений с лепной посудой, характерной для приладожских курганов, а также несколько грунтовых погребений. Датируются они в основном X–XI вв. Это небольшие по площади поселения со следами очагов, иногда горнов, с остатками построек (о поселении Челмужи см. далее). Металлические изделия немногочисленны, но разнообразны: орудия труда, предметы украшений, стеклянные и пастовые бусины. Определить их этническую принадлежность пока не представляется возможным. Но косвенные свидетельства – наличие керамики приладожского типа, концентрация поселений в древневепском ареале – дают возможность предположить, что эти памятники оставлены выходцами из Приладожья.

Ареал приладожской курганной культуры на рубеже I–II тысячелетий включал юго-восточное Приладожье и район Прионежья с бассейнами рек Сяси, Тихвинки, Воронезки, Паши, Капши, Ояти, Свири, Олонки, Тулоксы, Видлицы и северное побережье Онежского озера (Рис. 12).

Курганы начали изучаться в 70-е гг. XIX в. финляндским исследователем Д.Е.Д. Европеусом. Из публикаций известно, что им было раскопано 15 курганов, но эта цифра явно занижена. Его материалы обрабатывались А.М. Таллыгреном в 1916 г. и Х. Салоненом в 1929 г. В 1878–1884 гг. погребальные памятники на

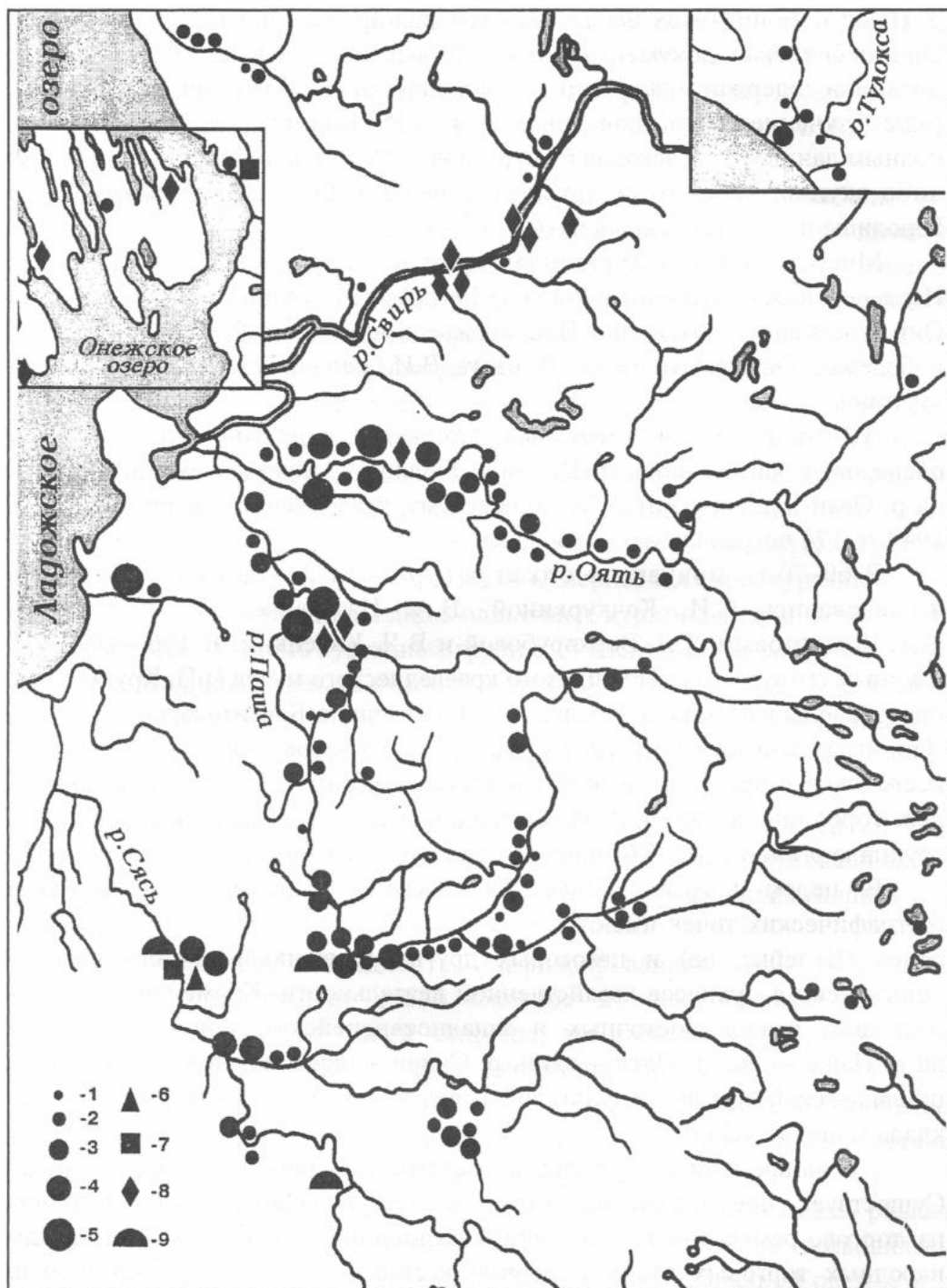

Рис. 12. Памятники юго-восточного Приладожья
 (1 – одиночные курганы; 2 – до 10; 3 – до 20; 4 – до 40; 5 – свыше 40;
 6 – Сясьское городище; 7 – селище; 8 – клады; 9 – сопки)

р. Паше и ее притоках исследовал генерал артиллерии Н.Е. Бранденбург. Он опубликовал документацию о 120 насыпях, однако сохранившиеся дневники содержат информацию о большем числе. В пред-революционные годы изучением курганов занимался А.И. Колмогоров. По далеко не полным данным, он раскопал 69 курганов и 22 сопки, но информация о них либо скудна, либо отсутствует вообще. В 1909 г. Н.И. Репников у дер. Городище на р. Сясь вскрыл пять курганов.

Много внимания курганным древностям уделял В.И. Равдоникас. Исследования, начатые им в 1915 и 1919 гг., с 1926 г. стали систематическими. Они охватили юго-восточное Приладожье, южную часть Карелии и северное побережье Онежского озера. В итоге В.И. Равдоникас исследовал 114 курганов.

В 40-х гг. XX в. известный финляндский археолог Э. Кивикоски обследовала две насыпи на р. Видлице. Большая заслуга в изучении курганов на р. Ояти принадлежит А.М. Линевскому, раскопавшему в течение 1947–1949 гг. 174 погребальных памятника.

В 60–70 гг. минувшего столетия курганы Приладожья и Прионежья исследовались С.И. Кочуркиной, В.А. Назаренко, Г.С. Лебедевым, В.А. Кольчатовым, Т.Л. Верхорубовой и В.Я. Конечким. В 1960–1970-е гг. научным сотрудником Тихвинского краеведческого музея И.П. Крупейченко произведены раскопки в Тихвинском и частично в Бокситогорском районах Ленинградской области. В 1987–1990 гг. О.И. Богуславским и А.Д. Мачинской исследовался археологический комплекс (курганы, городище и селище) у дер. Городище; в 1989 г. А.М. Спиридоновым раскапывалась разрушенная группа курганов у дер. Кокорино в Уницкой губе Онежского озера.

В целом вскрыто более 700 насыпей. Примерно в полусотне географических точек имеются еще около 750 неисследованных курганов, сопкок (Вклейка, ба) и некоторых других памятников. Много насыпей уничтожено в процессе хозяйственной деятельности. Кроме того, найдено несколько кладов восточных и западноевропейских монет XI–XII вв.: на р. Паше – два, р. Ояти – один, р. Свири – шесть кладов. Синхронны с приладожской курганной культурой выявленные на территории Карелии три клада монет X–XI вв.

Одновременны с курганами Сясьское городище и селище Челмужи. Существует предположение, что Сясьское городище являлось одним из торгово-ремесленных поселений, возникших в VIII–X вв. на международных торговых путях Северной и Восточной Европы (Археология Карелии, 1996, с. 287–288). Селище Челмужи расположено на северном побережье Онежского озера, в 400 м от курганной группы. Связь между поселением и могильником не вызывает сомнений. На памятнике вскрыты частично уничтоженные обрывом остатки наземного жилища. Среди костей,

найденных в заполнении печной ямы, были кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, бобра. Собраны фрагменты лепной и гончарной керамики древнерусского облика, предметы украшения, позволяющие датировать памятник X–XI вв. (Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., 1988, с. 135–136).

В южной части ареала приладожской культуры (реки Воложба и Сясь с притоками) располагались славянские сопки и курганы: в мозолевской группе – 43, на р. Карасенке – 64 насыпи, на р. Сяси – две группы сопок и 20 местонахождений курганов, на р. Дрегли расположен самый крупный в Приладожье могильник из 100, в окрестностях деревни Красная Заря – из 29 насыпей. В территориальном центре Приладожья, на реках Паше и Сязнеге, сосредоточено наибольшее число курганных групп (66, исследовано 170 насыпей), встречены также сопки (10) и сопковидные насыпи (2). Плотная концентрация насыпей наблюдалась в нижнем и среднем течении, в районе крутой излучины р. Паши. На порожищем отрезке реки и в болотистой местности они отсутствуют. На р. Ояти 247 исследованных курганов представлены 34 группами. Всего же их 46. Севернее этих мест курганы редки. Так, на р. Свири обнаружены лишь одиночные курганы в пяти пунктах. На р. Олонке известны пять курганных групп с 15 насыпями, на р. Тулоксе – две с 11, на р. Видлице – четыре курганные группы с 29 насыпями. На северном побережье Онежского озера погребальные памятники зафиксированы в Кокорино (7) и у Челмужей (11 курганов) (Кочкуркина С.И., Линевский А.М., 1985; Кочкуркина С.И., 1989).

Насыпи располагались по берегам рек и ручьев, несколько групп – по берегам озер на различной высоте от воды, внутри групп – цепочкой вдоль береговой линии и скученно. Иногда в курганной группе применялись оба варианта.

Погребальная обрядность, зафиксированная при раскопках памятников, представляет собой сложное и многообразное явление. Она характеризуется, с одной стороны, комплексом общих черт, что дало основание для определения курганной приладожской культуры как целостного явления, а с другой – множеством вариаций, особенно в конструкции насыпей, в деталях погребальных ритуалов и составе сопровождающего инвентаря (Назаренко В.А., 1983).

Сооружение кургана шло поэтапно. Сначала подготавливалась ровная площадка, на которой устраивался очаг (костер). Иногда возводилась небольшая насыпь до 20–50 см высотой. Умерших в парадной одежде и с предметами, которыми они пользовались в жизни, укладывали по разные стороны от очага: женские – в западной части, мужские – в восточной, преимущественно на спине, головой на юг или с некоторым отклонением в сторону. На прогоревший костер/очаг ставили кухонный инвентарь:

железный или бронзовый котел с цепью для подвешивания, сковороду, сковородник, лопатку, горшки, и потом курган насыпался до нужной высоты. Полный набор перечисленного инвентаря редок, чаще присутствовал один или несколько предметов. Надо заметить, что очаги и кострища, которые придают исключительное своеобразие приладожской культуре, фактически встречены примерно в трети от всех раскопанных курганов юго-восточного Приладожья и Прионежья. В курганах погребены взрослые, изредка – подростки, детские захоронения единичны (видимо, их хоронили иначе).

В погребальной обрядности приладожских курганов наряду с общими чертами отмечены специфические особенности, обусловленные локально-территориальными, хронологическими, социальными и этническими причинами. В ранних, как правило, крупных по размерам курганах конца IX – начала XI в., расположенных главным образом в центральной части Приладожья, умершие в подавляющем большинстве погребены по обряду сожжения. Синхронные им трупоположения немногочисленны и ориентированы по всем странам света. В нескольких случаях захоронения сделаны в два яруса. Отмечены два погребения в ладье, зафиксированы остатки бересты на погребениях, очаги и кострища с бытовым инвентарем, захоронения сожженных лошадей, погребение собаки. В северной группе (Чёлмужи) появляются первые погребения в срубах. К скандинавским и финско-скандинавским отнесены 30 погребений.

В многочисленной группе курганов XI–XII вв., занимающей большую по сравнению с предыдущей группой территорию, еще встречаются погребения по обряду сожжения, что свидетельствует о сохранении более ранней обрядности, однако преобладают трупоположения с южной ориентировкой умерших. Появляются могильные ямы. Срубы, гробы, следы от деревянных могильных сооружений отмечены в славянских насыпях на южной границе ареала приладожской культуры, а также на р. Сязнеге и на Олонецком перешейке. Очаги и кострища редки. Лишь одно погребение на р. Паше этого времени можно признать скандинавским.

Курганы в южной части Карелии по рекам Олонке, Тулоксе и Видлице, а также некоторые насыпи на р. Ояти отличаются своеобразием погребальной обрядности, что позволило в свое время В.И. Равдоникасу выделить особый видлицкий тип. В невысоких, расплывчатых насыпях располагались своеобразной формы срубы, гробовища с выступающими концами: северные и южные бревна длиннее западных и восточных. В одних случаях могильные сооружения сделаны из досок, в других – из балок, иногда с деревянными крышками. Умершие укладывались головой на юг с некоторым отклонением к западу или востоку.

О затухании курганной погребальной обрядности свидетельствуют малочисленные группы курганов XII–XIII вв. на Олонецком перешейке.

Умершие погребены в могильных ямах и деревянных сооружениях: гробовищах, срубах, колодах и ориентированы на запад и восток. В XIII в. курганы как форма погребальных памятников прекращает свое существование.

Хозяйство. Железодельное производство. В земле белозерской веси, на поселении Крутик, для варки железа использовали два горна. Первый – прямоугольной формы, находившийся под навесом, – занимал площадь 2,3 x 2 м. Стенки, толщиной до 0,45 м и сохранившейся высотой до 0,2 м, сложены из глины с камнями и обожжены. Сильно прокаленный под имел следы не менее двух подмазков. Внутри горна сохранились угли, зола, камни.

Севернее к горну примыкала предгорновая яма, вырытая в материке (6,6 x 3,6 м, глубина до 1,5 м). Заполнена она камнями, небольшим количеством железных шлаков. В ней найдены также льячки и их обломки, фрагменты тиглей. Очевидно, в горне происходила также плавка цветных металлов.

От второго горна сохранился только прокаленный глиняный под (1 x 0,65 м, толщина около 0,08 м). Западнее разрушенного горна находилась круглая яма конусовидной формы (2 x 2 м, глубина 1,5 м), перекрытая россыпью камней и шлаков. В нижней части ямы было свыше 100 кусков шлаков весом 1–1,5 кг.

Остатки кузницы зафиксированы в 0,45 м к югу от остатков горна. Это наковальня в виде массивного валуна округло-подчетыреугольной формы (0,46 x 0,48 x 0,32 м) со следами выбоин на плоской поверхности. Вокруг нее собрано около 80 железных шлаков, комки железной окалины, бесформенные куски железа, кузнечные заготовки железных изделий, а также застывшие капли бронзы, обрезки бронзовых пластинок и проволочек. Рядом с камнем – массивное зубило.

Варка железа могла происходить и в очагах. Так, в двух из них обнаружены глиняные сопла и части лепных горшков с прикипевшими крицами (Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991, с. 47–50).

В городе Белоозере выявлены остатки двух горнов XII в. и столько же XIII–XIV вв. От них сохранились сильно прокаленные глиняные поды, покрытые камнями, золою и углями, а также следы срубного основания горнов (2 x 1 м; 2 x 1,8 м; 3,5 x 3 м; один выявлен частично). Один из горнов ремонтировался. Обычные находки – шлаки, кусочки руды и криц. Металлургическое производство осуществлялось иногда в домашних печах, в горшках. Так, например, найдено несколько небольших криц, по форме и размерам соответствующих днищам глиняных горшков. На Белоозере выявлены остатки шести кузниц, причем три сменяли друг друга на одном месте. Самая ранняя датируется концом X – началом XI в. Археологически

хорошо прослежена кузница XII в., находившаяся примерно в 5 м западнее первого горна. Сооружение в виде однокамерного сруба занимало площадь 8,1 x 5,7 м. В кузницу поднимались по деревянным сходням из горбылей. На бревенчатом полу (диаметр бревнышек 0,2 м) сохранились кучка речного песка, в семи местах – скопления шлаков и криц (свыше 400 экз.; здесь же находились крицы, прикипевшие к стенкам и днищам горшков), а также остатки очагов, обгорелые камни, уголь, зола. Бытовых предметов почти нет, но под бревнами пола найдена разбитая глиняная льячка (Голубева Л.А., 1973, с. 118–122).

На территории судской веси остатки металлургического и кузнечного производства обнаружены на всех поселениях начиная с V в. н.э. На поселении Никольское VI выплавку железа производили в прибрежной части поселения, где обнаружены задернованные кучи шлака. Среди остатков примыкающего к жилищу производственного сооружения находились крица и шлаки. Кроме того, в жилых помещениях обнаружены льячки. В целом же на поселениях и в могильниках бассейна р. Суды V–X вв. собраны льячки, литейные формы, тигли и некоторые инструменты, свидетельствующие о местном производстве изделий из цветных металлов (Башенькин А.Н., 1989, с. 14–15).

Общее количество металлографически изученных предметов поселения Крутик – 129 экз. 18 категорий (Розанова Л.С., 1991, с. 166–181). Самая массовая из них ножи (62 экз.). По сложности примененной технологии они разделены на две группы. В первую вошли изделия из железа и сырцовый стали без каких-либо дополнительных приемов по улучшению их качеств (10 ножей). Изготовленные по такой технологии изделия считаются продукцией местных ремесленников, продолжавших традицию эпохи железа (Леонтьев А.Е., 1976, с. 41). Во вторую группу вошли ножи, сделанные из сварных конструкций: трехслойный пакет (в поперечном сечении стальная полоса расположена в центре между железными по всей длине клинка от спинки до лезвия), вварка стального лезвия в железную основу (стальная полоса расположена между железными, выходит на лезвие, но до спинки не доходит) и наварка стального лезвия на железную основу (отмечена в двух случаях). Технология трехслойного пакета, примененная при изготовлении ножей, сложна, но эффективна и экономична. Таким ножом можно пользоваться до полного стачивания клинка. По технологии трехслойного пакета на поселении Крутик изготовлены ножи с длинным шилообразным черенком, отделенным от клинка двумя четкими уступами (43 экз.), форма которых, по мнению Р.С. Минасяна (1980, с. 73), пришла из Северной Европы, где она бытовала в меровингское и викингское время. В Восточной Европе ножи этого типа появляются в последней четверти I тысячелетия н.э., в Ладоге – в VIII–IX вв., на древнерусских памятниках – в X–XI вв.

Довольно близкими по технологической и типологической характеристикам ножам Крутика являются аналогичные изделия из синхронных памятников Верхнего Прикамья, железный инвентарь которого в большом количестве представлен общеевропейскими формами. Это явление объясняется тесными контактами пермских ремесленников с западными соседями, и прежде всего, с Новгородской землей (Седов В.В., 1982; Завьялов В.И., 1997, с. 246; Розанова Л.С., 1991).

Металлографическое изучение 15 ножей из горизонта XII–XIII вв. Белоозера показало, что они изготавливались из тщательно прокованного железа и хорошего качества стали. В основном использовалась торцовая косая наварка стального лезвия на железную основу и редко – косая наварка (Голубева Л.А., 1973, с. 124).

Богатейший археологический материал приладожских курганов X–XIII вв. представлен предметами железоделательного ремесла. Однако наличие только погребального инвентаря и незначительные материалы поселений существенно ограничивают исследовательские возможности при реконструкции социально-экономических отношений приладожского общества, поскольку ни кузниц, ни ремесленных мастерских на ее территории не выявлено. Нет прямых доказательств местного производства различных предметов. Косвенным доказательством развитого местного железоделательного производства могут служить два оятских кургана, насыпанных из шлака, о развитии кузнечного и ювелирного ремесла свидетельствуют бракованные железные и бронзовые изделия.

Как показало металлографическое исследование, изделия не отличались от аналогичных древнерусских ни формой, ни технологическими приемами. Ножи, овальные кресала, копья, за редким исключением, изготовлены по схеме наварного лезвия; они не уступали по качеству изделиям, выполненным городскими ремесленниками Северо-Западной Руси. Все трехслойные ножи продемонстрировали совершенную технику многослойной сварки, которая была заимствована местными кузнецами, скорее всего, у мастеров Ладоги. Лишь однажды кузнец ошибся и вместо центральной стальной полосы вставил железную, а по бокам наварил полосы из высокоуглеродистой стали.

В кузнечной продукции юго-восточного Приладожья есть пластинчатые кресала, сделанные целиком из стали или железа, что свидетельствует о сохранении в местном кузнечном производстве древней технологической традиции (Хомутова Л.С., 1985, с. 207–217).

С конца XII по XIV в. основным технологическим приемом в древнерусском кузнечном ремесле стала наварка стального лезвия на железную основу изделия. Стальная полоска в целях экономии металла постоянно уменьшалась. Наварная стальная рабочая часть обнаружена на овальных кресалах и наконечнике копья. Использовалась сталь повышенной

Рис. 13.
Трилистная фибула

Рис. 14.
Круглая фибула

твердости с высоким содержанием углерода. Технология цельностального клинка, так же как и цельножелезного, проще, чем сварная, поэтому она применялась для изделий кратковременного пользования, например, наконечников стрел (Хомутова Л.С., 1985, с. 207–217).

Изделия ювелирного ремесла. В погребальных памятниках инструменты литейного и ювелирного производства не найдены. Продукция же ювелирного ремесла разнообразна и многочисленна. Большей частью она представлена женскими украшениями. В X – начале XI в. бытовали западноевропейского производства гривны (шейные обручи) из бронзы, реже серебра и железа. Разнообразные глазчатые бусы встречались на всей территории приладожской культуры, но особенно их много в курганах на р. Ояти (Вклейка, 7а–10а). Вопрос о производстве бус пока не решен, но исследователи склонны считать, что бусы X в. в основном привозные. Бронзовые бусы-«флакончики», наоборот, не являются предметом импорта, они наиболее характерны для населения р. Ояти. В погребениях конца X – середины XIII в. отмечено обилие

золото- и серебростеклянных, разнообразных по форме бус, аналогичных изделиям из древнерусских памятников.

Овально-выпуклые фибулы X в. скандинавского происхождения (Вклейка, 7а), скреплявшие женскую одежду на предплечьях, получили широкое распространение не только среди населения Скандинавии, Финляндии, Прибалтики, Центральной Европы, но и на территории России в том числе и в памятниках Приладожья. К нагрудным украшениям относятся трилистная (Рис. 13) и круглая фибулы (Рис. 14). Традиция носить парные фибулы сохранилась у населения Приладожья даже тогда, когда скандинавские фибулы вышли из употребления. На их смену пришли простые спиралеконечные застёжки, использовавшиеся на всем этапе существования курганной культуры (Рис. 15, 16).

Самые ранние из браслетов, тоже скандинавского происхождения, датируются X – началом XI в. (Вклейка, 11а). Позднее их сменили изделия древнерусских образцов.

Наиболее характерными для материальной культуры приладожского населения подвесками были зоо- и орнитоморфные: пластинчатые, изображающие четвероногое животное с коротким загнутым хвостом, пластинчатые в виде гуся и утки, полые птицевидные с привесками в виде лапок водоплавающей птицы (Вклейка, 12а). Подвески, показывающие женское божество на коне, «всадница на змее», встречены в погребениях XI–XII вв. Большую коллекцию составляют коньковые подвески. Пластинчатые литые изображения животных, так называемые коньки смоленского типа, найдены в основном в погребениях XI в., и лишь небольшое число – в захоронениях XII в. Полые коньковые шумящие подвески датируются XII–XIII вв. Бронзовые спиральки наиболее характерны для нагрудных украшений оятских курганов и челмужского, где они найдены с обрывками ткани.

Бронзовые ключи-амулеты, большей частью обнаруженные в курганах р. Ояти, за пределами курганной культуры крайне редки. Их носили женщины на груди или на поясе, иногда по 3–5 ключей в одном комплекте. С памятниками Северо-Западной и Северо-Восточной Руси связано появление в Приладожье ложек-амулетов, а также крестиков различных типов (XI–XII вв.) и решетчатых подвесок (XII–XIII вв.). Весьма популярными украшениями были бронзовые бубенчики шаровидной и грушевидной формы с крестовидной прорезью, характерные для многих древнерусских памятников.

Копоушки известны в женских погребениях второй половины X в., но большинство их приходится на более поздний этап приладожской культуры. Такие изделия наиболее часто встречались на территории расселения восточных финно-угров.

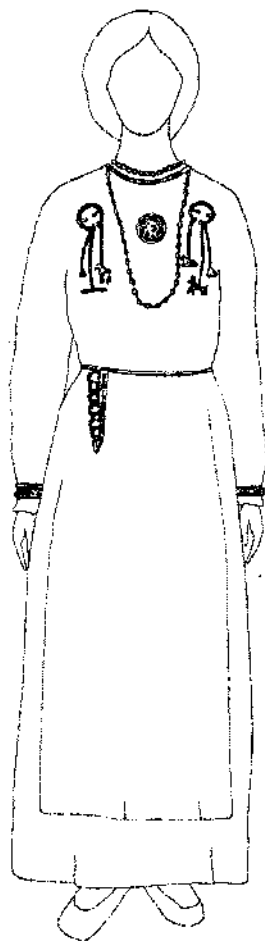

Рис. 15. Набор женских украшений X в.

Рис. 16. Набор женских украшений XI в.

В ранних приладожских курганах появляются железные и бронзовые игольники с вертикальной петлей для подвешивания. Они не были местным изобретением. Бытовали в Швеции, Норвегии, Латвии, Эстонии. В XI–XIII вв. применялись горизонтальные игольники с ажурными подтреугольными щитками. Количественно преобладают так называемые игольники ливского типа, названные по месту нахождения их на памятниках Латвии. Горизонтальные игольники с арочным ажурным щитком и шумящими привесками использовались в XII–XIII вв. (Рис. 17).

Перстни существовали в течение всего периода курганной культуры. X–XI вв. датируются широкосрединные и продольно-рубчатые с завязанными концами. Их ареал включает Швецию, Прибалтику, Северо-Запад и Северо-Восток европейской части России. Этим же временем датируются «усатые» перстни.

С середины XI в. в обиход входят различные типы височных колец, которые встречались не столько в памятниках Приладожья, сколько на обширных территориях Руси. Появление их на рассматриваемой территории в одних случаях связано с приходом славян, в других – с подражанием славянским изделиям.

Ткачество. При раскопках курганов извлечены остатки шерстяных, льняных и конопляных тканей. Шерстяной текстиль представлен грубыми тканями с нитками неравномерной толщины и тонкими кустарными сукнами со следами начеса. Сырьем служила шерсть от грубошерстной овцы местной породы, большую часть года содержавшейся на подножном корме. Изготовленные на ткацком стане материалы имели полотняное, простое саржевое и саржевое «в елочку» переплетение. Приладожские ткани по одним признакам близки к текстилю финских могильников Волго-Окского междуречья, по другим – к тканям могильников прибалтийских финнов, по третьим – изделиям латгальских могильников и ладожским, но в целом представляют собой своеобразное явление (Давидан О.И., 1989, с. 316–336).

Шелковые ткани поступали в Приладожье из среднеазиатских стран. Сохранился фрагмент ткани «занданачи», получившей название от бухарского селения Зандана, и три образца шелковой ткани золотистого цвета полотняного и саржевого переплетения. Два других фрагмента шелковых тканей, добытых из оятского кургана, — остатки вышитых золотными нитками воротников (Рис. 18). Они сделаны из плотного безузорного шелка фиолетового цвета полотняного переплетения и, видимо, византийского происхождения. Один воротник украшен бисеринками, другой — двумя рядами стеклянных голубых бусинок; он застегивался на бронзовую пуговку. Орнамент состоит из повторяющихся, плотно примыкающих друг к другу полукруглых арочек, в которых помещены крылатые грифоны и изображения «древа жизни». По технике исполнения вышивка не отличается от древнерусских изделий, но изображенные на ней грифоны ранее нигде не встречались. Это дало основание считать, что воротники вышиты местными мастерами (Фехнер М.В., 1985, с. 204–207). В этом же погребении обнаружены византийского происхождения шелковые золотные ленты сложного полотняного переплетения с орнаментом в виде плетенки.

Одежда. Фрагментарность остатков текстиля, к сожалению, не позволяет реконструировать покрой и детали одежды, но определить набор украшений для женского костюма на разных этапах приладожской культуры возможно.

В женский комплект украшений X в. входили: гривна, ожерелья из бус, парные овально-выпуклые фибулы, скреплявшие на предплечьях одежду. В центре на груди располагалась трилистная или щитообразная фибула тоже скандинавского происхождения. К парным фибулам на длинных спиральках или цепочках подвешивались изделия, изображающие уток, животных, а также бубенчики, бусы-«флакончики», ножи в

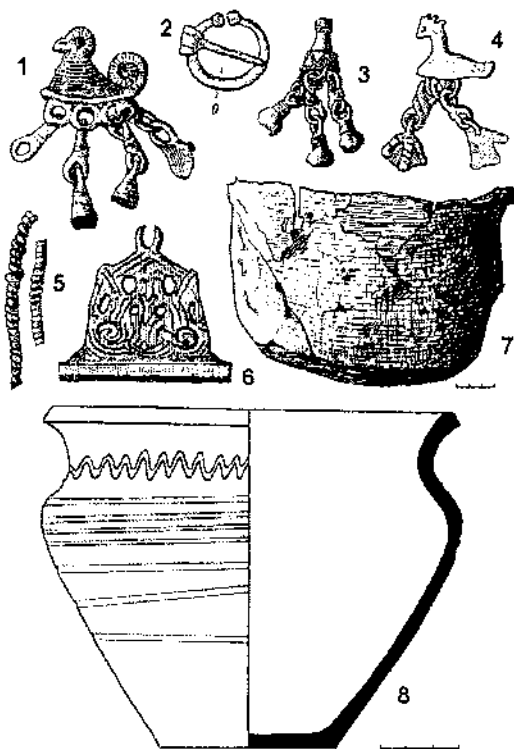

Рис. 17. Инвентарь из кургана Кургино-1
(1, 3, 4 — шумящие подвески; 2 — застёжка;
5 — бронзовые пронизки; 6 — игольник;
7 — кошел; 8 — горшок)

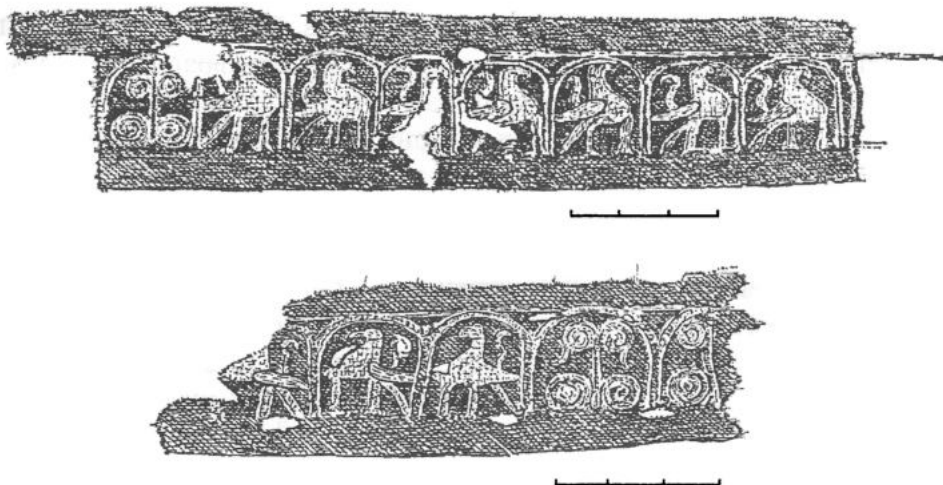

Рис. 18. Фрагменты шелковых воротников

ножках, гребни с костяными орнаментированными накладками. На руках носили литые массивные браслеты. Сочетание западноевропейских и местных украшений – характерная особенность женской одежды X в., особенно для населения р. Ояти (Рис. 15).

В XI в. многие западно- и североевропейские вещи исчезают. Но продолжали употребляться гребни с костяными накладками и западноевропейские монеты. Вместо двускорлупных фибул широко используются кольцевидные застёжки со спирально скрученными концами, которые становятся типичными элементами украшения женской одежды этого времени. Появляются сложные нагрудные украшения с разнообразными подвесками в виде животных и птиц. Например, одна из жительниц р. Ояти носила на каждом виске по два кольца с завитком на одном из концов, на шее – низку из разноцветных стеклянных, золоченых и серебрёных бус и бисера. Чуть ниже ключицы на правой стороне груди располагалось сложное украшение, состоявшее из кольцеобразной застёжки с прикрепленной к ней бронзовой цепочкой из тройных и двойных колечек длиной 24 см, на конце которой висели крестик и коническая подвеска. На левой стороне также имелось сложное украшение из застёжки со спирально свернутыми орнаментированными головками, цепочки из тройных колечек длиной 20 см и подвешенными к ней трубчатым игольником, клыком животного с просверленным отверстием и копоушкой. Еще один гарнитур свисал с правой

стороны пояса: орнаментированное поясное кольцо, семь спиралей (каждая 34–37 см, на одной – двойная бронзовая бусина, на другой – стеклянная серебрёная), каждая из которых заканчивалась конической пронизкой, шумящей подвеской-уточкой (3), ключом-амулетом (2), односторонним гребнем с орнаментированными накладками (Рис. 16).

В XII–XIII вв. набор женских украшений иной. Женщина, погребенная в одном из курганов на р. Ояти, носила семь височных колец, которые скреплялись кожаным ремешком на затылке, в два ряда по три кольца, а под ними – седьмое. На шее – ожерелье из голубых стеклянных бусинок и решетчатой подвески. Набор украшений дополнялся застежкой с завитками, пластинчатой ажурной коньковой подвеской и подвеской «конь на змее», бубенчиком с прорезью, орнаментированным пластинчатым браслетом. Украшения висели на шерстяных шнурах.

В мужских погребениях сопровождающий инвентарь скуден. Оружие (мечи, наконечники копий, боевые топоры) в основном приходится на погребения X в. В мужских захоронениях XI–XII вв. присутствуют обычно топор, который чаще всего использовался в хозяйственных целях, нож, кресало. К мужскому костюму относятся фибулы со спирально скрученными концами, застегивающими ворот рубахи, поясные кольца и пряжки.

Сельское хозяйство и промыслы. Лесные и речные богатства этого края с древнейших времен стимулировали развитие охоты и рыболовства. В погребениях обнаружены кости промысловых животных – кабана, лося, медведя, россомахи, зайца, лисицы и других мелких животных, а также птиц. Встречены кусочки меха медведя, белки и хорька.

Средне- и легкосуглинистые подзолистые почвы не давали хорошего урожая. Значительные площади требовали осушения. Уже давно подмечена взаимосвязь курганов с обрабатываемыми еще в древности полями. Наличие в некоторых из них соломы свидетельствует о занятости населения земледелием. Без сомнения, развивалось скотоводство, что подтверждают найденные кости домашних животных: коров, лошадей, овец, свиней, и предметы хозяйственного назначения (ботало, удила и т.д.). Развивались промыслы, обработка дерева, камня, кости, ткачество, гончарство.

Посуда. В X–начале XI в. население использовало в быту приземистые лепные горшки, широко известные в раннесредневековых памятниках Северной Руси; в небольшом количестве встречались сосуды баночной формы, более характерные для памятников Белозерья, и горшки с ребристым профилем ладожского типа (Рис. 19). Иными словами, ни один из типов лепной керамики нельзя назвать типично приладожским. Среди заимствованных

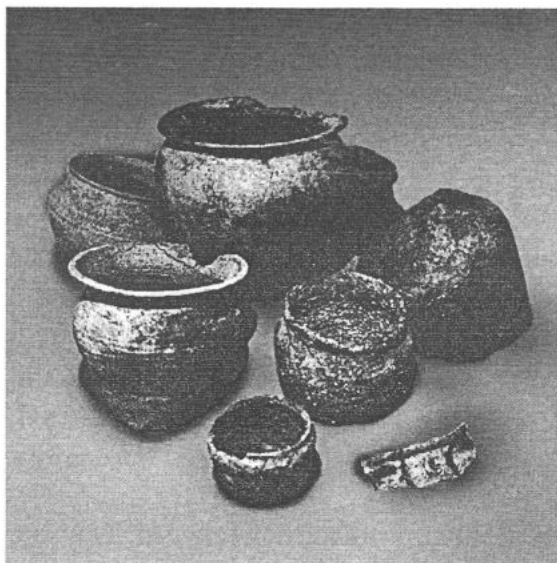

Рис. 19. Горшки из оятских курганов

преобладают прибалтийско-финские типы. Гончарные сосуды этого времени не являются продукцией местных гончаров и, скорее всего, привезены или из древнерусских центров – Ладоги и Новгорода, или с южного побережья Балтийского моря (Спиридонов А.М., 1989, с. 303–315). С юга России, видимо, был доставлен и лощеный кувшин оранжевого цвета, найденный в одном из оятских курганов.

Какое-то время лепные горшки сосуществовали с раннегончарными, но в середине XI в. вышли из употребления, хотя

некоторые экземпляры сохранялись в быту до конца XI в., а может быть, и позднее. Гончарная керамика представлена в основном формами, типичными для памятников Древней Руси.

Пользовались также железными и бронзовыми котлами. При раскопках часто находили в них кости животных – остатки от поминок, которые устраивали родственники умершего. Широко применялись железные сковороды, сковородники и лопатки (Вклейка, 13а). В богатых ранних захоронениях приладожской культуры довольно редкими находками были деревянные сосуды, рога для питья, украшенные железными, бронзовыми или серебряными оковками.

Оружие. Предметы вооружения представлены западноевропейского производства мечами IX и X вв. Лезвия большинства изделий имеют дамаскированные узоры, на некоторых сохранились именные клейма. Мечей с надписью ULFBERHT в Приладожье четыре. На одном из них (Вклейка, 14а) клеймо выложено отрезками железной проволоки в стальной основе клинка. Несмотря на некоторые технические особенности надписи (соединенные первые две буквы, перевернутое T, неказистое R, разная величина букв), – это высококачественное оружие, изготовленное в районе Рейна. По количеству найденных мечей юго-восточное Приладожье занимает первое место среди отечественных синхронных памятников. Полагают, что поставщиком оружия была Ладога, откуда в результате разносторонних торговых связей оно

попало Приладожье (Кирпичников А.Н., Назаренко В.А., 1989, с. 336–338). Кроме того, встречены типичные для североевропейских стран умбоны от щитов¹².

В X – начале XI в. в набор воина входили втульчатые наконечники копий западноевропейского производства. Два железных вертела, найденные в Приладожье, имеют аналогии в норвежских памятниках времен викингов. Боевые топоры представлены древнерусскими и североевропейскими формами. В X в. для украшения пояса и конской сбруи, окантовки кошельков и сумок пользовались бляшками различной формы с растительным орнаментом. Исследователи считают, что центр производства наременных украшений находился где-то на Востоке. Образцами служили поясные и сбруйные наборы кочевников, населявших степи южной Сибири, Монголии и Средней Азии (Мальм В.А., 1963, с. 68). По Волге через Булгар они попадали в Восточную Европу и Скандинавию. Не последнюю роль в этой торговле играло юго-восточное Приладожье.

В захоронениях XI–XII вв. предметов вооружения, в частности наконечников копий, становится меньше, а количество топоров, напротив, увеличивается, поскольку в это время они чаще используются не в качестве оружия, а в хозяйстве.

Итак, отличия в материальной культуре трех групп археологических памятников, расположенных в юго-западном Белозерье, на Белом озере с р. Шексной и юго-восточном Приладожье, свидетельствуют о принадлежности их различным этнографическим группам вепсского народа: судской, белозерской и приладожской. Для населения каждой из них характерны своя историко-культурная база, на основе которой оно формировалось, определенные типы памятников, геополитическое положение, культурные влияния, специфические этнические процессы, придавшее своеобразие материальной культуре.

Историко-культурная и этническая ситуация в Приладожье в X–XIII вв.

Восстановлению конкретных исторических условий, в которых находилось население Приладожья, способствовало археологическое изучение соседних территорий, главным образом Ладоги и ее округи. В IX – начале XI в. Ладога была мощной крепостью, процветающим торговым и ремесленным центром, с которым установились многолетние экономические, политические и культурные контакты населения Приладожья. Некоторые ювелирные изделия, посуда, оружие, передовая технология изготовления кузнечных изделий появились в Приладожье в результате торговых отношений с этим городом. Часть предметов, найденных в приладожских курганах, сделана

¹² Умбон – железная бляха сфероконической или полушаровидной формы – крепился в центре с внешней стороны щита.

в Ладоге. Связи с Ладогой обусловили серьезные внутренние изменения в жизни населения – разрушились родо-племенные устои, объединение отдельных групп населения начало происходить на другой основе.

В XI в. новгородцы активно осваивали Север, в том числе и земли Приладожья. В курганах, особенно вблизи административных и культурных центров, появляются христианские и славянские элементы. Исчезают богатые захоронения, возникают кладбища при церквях. На южной границе приладожской культуры сосредоточено более 250 курганов XII–XIII вв., оставленных в подавляющем большинстве славянским населением. Однако в глубине территории языческие обряды продолжали соблюдаться. К началу XIII в. население отходит от курганной погребальной обрядности. Здесь появляются грунтовые кладбища – «жальники», надгробные каменные кресты и т.д.

Об установлении новгородской налоговой (фискальной) системы в Приладожье свидетельствует Уставная грамота князя Святослава Ольговича 1136/37 г. о церковной десятине с позднейшими приписками об Обонежском и Бежецком рядах (Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв., 1976, с. 147–148). Она предоставила право новгородским епископам получать десятину от княжеских доходов, собираемых в виде податного и судебного налогов, но не в виде фиксированной суммы от поступающих в казну доходов, как это было при прежних князьях, а постоянной, гарантированной князем суммой в 100 гривен новых кун. Возможная недостача при сборах покрывалась из княжеской казны (Янин В.Л., 1991, с. 138–141). В приписке к грамоте, датируемой XIII в., перечислены населенные пункты Приладожья, с которых причиталась дифференцированная сумма. Так, например, Олонец и Юксол платили по три гривны, Тервиничи, Винница, устье Паши и т.д. – одну, некоторые – полгривны.

Ранее считалось, что географические наименования Устава – это названия погостов (Насонов А.Н., 1951, с. 74–75). Заметим, однако, что при перечислении земель в Обонежском ряду нигде не встречено слово «погост». А такие названия, как «у Пахитка», «у Пермина», «у Кокорка», «у Липсуевич», обоснованно связываются с именами крупных землевладельцев, вероятнее всего, с именами местных старейшин. Из 14 пунктов Устава Святослава только девять (один сомнительный на Кожеле) можно увязать с погостами XVI в. Кроме того, территория «погостов» не совпадает с ареалом славянского антропологического типа. Поэтому предположение Л.В. Даниловой (1955, с. 208), по которому погосты с прибалтийско-финским звучанием их наименований, упомянутые в Уставе, сложились на основе каких-то местных образований дославянского периода, на наш взгляд, подтверждается. Новгородцы воспользовались уже сложившимися административными

единицами для взимания дани (Кочкуркина С.И., 1973, с. 72–76). Наличие элементов славянской культуры и влияние славян в юго-восточном Приладожье объясняется постепенным проникновением их на данную территорию. Проникновение, судя по всему, было мирным, иноязычные народы прекрасно уживались друг с другом, обогащая свои культуры. Влияние было разносторонним и охватило социальную, хозяйственную и религиозную области их жизни. Однако славянское освоение края не означало коренного изменения этнического состава населения. Современное русское население северного Приладожья, Свирско-Оятского водораздела – это в массе своей обрусевшие велсы (Муллонен Н.Н., 1985, с. 184–185).

Приладожье, находясь вблизи важнейших раннефеодальных торговых путей между Западом и Востоком, занимало видное положение как во внутренней, так и во внешней торговле, что сыграло важную роль в социально-экономическом развитии региона. Осуществлялись торговые связи со Скандинавией, Прибалтикой, Византией, приволжскими, среднеазиатскими народами и странами арабского Востока. Об этом свидетельствуют найденные в погребениях X в. части весов и гирьки вместе с предметами вооружения скандинавского типа, поскольку торговля в те времена была сопряжена с большими опасностями. Приладожье являлось крупным поставщиком пушнины – самого ходового товара на всех рынках мира. Сохранившиеся в погребальных памятниках ювелирные изделия, бусы, монеты, оружие, шелковые ткани, клады монет (Вклейка, 15а) – яркие доказательства оживленной торговли в период раннего Средневековья. Только в курганах р. Ояти найдено 100: английских – 6; немецких – 51; чешских – 3; византийских – 1; восточных – 21; неопределенных – 18 монет.

О населении, оставившем приладожские курганы, много спорили, но, в конце концов, пришли к заключению, что в основной своей массе оно было прибалтийско-финского происхождения и в меньшей степени скандинавского, к которому позднее добавились славяне. Атрибуция скандинавских погребений спорна, поскольку они соединяют в себе особенности культуры обоих этносов. Однако сомнений в том, что среди прибалтийско-финского населения находилось скандинавское, нет. Косвенно подтверждают это и антропологические материалы.

Относительно этнонима прибалтийско-финского населения, погребенных в приладожских курганах, мнения исследователей разошлись (см. начало раздела). Так, по версии В.А. Назаренко (1979), территория Приладожья в археологическом плане представляла собой два неравномерных по занимаемой площади культурных региона, которым соответствуют две различные прибалтийско-финские группировки: южная – приладожская чудь, восточная – карелы-ливвики.

Нам представляется, что понятие «чудь» имеет собирательный смысл, которое распространялось и на приладожскую весь. До революции официально и в быту вепсов называли чудью. Этноним вепсы утвердился лишь на рубеже 20–30-х гг. XX в., вытеснив существовавшее в прошлом название вепсов «чудь» (Пименов В.В., Строгальщикова З.И., 1989, с. 7).

Среди курганов приладожской культуры памятники р. Ояти отличаются своеобразием погребального обряда и оригинальностью инвентаря, что позволяет говорить об особой этнической группе населения (Кочкуркина С.И., 1973, с. 62). Уже в X в. в погребальной традиции прибалтийско-финского населения р. Ояти проявляются своеобразные черты: заворачивание сожженных (кальцинированных) костей умершего и вещей в бересту, покрытие умершего берестой и посыпание сверху кальцинированными костями, присутствие специфических вещей. Это, прежде всего, бусы-«флакончики», кресала с бронзовыми рукоятями, подвески, изображающие оленя или лося, прорезные и полые подвески-уточки. В ранних оятских курганах в одном и том же комплексе присутствовали как предметы западноевропейского происхождения, так и характерные для местного населения изделия. В погребениях X–XI вв. предметы, свойственные местному населению, становятся разнообразнее. К ним добавляются бронзовые ключи-амулеты, двойные бронзовые пронизки, пластинчатые кресала. Как и в предыдущей группе, на очагах и кострищах встречались слабо обожженные, специально приготовленные для погребений лепные сосуды. Отголосками более древних традиций является наличие в более поздних курганах свертков из бересты с остатками кремации и вещами или отдельного комплекта вещей. Появляются срубы и могильные ямы, захоронение отдельных черепов и более или менее отчетливые следы жертвоприношений и насильственной смерти.

На наш взгляд, бесспорно весскими можно считать курганы р. Ояти, хотя не исключается веская принадлежность других насыпей, приписываемых местному прибалтийско-финскому населению. Этот вывод хорошо согласуется с результатами лингво-топонимических изысканий.

С предками карел-ливвиков мы связываем курганы Олонецкого перешейка и некоторые оятские памятники, отличие которых от других курганов юго-восточного Приладожья стало проявляться несколько позднее, примерно с XI в. Вопрос о происхождении, формировании и развитии карел-ливвиков и карел-людиков еще находится в стадии исследования. Большинство российских и финляндских финно-угроведов полагают, что современный людиковский диалект, встречаемый на узкой полосе в западном Прионежье, имеет вепскую основу: одни считают, что вепские элементы преобладают, другие видят в нем равномерный сплав вепских и карельских черт. Происхождение ливвиковских говоров, употребляемых

на восточном побережье Ладожского озера и на Олонецком перешейке, представляется наиболее спорным. Считают, что ливвиковский диалект сформировался в результате взаимодействия вепсской и карельской речи при наибольшей активности последней (Баранцев А.П., 1976). Вепсский компонент, безусловно, присутствует в южнокарельских диалектах, и это дает основание считать весь одной из первых, заселившей Олонецкий перешеек. Исследования, продолжающиеся до сих пор в области лингвистики и этнографии, в конечном счете подтвердили гипотезу об участии вепсов в этногенезе южных карел. Топонимические исследования показали, что на территории Онежско-Ладожского перешейка произошло наложение карельских и вепсских топонимных моделей. По всей вероятности, в то время, когда карелы активно начали осваивать земли перешейка, на эту территорию по известному водно-волоковому пути (р. Свирь – Онежское озеро – Белое море) продолжало продвигаться вепсское население. Выход вепсов к р. Шуге преградил дорогу карелам, поэтому к востоку от вепсского пути сформировалась людиковская территория с более сильным вепским компонентом, нежели на западе, в ливвиковском ареале (Муллонен И.И., 2010, с. 426–427).

Вепсы в Прионежье. Особо следует сказать о средневековом населении Прионежья: прионежских вепсах. Под Прионежьем понимается узкая полоса западного берега Онежского озера от с. Вознесенья до низовьев р. Шуи. Заселение этой территории происходило несколько позднее, чем остальной части Онежско-Ладожского водораздела. Здесь практически отсутствуют археологические памятники начала II тысячелетия н.э. О поселениях в Оштинском погосте известно из писцовой книги 1496 г., деревни Шуйского и Остречинского погостов стали объектом переписи лишь в книге 1560-х гг. По топонимическим материалам (Муллонен И.И., 1994), заселение Прионежья вепсами шло из Присвирья по Онежскому озеру и р. Ивине. Традиционным объяснением такого невнимания средневекового населения к Прионежью является отсутствие удобных для земледелия участков. Напомним, что в эпоху каменного века западное побережье Онежского озера было плотно заселено. Под давлением новгородского населения, пришедшего на земли юго-восточного Приладожья, вепсы начали осваивать северные территории, но вынуждены были остаться в Прионежье, так как основную часть южной Карелии уже заняли карелы.

Этнографические материалы (Винокурова И.Ю., 2001, с. 319–320) свидетельствуют о влиянии карельской культуры на прионежских вепсов, но подчеркивают более характерное русское воздействие. Правда, еще в XIX в. оно было не столь значительным (напомним, что по антропологическим данным

северный тип вепсов почти не испытал русского влияния), но уже через 2–3 поколения жители деревень по рекам Ивина и Свирь считали себя русскими. Процесс обрусения вепсского населения Прионежья продолжался и в XX в.

Вепсы в Заонежье. Археологические памятники эпохи Средневековья, которые можно было бы считать древнекарельскими и древневепскими, в Заонежье пока неизвестны. Между поселениями каменного века и деревнями, упомянутыми в писцовых книгах, существует археологический пробел.

Заонежье в настоящее время – это территория проживания русскоязычного населения. Исследователи полагают, что славяне в Заонежье переселились из псковско-новгородских земель. Следы проживания дорусского населения прослеживаются по письменным источникам, но устанавливаются, главным образом, по топонимическим данным. Самый ранний пласт топонимов принадлежит древним саамам. Что касается прибалтийско-финского пласта топонимов, оставленного обитавшим здесь населением до прихода славян, то он вепско-карельский (ливвиковский и людиковский), но разграничить карельские и вепские элементы в языке и топонимии Заонежья из-за близости родственных языков затруднительно. И.И. Муллонен удалось определить некоторые надежные критерии разграничения, которые позволили ей сделать следующие выводы. В топонимии Заонежья присутствует мощный карельский элемент, который формировался в ходе неоднократного заселения карелами этого региона. Вепское наследие в языке и топонимии Заонежья носит более ограниченный, чем принято считать, характер. Оно прослеживается в западном людиковском Заонежье. Исследовательницей реконструированы пути, по которым происходило заселение этих территорий. Вепсы и русские шли из Присвирья в Заонежье, а затем в Беломорье. Карельское население, передвигаясь на восток по рекам Шуе и Суне, в Заонежье столкнулось с уже почти обрусевшими вепсами. Поэтому вепская по происхождению топонимия воспринималась карелами через посредство русских. Следы людиков, речь которых является сплавом языка карел и вепсов, на основной части региона отсутствуют. Лишь на западе Заонежья вепсы и карелы взаимодействовали напрямую, без посредничества русских.

По данным переписи 1989 г., вепсов насчитывалось 12 142 человека, по переписи 2002 г. – 8420 человек, в основном проживающих в Карелии, Ленинградской области и Санкт-Петербурге.

КОРЕЛА

В эпоху Средневековья северо-западное Приладожье было заселено древнекарельскими племенами, для которых в русских летописях употреблен этноним «корела». Первое упоминание о ней помещено в Новгородской первой летописи под 1143 г.: «В то же лето ходиша Корела на Емь, и отбежаша 2 лоиву бити». Речь идет о неудачном походе на финское племя емь и о потере двух судов (парусное судно лойва). С этого времени записи о тех или иных карельских делах общерусского масштаба встречаются с различными интервалами на протяжении XII–XV вв. О древних карелах рассказывают берестяные грамоты и «Слово о погибели Русской земли», западноевропейские источники. Такое частое упоминание объясняется тем, что корела, проживавшая на западных рубежах Новгородского государства, оказалась в зоне враждующих государств: Новгорода и немецких орденов, с одной стороны, Новгорода и Швеции, с другой.

Нашло отражение в письменных источниках и активное участие корелы во внутренней жизни Новгорода. Карельская земля при некоторой самостоятельности и свободе в торговых делах находилась в зависимости от Новгородской феодальной республики. Без помощи и поддержки новгородских военных сил древние карелы не в состоянии были обеспечить безопасность своих рубежей и рубежей Новгородского государства.

Происхождение племени корела. Этот вопрос долгое время оставался дискуссионным. Существовало несколько точек зрения на происхождение племен, объединенных этнонимом «корела». Представителями гуманитарных наук проделана обстоятельная и кропотливая работа. Отклонены и представляют лишь библиографический интерес теории лингвистов и историков XIX в., согласно которым карелы первоначально обитали в районе Белого моря, в сказочной Биармии, где якобы составляли большую часть Биармийского государства, которое в X в. пережило кризис, ослабело и распалось. Значительная часть населения Биармии продвинулось к западу от Северной Двины и Белого моря, к Онежскому и Ладожскому озерам, к Финскому заливу (подробнее см.: Кочкуркина С.И., 1982, с. 7).

В начале XX в. в финляндской литературе получают распространение теории западнофинского происхождения карел, согласно которым карелы – прямые потомки западнофинского племени хяме (емь по русским источникам), обитавшего на Карельском перешейке в I тысячелетии н.э. Под сомнение брались этническая самостоятельность, язык народа, карельское происхождение эпоса «Калевала». Формированию таких точек зрения способствовали и объективные обстоятельства, прежде всего отсутствие археологических материалов I тысячелетия н.э. В последующие

десятилетия исследователи, неудовлетворенные такими выводами, главное внимание стали уделять археологическим данным. Некоторые археологи (А.М. Таллыгрэн, А. Европеус, К.А. Нордман) считали мнение о переселении карельских племен с запада на восток необоснованным. Так, К.А. Нордман полагал, что карелы, как и их культура, сформировались в результате смешения восточных и западных элементов. Он считал, что культура населения Карельского перешейка уже в I тысячелетии н.э. отличалась от западнофинской, и не согласился с бытующими среди финляндских исследователей представлениями о том, что походы викингов явились причиной подъема и расцвета карельской культуры, он убедительно показал, что как раз прекращение походов викингов способствовало подъему Карельской земли в XII–XIV вв. И признавал влияние Новгорода на карел прогрессивным (Nordman C. A., 1924, s. 182–196).

Гипотеза о заселении Карельского перешейка с востока сформулирована в 30-е гг. XX в. крупнейшим российским археологом В.И. Равдоникасом под влиянием большого ценного материала, полученного при раскопках курганов Олонекского перешейка. Исследователь придерживался традиционной точки зрения о карелах как довольно поздно сформировавшемся этническом образовании. Поскольку материальная культура Карельского перешейка IX–X вв. близка культуре центральной и западной Финляндии, рассуждал он, то эти территории имели одно и то же население – емь. В.И. Равдоникас полагал, что корела до конца XI в. жила в восточном Приладожье, а затем в конце XI–XII в. заселила северо-западное Приладожье, где ей пришлось столкнуться с емью и какое-то время сосуществовать с нею (Равдоникас В.И., 1930; 1934, с. 6–7, 25; 1940, с. 11).

Однако археологические материалы противоречат предположению В.И. Равдоникаса. Население, оставившее курганы, не могло принимать участие в формировании корелы, хотя наличие контактов корелы и веси отрицать нельзя (Кочкуркина С.И., 1975, с. 303–305).

В предвоенные и послевоенные годы крупнейшим финно-угроведом Д.В. Бубрихом разработана концепция происхождения и этнического развития народа в XII–XVII вв., базирующаяся на огромном лингвистическом материале, собранном на территории расселения карел. По мнению исследователя, до возникновения Древнерусского государства Карельский перешеек был слабо заселен, здесь кочевали редкие саамские родоплеменные группы. Но с образованием Древнерусского государства на этой территории в тесном взаимодействии с Русью начала формироваться корела. Откуда она пришла, Д.В. Бубрих не смог дать убедительного ответа. Он считал, что частично население пришло из земель еми, часть из мест, близких к Чудскому озеру и Новгороду. Допускается участие и древней веси (Бубрих Д.В., 1947, 1971).

Итак, по мнению Д.В. Бубриха, корела сформировалась на Карельском перешейке, но различные, пришедшие извне компоненты изменили ее — в IX в. она называлась «кирьяла» и, видимо, ее первоначальный состав был иным (см.: Кочуркина С.И., 1982, с. 10, сноска 4).

В последние годы в отечественной и зарубежной литературе древних карел рассматривают как качественно новое формирование, возникшее на базе местного, западнофинского и пришедшего из юго-восточного Приладожья населения. Расхождения наблюдаются в том, какая из составляющих преобладала. Одни полагают, что на формирование корелы оказали воздействие в первую очередь западная Финляндия, Готланд и Новгород; другие признают тесную связь населения Карельского перешейка и юго-восточного Приладожья. Так, по мнению финляндского историка Х. Киркинена, археологические, лингвистические и исторические данные, взятые в совокупности, не позволяют считать корелу емского происхождения. Политическая ориентация корелы и еми была настолько различной, что они не могли быть одного происхождения. В письменных источниках корела выступает против еми и шведов на стороне Новгорода. Если бы древние карелы, продолжает Х. Киркинен, появились в результате экспансии еми, то при наличии родственных связей жители Хяме были бы естественными союзниками (этот довод не кажется убедительным: родственные чувства в те времена не были главными), а Новгород — противником. В действительности все происходило иначе. Он считает, что племя корела формировалось одновременно с новгородским государством в результате смешения чудских, западнофинских, вепских, а может быть, и варяжских компонентов (Kirkinen H., 1963, s. 31, 35).

Нетрудно заметить, что все гипотезы едины в том, что корела сформировалась из различных этнических компонентов только в XI–XII вв. Однако это не так.

Серьезные аргументы в пользу более раннего формирования общности корела выявляются при анализе исторических, археологических, фольклорных и лингвистических данных. Формирование общности — сложный процесс. Уже в XII в. корела выступает как самостоятельная этническая общность в истории Древней Руси. У нее оригинальная, ярко выраженная материальная культура, богатейшая фольклорно-эпическая традиция. Значительная часть рун, как это доказано исследователями, создана в период первобытнообщинного строя, поэтому можно предположить, что формирование племенного объединения корела проходило в первой половине I тысячелетия н.э. (Евсеев В.Я., 1957; Жербин А.С., Шаскольский И.П., 1976, с. 37; Шаскольский И.П., 1979, с. 44). Другим доказательством служит тот факт, что на рубеже I–II тысячелетий н.э. племя ижора отделилась от корелы (Laanest A., 1966, с. 8–10; Laanest A., 1986, lk. 158). Это могло произойти

только в том случае, если корела уже была сформировавшимся объединением. Все эти обстоятельства свидетельствуют о большой древности этнической общности корела и позволяют утверждать: племя корела сформировалось на Карельском перешейке в I тысячелетии н.э. и основу его составило прибалтийско-финское население.

К настоящему времени накоплен значительный материал, который дает возможность ответить на вопросы: где и как жила корела, оценить материальный и духовный уровень развития, определить ее роль в общемировой культуре, экономике и политике.

Из гуманитарных наук в первую очередь следует назвать лингвистику, изучающую важнейшие языковые процессы. В прибалтийско-финском языкознании получила распространение гипотеза о членении прибалтийско-финской языковой общности на три праязыковые группы, сформировавшиеся к I тысячелетию н.э. на территории, прилегающей к Финскому заливу. Древнекарельский язык возник в результате контактов носителей северного и восточного прибалтийско-финских прадиалектов в северо-западном Приладожье в конце I тысячелетия н.э. (Itkonen T., 1983). Установлено, что карелы, как и другие прибалтийские финны (эстонцы, ливы, водь, ижора, финны и вепсы), составляют западную ветвь финно-угорских народов. Лингвисты считают, что некогда существовал общий язык-основа, так называемый древнекарельский язык, от него произошли и ижорский язык, и восточнофинские диалекты финского языка. По их мнению, карельские наречия – собственно карельское, ливвиковское, людиковское – возникли в результате сложных этнических процессов у населения Карельского и Олонецкого перешейков в течение II тысячелетия н.э. Происхождение, формирование и развитие собственно карельского наречия тесно связано с летописным племенем корела, проживавшим в I–II тысячелетиях н.э. на северо-западных берегах Ладожского озера.

Топонимика. Важная роль в изучении истории карел принадлежит топонимике – науке о географических названиях. Географические названия помогают выяснить территорию расселения народа, пути его передвижения, важные вехи этнической истории и особенности хозяйственной деятельности в течение нескольких тысячелетий. Карельская топонимия давно стала объектом исследования финляндских специалистов. Плодотворную работу по сбору названий в северо-западном Приладожье осуществил В. Ниссиля. На основе коллекции карельских топонимов (325 000 единиц), хранящихся в Топонимическом архиве Финляндии, им создан обобщающий труд (Nissilä V., 1975). В свою очередь, материалы топонимической картотеки Карелии и сопредельных областей (хранятся в ИЯЛИ КарНЦ РАН) дали возможность отразить некоторые процессы освоения карельским населением территории

современной Карелии, выявить пути его продвижения на эту территорию, формирование сети поселений и т.д. (Мамонтова Н.Н., 1982; Кузьмин Д.В., 2007).

Названия рек, озер, возвышенностей, урочищ, болот и т.д. в северо-западном Приладожье – финско-карельские. Они составляют фундамент, главный топонимический пласт. Наиболее древними являются саамские топонимы. Именно саамы дали названия многим важным природным объектам. По отношению к ним топонимы славянского происхождения более поздние, но довольно часты в ландшафте Карельского перешейка, поскольку славянское влияние проникло во все сферы хозяйственной и культурной деятельности древних карел, особенно тех, которые жили в центральной части Карельского перешейка, т.е. в местах, близких к культурным центрам того времени. К древнейшим славянским заимствованиям (Kalima J., 1952) относятся *lotja* (лодья), *majakka* (маяк), *raja* (край), *risti* (крест), *sirppi* (серп), *veräjä* (дверь). Встречаются названия, отражающие природные особенности местности, растительный и животный мир: *korkka* (горка); *lompa* (ломка, каменная ломка); *luosa, luoso, lyösa, lyösö* (лужа); *pukro, pukru* (бугор, бугра); *polentka* (поле); *poljana* (поляна); *pesku, peska* (песок); *guba* (губа, залив); *rosliva, rosleva* (разлив) и т.д. (Nissilä V., 1975). В топонимии представлены названия, обозначающие места поселений: *pogosta* (погост), *lopotti* (слобода), *korotiisa* (городище), *possada* (посад), *rintka* (рынок).

Встречаются немногочисленные римско-католические, нижненемецкие и скандинавские наименования природных объектов, говорящие о сложных и разнообразных взаимоотношениях народов.

В. Ниссиля полагает, что шведскими мореходами и рыбаками даны названия островкам, скальным выступам, отмелям, мысам, заливам в акватории Финского залива от Сяккиярви (район Выборга) до Терийоки. Позднее они вошли в обиход финского населения и получили финскую фонетику (например *helli*, швед. *häll* ‘плита’; *holma, holmi*, швед. *holme* ‘островок’ – 6 пунктов). Такие названия, как *Tamma-Karjala*, Кобылицкая корела русских летописей (1338 г.), по мнению исследователя, происходят от шведского аппелятива *tam* ‘прирученный’ (готланд. *tamhäst, tamruss*). На Карельском перешейке в погосте Рауту зафиксированы три деревни с таким наименованием. Древнескандинавскими названиями являются *Viipuri*, швед. *Viborg* (древнешвед. *Vi* ‘святой’, *borg* ‘древняя крепость’, *Björkö* (березняк, березовая роща), имеющее фризские корни, *Vatnuori, Vatikivi* (сканд. *vat-tu* ‘вода’, *nor* ‘узкий залив’, финское *kivi* ‘камень’), *Kivennapa* (сканд. *kivo nääb* ‘бревенчатое укрепление’) и т.д. В. Ниссиля предполагает, что от скандинавского имени *Dir* (*Dyri, Diuri, Tiuri, Turi*) происходят довольно часто встречающиеся на Карельском перешейке названия деревень, островов, порогов, мысов: *Tiuri, Tiurinniemi, Tiurinsaari, Tiurula, Tiurinkoski, Tiurinlin-*

на и другие. В том же ареале встречены *Torisar*, *Torisari*, *Terinsari*, в основе которых – искаженное переписчиком скандинавское *Thore*.

После сооружения Выборга шведское влияние отразилось во многих направлениях. Собственные шведские имена дали основу фамилиям: *Torkel-Torkkeli*, *Sune-Suni*, *Hakon-Haakana*, *Halvard-Halvarinen*, *Ivar-Iivari*, которые распространились на широком пространстве северо-западного Приладожья, как и фамилия *Ränti* (швед. *Frände*). В топонимической номенклатуре окрестностей Выборга отмечено шведское *svenske*, финское подражание *vänskä*. В городах Карельского перешейка со второй половины XVI в. часты названия профессий и сословий шведского происхождения, которым писцы придали финское звучание (напр. *kiiveri* < *gestgivare* ‘хозяин постоялого двора’; *leikari* < *lekare* ‘музыкант’). Выявлены слова, отражающие физические особенности человека, не имеющие соответствия в финском: *Döffue* (глухой), *Lille* (маленький), *Liitti* (небольшой).

В целом же скандинавские наименования, за редким исключением, представлены в названиях отдельных домов, поселений, небольших объектов, а также фамилий и поэтому не могут считаться первичными. Скандинавы появились в северо-западном Приладожье тогда, когда оно уже было заселено прибалтийско-финским населением. Увеличение шведских наименований и их территориальное расширение связано с известными историческими событиями XIII–XVII вв.

В результате ономастических (собственные имена) исследований удалось выявить на территории Финляндии устойчивый пласт карельских топонимов, свидетельствующих о пребывании здесь древних карел. Названия мест, образованных от этнонимов, чаще всего возникают в пограничной полосе, где проживают совместно представители различных племен и народностей. Так, в северо-западном Приладожье выделяются топонимы, в основе которых лежат этнические названия: *vepsä* (вепсы); *karjala* (корела) (кстати, наличие этнонима *karjala* на древнекарельской этнической территории – явление удивительное. Он мог возникнуть в том случае, если карелы проживали среди иноэтничного окружения, которое и назвало их соответствующим именем. Так, например, в районе Куолемаярви карелы оказались в соседстве с лаппи и виру, в Вуоксенранта – с лаппи, вепся, хяме и т.д.). Помимо *vepsä* и *karjala*, встречаются этнонимы *lappi* (лопь, саамы); *tsuud*, *tsuhna* (чудь, чухна); *häme* (емь, хяме); *savo* (саво); *inkeri* (ижора); *viro*, *eesti* (эстонцы). Наиболее древние из них возникли в те далекие времена, когда добыча пушнины влекла людей различной этнической принадлежности в отдаленные лесные районы. Топонимы с *суомен* и *ви́ро* встречаются в основном в южной части северо-западного Приладожья, а топонимы с *ла́тин* редки на Карельском перешейке, но севернее они попадаются часто (Мамонтова Н.Н., Кочкуркина С.И., 1982). Концентрация топонимов с

основой *венс*- обнаружена в северной части Карельского перешейка в приграничье с Финляндией (Муллонен И.И., 1994, с. 134).

О пестроте этнического состава населения на Карельском перешейке (этот факт в свое время способствовал формированию различных точек зрения на этническую принадлежность археологических памятников Карельского перешейка и на происхождение древнекарельской общности) можно судить по сведениям из земельной книги Яаски (1543 г.), в которой упоминаются фамилии, связанные с именем племени, народа и местности: *Яаскеляйнен, Хямеляйнен, Карьялайнен, Кюмяляйнен, Лапветеляйнен, Лаппалайнен, Саволайнен, Суомалайнен, Венсяляйнен, Виронен, Виротайнен* (Мамонтова Н.Н., Кочкуркина С.И., 1982).

Новое исследование И.И. Муллонен и Д.В. Кузьмина «Топонимический атлас Карелии» значительно расширило и уточнило наши представления о топонимической карте северо-западного Приладожья, на что будет обращено внимание в соответствующих разделах.

Этнография и антропология. Этнографами осуществлены успешные реконструкции традиционной материальной культуры карел: одежды, утвари, домостроительства, декоративного искусства. О духовной культуре свидетельствуют сказки, предания, причитания, богатейшая фольклорно-эпическая традиция. Это неисчерпаемый источник не только для характеристики духовного богатства, но и различных аспектов материальной культуры и социально-экономического развития (Тароева Р.Ф., 1965; Карелы, 1983).

По антропологической характеристике карелы относятся к европеоидным народам с незначительной примесью монголоидности. Антропологи высказали предположение, что восточная Финляндия – Саво и Карьяла – заселена пришедшим с юго-востока через Карельский перешеек населением, а затем уже население из восточного Саво освоило северное побережье Ботнического залива (Кайянойя П., 1974). Одонтологическое исследование погребенных из нескольких десятков кладбищ XVIII–XIX вв. на территории Республики Карелия выявило, что по особенностям зубов карелы близки многим народам, населявшим Север европейской части России (Гравере Р.У., 1982). Исследование же черепов из этих кладбищ показало, что карельские занимают особое место в восточноевропейском ареале и отличаются от эстонских, финских, саамских, русских. Прямые аналогии имеются в могильнике каменного века Звейниёки (Латвия). Видимо, протокарелы, оттесненные на территорию Карелии и находясь в изоляции, сохранили в своем антропологическом типе наиболее древние черты (Хартанович В.И., 2001, с. 133). Краниологическая серия из пос. Куркиёки, представляющая население северо-западного Приладожья конца XVIII – начала XIX в.,

продемонстрировала антропологическую однородность и промежуточное положение по многим признакам между финскими и карельскими черепами, но ближе к последним. Такая однородность, считает В.И. Хартанович, говорит о законченности процессов метисации финского и карельского населения и о большей доли карельского субстрата в антропологическом типе населения (Хартанович В.И., 1986, с. 117–118; 1990, с. 224; 2005, с. 19).

Территория расселения. В «Слове о погибели Русской земли» – это произведение создавалось в период между 1238 и 1246 гг. – после описания красот земли Русской указываются ее границы: «Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга...». Из этой фразы можно сделать вывод, что территория карел в это время не входила в границы Русской земли (Памятники литературы, 1981, с. 130–131; Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н., 1990).

У исследователей нет принципиальных разногласий относительно территории, на которой проживала корела. Историки, археологи, лингвисты и фольклористы считают, что в XII–XIV вв. Карельский перешеек с северо-западными берегами Ладожского озера до северо-восточных берегов Финского залива с городом Корела являлся племенным центром. Этот вывод хорошо согласуется с топонимическими данными. Древнерусские летописи, берестяные грамоты довольно четко определяют территориальные границы корелы. Спорным остается вопрос о включении Миккельских озер (территория восточной Финляндии) в древнекарельский ареал. Взгляды исследователей колеблются от признания культуры Миккельских озер карельской до полного отрицания этого мнения. Остановились на взвешенной, по моему мнению, компромиссной точке зрения, признающей не только древнекарельское влияние на культуру Саво, но и присутствие на этой территории самих древних карел (Nordman C.A., 1924; Tallgren A.M., 1931; Äyräpää A., 1939; Kivikoski E., 1961, s. 270–271; Lehtosalo–Hilander P.-L., 1966, 1988, s. 215–223; 1994, s. 26–34; Taavitsainen J.-P., 1990, s. 105–107; Lehtinen L., 1994, s. 62–64; Uino P., 1997, s. 172–174; Saksa A.I., 1998, s. 167–172).

Исторические, лингвистические, антропологические и археологические материалы, без сомнения, свидетельствуют не только о схожести культур Саво и Приладожской Карелии, объясняемой культурными заимствованиями, но и о едином этническом регионе. Однако территориальная удаленность, другое окружение, политические акции (Ореховецкий договор) привели к изоляции населения Саво, попавшего под власть Швеции. Населению Саво и Приладожской Карелии свойственны общие черты материальной культуры. Занимая промежуточное положение между землями корелы с востока и

землями хяме с запада и испытывая влияние с двух сторон, население оказалось перед выбором – какие элементы культуры предпочесть. Древние хямеские элементы сохранились, видимо, в охотничьей терминологии (*per-mi*), в технике плетения лаптей и в наречии. Рабочие сани и новые элементы в обработке пожоги, а также способ завязывания веника при заготовке их на зиму заимствованы с востока. Появлялась своя терминология – *nyljin* (инструмент для сдиранья бересты) и культурная лексика (употребляли *aamiainen* вместо карельского *murkina* или хямеского *suurus* – завтрак) (Valonen N., 1974, s. 458–459).

Культура Саво тем не менее была самобытной, о чем свидетельствуют и археологические материалы. Длительное время она сохраняла первоначальные черты и традиции, но постепенно начала отличаться от культуры Карельского перешейка, а впоследствии и культуры русской Карелии. Усиление потока переселенцев из западной Финляндии в южную часть Карельского перешейка в конце XIII в. способствовало распространению западных традиций, восточная граница которых большей частью соответствовала государственной границе по Ореховецкому договору.

Сказанное вовсе не означает, что район Миккельских озер был заселен только карелами. Безусловно, здесь проживали и хяме и в результате этнических взаимовлияний выработалась своя оригинальная и самобытная культура (Кочкуркина С.И., 1982, с. 57–75; 1986, с. 44–49; Kotškurkina S.I., 1992, s. 207–214).

Новые топонимические исследования ареалов топонимов *Karjala*-, *Häme*- привели к следующим выводам. Распространение названий с основой *Karjala*- охватывает большую территорию, включая Финляндию (за исключением южной части), а также северо-западное Приладожье от Сортавала до Хийтолы и в меньшей степени Карельский перешеек.

Финляндский исследователь Ё. Вахтола полагает, что большинство названий этого типа возникли в емской среде, которое освоило эти территории до прихода карел (Vahtola J., 1980, s. 318). Встречаемость топонимов *Karjala* на родовой территории свидетельствует, по его мнению, об освоении восточных территорий емью после того, как на этих территориях сформировался карельский этнос. Указанные топонимы могли появиться и в результате промысловой деятельности еми (Муллонен И.И., Кузьмин Д.В. Топонимический атлас...). О приходе в Карелию населения с территории Финляндии, возможно, свидетельствуют географические объекты с основой *Häme*(en)-, т.е. 'емь, емский'. В топонимии Карелии зафиксировано несколько десятков названий этого типа, что свидетельствует об активных контактах корелы и еми в ходе освоения территорий. С другой стороны, возникновение модели *Törisevä-/ Törisijä*-, по мнению Э. Кивиниemi (Kiviniemi E., 1971, s. 79), связано с карельской экспансией периода расцвета древнекарельской

культуры, распространившейся на обширные северные и северо-западные относительно Приладожья территории, а также до Онежского озера на востоке (Муллонен И.И., Кузьмин Д.В. Топонимический атлас...). «Саволакские» гидронимные типы свидетельствуют о переселении древних карел на будущие южносаволакские территории, богатые промысловыми животными. Полагают, что с этого времени можно говорить о формировании племени саволаков (Pirinen K., 1988, s. 356).

Кроме саво-карельской группы, известны и другие. О «пяти родах карельских детей» — это рокульцы, вальдолыцы, каргольцы, тиврульцы, вымольцы — упоминают письменные источники. По мнению Д.В. Бубриха (1947), к XII в. сформировались следующие группы корелы: привыборгская, присайменская, приботнийская, корела в центральной части Карельского перешейка и ижора. Все они испытывали этнические влияния, одни в большей мере, другие — в меньшей, у одних преобладали западные элементы, у других — восточные. Именно эти обстоятельства привели к различию в материальной культуре. О «немецкой» городецкой (т.е. привыборгской), семидесятской и кобылицкой кореле сообщают летописи.

Определенные затруднения вызывала локализация семидесятской корелы. Одни исследователи считали, что речь идет о саволакской кореле и городе Нишлоте (Гиппинг А.И., 1909, с. 148, прим.107), другие — о приботнийской кореле и городе Оулу (Егоров В., 1930; Julku K., 1968). В Новгородской четвертой летописи (1925, с. 205) под 1375/76 г. записано: «Того же лета постави Корела Семидесятская Новыи городоку», а через два года, в 1377/78 г., в Новгородской первой летописи младшего извода (с. 374) сообщается, что ходили из Новгорода люди молодые на Окиан море на Тивролу военным отрядом... Стояли на реке Овле под Новым городком...». Стало быть, летописные сообщения говорят в пользу второго предположения, согласно которому семидесятская корела это приботнийская корела с городским центром Оулу.

Что касается места проживания кобылицкой корелы, упомянутой в летописи под 1338 г., то, скорее всего, оно находилось на территории нынешнего Токсовского района Ленинградской области. Именно в границах этого района переписная книга Водской пятины довольно часто упоминает деревни «на Кобылицах». Не исключено, однако, что кобылицкая корела обитала на территории Саво (см.: Кочкуркина С.И., 1982, с. 74–75).

Таким образом, в эпоху Средневековья летописная корела проживала в северо-западном Приладожье с центром в Корельском городке, в юго-восточной Финляндии и северной Приботнии, отдельные древнекарельские семьи — видимо, и в Хяме, и на Ижорском плато. Северо-западное Приладожье, будучи подвластным Новгороду, в значительной мере отличалось от локальных, заселенных корелой районов, разделенных

большими пространствами, связи между которыми постепенно ослабевали. Решительная ломка этнических отношений произошла после заключения новгородско-шведского договора в 1323 г., насильно разделившему единое до того времени этническое образование – корелу.

Письменные источники о кореле. Западноевропейские источники.

Деятельность древних карел широко освещена как западноевропейскими, так и русскими письменными источниками, при этом оценка их деятельности находилась в прямой зависимости от государственной принадлежности документа. В западноевропейских отразился взгляд на древних карел как на конкурентов в освоении приграничных с Норвегией северных районов. Примечательно, что скандинавские источники освещают более ранние периоды истории карел, чем русские, а иногда сообщают такие сведения, каковых в древнерусских источниках нет. Западноевропейские материалы, касающиеся истории Карелии, представлены древнескандинавскими источниками разных жанров: древнеисландскими географическими сочинениями, исландскими анналами и сагами (королевские, родовые и саги о древних временах, по современной классификации); латиноязычной хроникой «История Норвегии». База источников дополняется фрагментом договора XIII в. между Норвегией и Новгородом, буллами папы римского и шведскими рифмованными хрониками: древнейшей Хроникой Эрика XIII–XIV вв. и Хроникой XV в.

Необходимо обратить внимание на то, что даты событий, описанных в сагах, и время написания их не совпадают, они имеют большой хронологический разрыв до двух-трех веков. Сведения географического характера, относящиеся к эпохе викингов, зачастую основаны на устной традиции, поэтому могут датироваться очень условно. Абсолютные даты событий, упоминаемых в сагах, устанавливаются путем сопоставления с точно датированными фактами, известными по другим скандинавским источникам, т. е. по годам правления конунгов. Датировка некоторых событий вообще невозможна.

Древние карелы выступают в сагах под их древним названием «кирьялы». Наиболее раннее упоминание о киярялах и Киярялаланде (земле киярялов) содержится в двух древнеисландских географических сочинениях и в «Саге об Одде-Стреле». Они могут приблизительно датироваться X–XI вв. Составители использовали западноевропейские географические сочинения о Прибалтике и Восточной Европе, а также собственные знания об этих странах, которые они получили в результате многих путешествий и сказания о которых сохранились в устном народном творчестве. В списке соседствующих с Русью народов и земель сразу же за ней названы киярялы, за ними – ревалы, жители северной Эстонии, и таким образом территориальные границы киярялов определены довольно точно.

Периодом до XII в. датируется латиноязычная хроника «История Норвегии». В географическом введении к ней среди других северных соседей Норвегии названы кырьялы.

«Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» относится к числу приключенческих и рассказывает о далеких от Исландии и Норвегии странах. Наряду с мифическими деталями она излагает вполне достоверные исторические события и некоторые историко-географические сведения, не встречающиеся в других памятниках древнескандинавской письменности: о водных путях между Ладогой и Беломорьем, о городе Алаборге (точно не установлено, о каком городе идет речь, некоторые полагают, что об Олонце) и о его связях с Кырьялаботнаром — «заливы кырьялов».

Ценна информация о существовании административно-политических связей между Ладогой и Кырьялаботнаром, поскольку в русских летописях до XII в. известий о нахождении древнекарельской территории в сфере влияния Ладоги нет, хотя наличие экономических и культурных контактов с Ладогой несомненно. Об этом свидетельствуют и археологические материалы.

В «Легендарной саге об Олаве Святом», норвежском конунге, рассказывается о грабительском походе ярла Свейна в 1015 г. в Кырьялаланд. Дословно изложены эти сведения и в своде саг «Красивая кожа».

В исландскую королевскую сагу Снорри Стурлусона «Круг земной» входит «Сага об Олаве Святом», которая описывает, как конунг Упсалы Эрик в IX в. покорял восточные земли, в том числе и Кырьялаланд. В конце X — начале XI в. конунг «...теряет земли, обязанные данью, из-за отсутствия энергии и мужества» (Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н., 1990, с. 105).

Археологические материалы и русские источники подтверждают справедливость сообщений о походах норманнов в Прибалтику и в северо-западное Приладожье. Прослеживается не только влияние североевропейской культуры в материальной культуре местного населения, существуют погребения скандинавов в этих местах.

Сведения о походах Торольва Квельдильвссона в Финнмарк, Квенланд и Кырьялаланд и о столкновении его с кырьями есть в «Саге об Эгиле Скаллагримссоне». Согласно хронологии саги, походы происходили в 880-е гг. Однако по археологическим материалам излагаемые события могли происходить в X–XI вв.

Древнескандинавские источники XIII в. рассказывают о военных столкновениях норвежцев с корелой и о договорах с ними.

В исландских анналах, которые стали записываться в Исландии с конца XIII в. и основным источником для которых послужили сообщения королевских саг и саг об исландцах, имеются четыре сообщения:

1271 г. — карелы и квены нападают на северную Норвегию.

1279 г. — конфликт между карелами и норвежцами на севере Фенноскандии.

1296 г. — захват двух западнокарельских погостов и крещение населения.

1302 г. — нападение карелов на Норвегию.

Эти столкновения привели к новгородско-шведским переговорам, что отразилось в «Саге о Хаконе, сыне Хакона». К конунгу Хакону, находившемуся в Тронхейме, прибыли послы Александра Ярославича. Позднее норвежские представители вместе с новгородскими послами отправились в Новгород, где заключили в 1251/52 г. договор о ненападении, но, как говорит сага, продержался он недолго. Частью этого договора является так называемая «Разграничительная грамота». Новгород и Норвегия определили условия сбора дани в оговоренном размере со всей территории саамов. Конечно, отсутствие четко установленных границ не способствовало мирным отношениям, поэтому соглашение не продержалось долго. В 1326 г. был заключен русско-норвежский договор между двумя государствами. Договор разделил новгородские и норвежские земли, но обе стороны сохранили за собой право сбора дани с саамов (Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н., 1990).

В ряде западноевропейских документов отразились территориальные претензии Ливонского ордена и Швеции на северо-западные земли Руси, как важные в стратегическом и экономическом отношениях, под видом крещения язычников с благословения папы римского. Так, в договоре 1241 г. между эзельским епископом и рыцарями Ливонского ордена говорится о том, что есть надежда на обращение в католичество населения Вотландии, Ингрии и Карелии, будто бы завоеванных немецкими рыцарями. В булле от 19 марта 1255 г. папа Александр IV рекомендовал рижскому архиепископу принять меры для обращения этих язычников в христианство, т.е. в католичество. В ответном письме архиепископ просил разрешения назначить епископа для жителей Вотландии, Ингрии и Карелии. «Епископом Карельским» был назначен гамбургский каноник, который несмотря на то, что так и не увидел своей епархии, до 1269 г. пользовался этим титулом. В папской булле от 11 марта 1256 г. содержался призыв к большому крестовому походу против язычников Восточной Европы. На призыв откликнулась только Швеция, но после неудач в 1240 и 1242 гг. (битва на Неве, Ледовое побоище) не рискнула на прямые удары. Как известно из сообщения летописи под 1256 г., шведы поначалу закрепились на р. Нарове, но эта затея кончилась провалом. Пришлось уйти, уклонившись от встречи с неприятелем. Александр принял решение собранное войско не отпускать и отправился с ним в землю еми, захваченную шведами семь лет назад. После похода Александра Невского появилась булла 1257 г., которая сообщает о нападениях карел и «язычников» и призывает к «крестовому походу» против нечестивцев (Шаскольский И.П., 1978, с. 219–220).

Ряд событий, связанных с Новгородом, Карелией, освещается в Хронике Эрика (1229–1319 гг.). О походе короля Магнуса в 1348 г. на новгородскую землю рассказывается в рифмованной хронике XV в., которая является продолжением Хроники Эрика. В них отражена точка зрения Швеции на происходящие события и, конечно, даны далеко не лестные оценки противной стороне. Так, сооружение Выборга в 1293 г. было, естественно, воспринято по-разному. Лаконичное сообщение русской летописи очень непохоже на сообщение шведской хроники, которая безмерно восторгается этим событием. Наконец-то шведы пришли в языческую землю и положили конец злу. Теперь, уверяет хроника, наступит мир, тишина и покой, а у русских будет меньше земли (Рыдзевская Е.А., 1978, с. 105–127).

Упомянуты «карилы», проживающие по соседству «с королевством нортманнов», и в средневековом латинском анонимном географическом трактате второй половины XIII в., введенном в научный оборот под названием «Описание земель». Он был открыт и опубликован в 1979 г. американским исследователем Марвином Л. Колкером. В России переведен на русский язык и опубликован в 1993 г. (Чекин Л.С., 1993, с. 206–225). Произведение, видимо, ирландского происхождения. Помимо сведений об островах на северо-западе и севере Норвегии, которые собственно и вызвали интерес Марвина Колкера, увидевшего в одном из них побережье Северной Америки, оригинальными являются сведения о Прибалтике, занимающие значительную часть трактата. Что же касается карел, то представления о них у анонимного автора весьма своеобразны: «Упомянутые карилы – лесные люди, очень грубые. Завидя приближающихся гостей-чужеземцев – например, купцов – тотчас же уходят со всей семьей в лес. Гости же могут свободно пользоваться всем, что найдут в домах, ничего, однако, с собой не унося. А вот если унесут с собой разные шкуры, которых там изобилие, а те, вернувшись домой, это приметят – тогда сразу же созывают толпу и нападают на тех гостей, как на врагов» (с. 220).

Берестяные грамоты. Новгородские грамоты на бересте существенно дополнили фонд письменных источников по средневековой истории Карелии. Из всего количества найденных грамот (в 2010 г. обнаружены грамоты, получившие номера 1000–1015) более десятка касается «карельских дел». Они датируются концом XI – началом XV в. Большая часть карельских грамот найдена на Софийской (левобережной) стороне Новгорода (лишь одна обнаружена на Торговой, правобережной стороне), в границах одной усадьбы, располагавшейся на углу древних улиц Великой и Козмодемьянской, где проживала новгородская боярская семья Мишиничей-Онцифоровичей, занимавшаяся сбором государственных доходов в Корельской земле на протяжении примерно 50 лет. В Новгородской республике существовала

практика поручения знатной боярской фамилии подобных дел со всеми полагающимися льготами. Непосредственный сбор дани осуществлялся боярскими тиунами (Янин В.Л., 1975, с. 125–142). С этой усадьбой связаны археологические находки финно-угорского и балтского происхождения, причем количество их резко возрастает в период непосредственных контактов владельцев усадьбы с Корельской землей. Но поскольку четкого комплекса карельских украшений не выявлено, можно предполагать, что собственных земель в Карелии у боярской семьи не было (Покровская Л.В., 1998, с. 17). Подтверждением этому является проведенный А.А. Зализняком (1988, с. 73) анализ берестяной грамоты № 248/249 (о ней чуть ниже), который позволил установить, что она была написана в Водской пятине русским писцом.

Большинство грамот являются записями о сборе даней, недоимок, хозяйственных распоряжений, различных повинностей. На одну из них стоит обратить внимание. Грамота № 403 датируется XIV в. Основной текст представляет собой запись повинностей или долгов и по смыслу близок к другим письмам (№ 278 и 130). Упомянутые топонимы разысканы среди деревень Кирьяжского погоста в переписной книге Водской пятины 1500 г. Текст в нижней части бересты определен специалистами как русско-прибалтийско-финский глоссарий: русскому *соромо* (срам) соответствует *гулкя* (приб.-фин. *hulkia, hulkie* – брезговать, гнушаться); рус. *вели* – *кяски* (приб.-фин. *käske* или *käski* – вели, прикажи), рус. *кисело* (кислый, прогнивший) – *хапала* (приб.-фин. *happala* в том же значении); рус. *социле* (взыскал, требовал, например, по суду) – *кюзу* (приб.-фин. *kusy* – спроси, потребуй), *велека* (фин. *velka*, диал. *veleka* – долг); рус. *черево* (чрево) – *кохти* (приб.-фин. *kohtu* – живот). Видимо, составитель записи долгов или повинностей был русским новгородцем, которому предстояло вступать в контакты с названными в грамоте кирьяжцами на их родном языке (Хелимский Е.А., 1986, с. 254–255).

Грамоты № 275 и № 266 датируются XIV в. и написаны одинаковым почерком. Это, видимо, обрывки одного и того же письма владельца усадьбы к своему приказчику. Григорию не разрешается пользоваться для поездки чалым конем, для этой надобности он должен брать корельских коней. Действительно, у корелы было развито коневодство. Она их экспортировала за границу, прежде всего в Любек и Данциг. О постоянном вывозе лошадей свидетельствует указ 1347 г. шведского короля Магнуса, по которому жителям Выборга разрешалось вывозить лошадей (жеребцов) не моложе 8 лет. Финляндский этнограф К. Вилкуна полагает, что кобылицкая корела оттого и называется в летописи кобылицкой, что разводила и продавала коней. В доисторическое время и в раннем Средневековье на Карельском перешейке в бассейне р. Вуоксы бродили стада полудиких лошадей финско-восточнокарельской маленькой местной породы, которая происходила от дикой лошади – тарпана. Древние карелы при необходимости приручали

дикой лошади — тарпана. Древние карелы при необходимости приручали лошадей. Когда героям «Калевалы» Вяйнямёйнену и Илмаринену пришла пора ехать в Похьёлу за Сампо, то они, прихватив сбрую, отправились искать лошадей в лесную чащу. Прирученные лошади пользовались спросом у тех, кто не имел таких естественных стад, т.е. у жителей Финляндии (кроме Саво). Для них-то северо-западное Приладожье и было районом проживания кобылицкой корелы.

Значение новгородской Карелии в экспорте лошадей особенно возросло после 1229 г., когда папа Григорий IX, стремясь оказать нажим на язычников-финнов, запретил западным странам поставлять им оружие и породистых коней (Кочкуркина С.И., 1982, с. 154).

Грамота № 130 датируется рубежом XIV–XV вв. И тоже относится к «письмам Григория»: «У Вигаря 20 локтей сери без локтя; у Валита в Кюлолакше 14 локтей сери; у Вайваса Ваякшина 12 локтей водмола и 12 ½ локтей сери; у Мелита в Куроле 4 локтя сери». Кюлолакша и Курола известные населенные пункты северо-западного Приладожья как и имена Вайвас, Валит, Вигарь и Мелит. В этой грамоте тоже записаны поборы, но уже в виде домотканых шерстяных тканей (водмол) и серого, некрашеного сукна (сери) (Зализняк А.А., 1986, с. 112).

О сборе недоимок в Корельской земле свидетельствует грамота № 278 (после публикации в 1963 г. В.Л. Яниным (1986, с. 200) внесены два уточнения по ее содержанию, но суть грамоты в целом не изменилась).

Политическая история нашла отражение в грамоте № 590 (Рис. 20). Она была найдена в 1981 г. и датирована последней четвертью XII в., по этой причине ее короткий и выразительный текст («Литва встала на Корелу») исследователи связали с событиями 1191 г., когда корела вместе с новгородцами ходила на емь. Однако тщательная проверка стратиграфических обстоятельств находки позволила датировать грамоту второй половиной XI в. Таким образом, на сегодняшний день она является древнейшим упоминанием корелы в письменных источниках (Янин В.Л., 1998, с. 386–388).

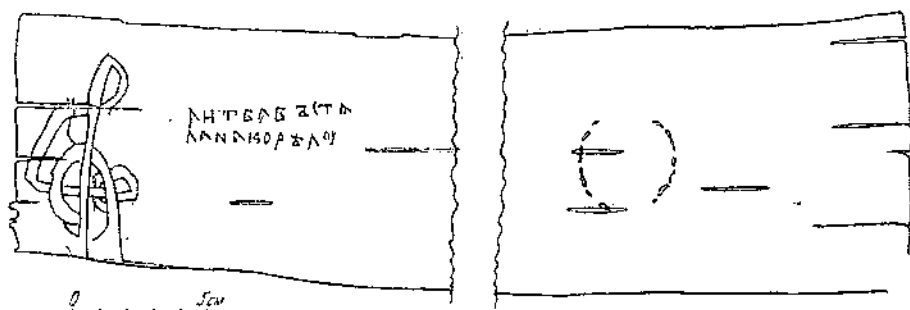

Рис. 20. Берестяная грамота № 590

Поначалу новая датировка казалась необоснованной, поскольку Литва еще не достигла той степени политического развития, которое позволило бы ей столкнуться с отдаленной от нее корелой. Активность Литвы у южных границ Новгородского государства проявляется лишь с конца XII в. Казалось, что первое столкновение Литвы с корелой могло произойти только в 1240 г. Летопись сообщает, что немцы с чудью и Литвой завоевали водь и дань на нее возложили, построили крепость в погосте Копорье и т.д.

Однако В.Л. Янин считает, что конфликту Литвы с корелой во второй половине XI в. может быть дано убедительное объяснение. Полоцкий князь Всеслав, когда его изгнали из Полоцка, дважды ходил походом на Новгород: в 1066 и 1069 гг. Второй поход он предпринял будучи в изгнании, и отправным пунктом его похода, как показывают некоторые обстоятельства, была Водская земля. Столкновение литовцев с пограничными вожанам карелами могло произойти на пути от Водской земли к Новгороду. Не исключается также возможность того, что конфликт произошел внутри войска Всеслава, в котором были карелы. Наличие литовцев в войске полоцкого князя более чем естественно, потому что до возникновения Литвы как самостоятельного государства, она входила в орбиту полоцкого влияния. Таким образом, полученное в Новгороде донесение на бересте информирует новгородцев о конфликте между литовцами и карелами. Любопытна и сама грамота. На целом листе бересты (длина 41 см, ширина 10,4 см) запись занимает небольшое пространство в левой части, а еще левее помещен тамгообразный знак в виде плетенки, несколько напоминающий скрипичный ключ. В.Л. Янин предполагает, «что грамота № 590 является донесением новгородского лазутчика о начатых Литвой действиях. Текст донесения как бы спрятан внутри берестяного свитка; разворачивая, его можно было принять за чистый, не использованный лист. Не исключено, что орнаментальный мотив грамоты действительно является тамгой автора, заменой его имени, отсутствующего в документе» (Янин В.Л., Зализняк А.А., 1986, с. 50–51).

В грамоте № 286 (1313–1369 гг.) (Рис. 21) звучат отголоски важных политических событий. В.Л. Яниным (1975, с. 57–68) предложено чтение грамоты со всеми пропусками, за исключением одного дефектного места. Это письмо от Григория к Дмитру о сборе дани на территории корелы вблизи шведско-новгородской границы: «Мы здоровы. А ты совершай свои обходы и не бойся, потому что заключили мир по старой границе Юрия князя. А меня послали к карелам на Каяно море. Смотри не помешай, не напакости каянцам и себе не заполучи худой славы. А если ты уже собрал прошлогоднюю дань, собери за меня. А узнаешь, что я не пойду к НО..., тогда ты иди. А дома все в порядке. А ко мне вести переправляй. Если сможешь, помогай мне чем-нибудь». Между Новгородом и Швецией в 1323 г. был заключен мир, определивший границу, однако спокойствия не

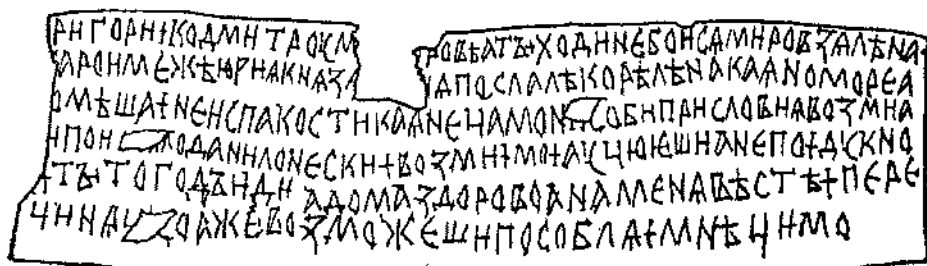

Рис. 21. Берестяная грамота № 286

наступило: по-прежнему происходили стычки, нападения друг на друга и т.д. Это привело к новым переговорам. Новгородскую сторону представляли послы Александр Борисович и Кузьма Твердиславич. Последнего, кстати, можно считать крупнейшим новгородским дипломатом XIV в., он выполнил ряд важнейших поручений. Итак, зимой в 1338/39 г. посланцы ездили за море к свейскому князю и заключили мир по старым грамотам. Обе стороны должны были блюсти все пункты договора и взяли на себя обязательства наказывать и даже вешать убегающих за рубеж карел. Григорий, поскольку был в курсе переговоров, написал эту тревожную грамоту Дмитру и рекомендовал тому вести себя осмотрительно. Бежавшие карелы с согласия короля Магнуса должны были вернуться на новгородские земли. Поэтому Дмитру следовало проявить все свое дипломатическое искусство во время его поездки к карелам-каяничам, чтобы те, напуганные расправой, не побоялись вернуться.

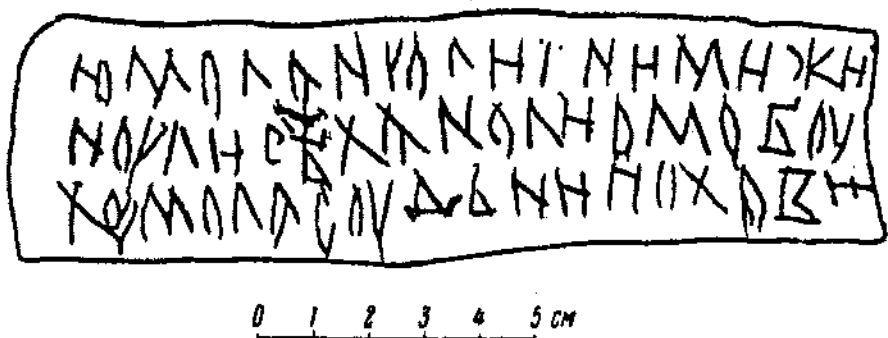

Рис. 22. Берестяная грамота № 292

Знаменитая и самая древняя (1238–1268 гг.) грамота № 292 (Рис. 22) написана на карельском языке русскими буквами:

«Юмолануоли • I • нимижи
ноулсеханолиомобоу
юмоласоудьнииохови»

Прибалтийско-финская, точнее, карельская принадлежность языка грамоты не вызывала сомнений. Но смысл ее был разгадан не сразу. Ю.С. Елисеев и М. Хавио предложили два варианта перевода. Е.А. Хелимский (1986, с. 255–256), оговариваясь, что не претендует на окончательное решение, предложил следующую разбивку текста грамоты и ее интерпретацию:

«Божья стрела, 10 имен твоих
Стрела свергни, стрела выстрели.
Бог суд так производит (правит)»

Грамота № 248 (рубеж XIV–XV вв., точнее 1396 г.) (Рис. 23) найдена вместе с грамотой № 249 (Рис. 24), и, как показал их анализ, написаны они одним лицом. Уточненный перевод первой грамоты звучит так: «Бьют челом карелы Кюлолакшского и Кирьяжского погостов господину Новгороду. Нам нанесен ущерб [людьми] из немецкой (т.е. шведской) половины [Карелии]. Отчина наша и дедина... (опустошена?) у вымолецких землевладельцев. А брали кречетов..., а лопари и верши ограбили...». Вторая грамота продолжает перечисление убытков: «... у Питина сына, у Игалы и у Микиты в позапрошлом году [взяли товара] на 14 рублей. Микулин человек Стень... на Коневых Водах у Жабьего Носа убил (или убили) у нас [такого-то], -виева сына, и Кавкагалу, а товара взяли на 10 рублей, Киреев сын и Новзе-лопарь, севилакшане, в прошлом году, приехавши ввосмером, у того же Жабьего Носа у Гювиева сына взяли товара на 5 рублей и лодку; на тех же Коневых Водах у Мундуя, Вармина сына, (они же) взяли 10 лендом рыбы...» (Янин В.Л., 1986, с. 197–198).

Грамота № 248 адресована господину Новгороду, что придает посланию характер важного государственного документа. Речь идет о населении двух карельских погостов – Кюлолакшского и Кирьяжского. Последний погост располагался на территории современного Лахденпохского района Карелии,

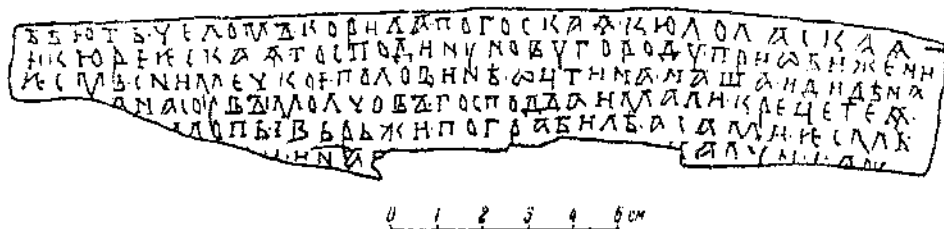

Рис. 23. Берестяная грамота № 248

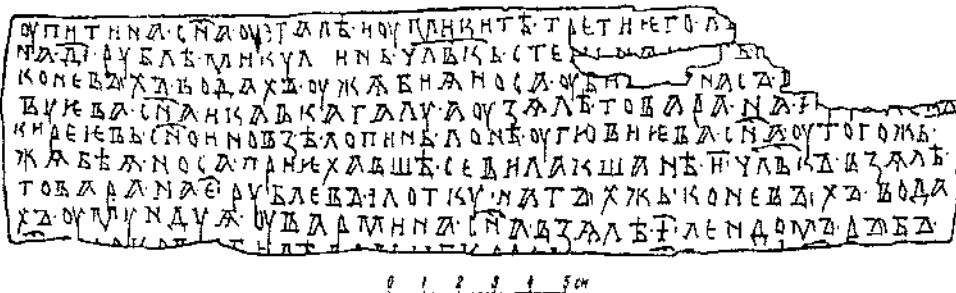

Рис. 24. Берестяная грамота № 249

Кюлолакса — примерно в 25 км к северо-западу от совр. Приозерска. Под немецкой половиной в грамоте подразумевается территория трех погостов Яскис, Эйряпя и Саволакс, которые отошли к Швеции. Упомянутые в документе «Вымолчи» соотносятся с одним из «пяти родов карельских детей». Итак, грамота написана от лица «Вымолцев господ» — родовых представителей корелы о приграничном конфликте. В грамоте № 249 рассказывается о нападении на карел у пункта Коневы Воды. Коневы Воды — это перевод с прибалтийско-финского Оливеси — название водоема, входящего в систему Сайменских озер и находившегося в то время в приграничной зоне. Именно жители пограничного Саволакского погоста, «севилакшане», и причиняли убытки кореле. Жабий Нос, видимо, какой-то мыс на оз. Оливеси. Слово лендом(а) обозначает меру веса и этимологизируется из вепс. *lendam* со значением «поднимаемый (лодкой) груз» (Хелимский Е.А., 1986, с. 252–253). Интересно упоминание среди нападавших лопаря по имени Новзе. Это доказывает, что некоторые представители саамского населения в это время проживали в районе Сайменских озер.

Об ответных мерах Новгорода мы узнаем уже из Новгородской первой летописи. Новгородцы защитили корелу. Под предводительством князя Константина Белозерского отряд выступил в поход в 1396 г. «Пришедше немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста — Кюрьскый и Кюлоласкый — и церковь сожгоша; князь Костянтин с корелою гнася по них, и язык изима и присла в Новгород» (Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н., 1990, с. 84–86).

Древнерусские летописи и документы. Богатейшую информацию по истории Новгородской земли и ее соседей, в том числе и карел, содержит, в первую очередь, Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (1950). С 1143 г., года первого упоминания о древних карелах в русской летописи (напомним, речь шла о неудачном походе корелы на финское племя емь, в результате которого потеряны два парусных судна),

корела не сходит со страниц русских летописей, в которых рассказывается о внешнеполитических акциях, в той или иной степени связанных с корелой, о столкновениях с постоянными врагами корелы, а также о внутренних событиях. Земли корелы с начала XIV в. отдавались в кормление приглашенным русским и литовским князьям, обязанным за это заботиться об обороне и охране северо-западных границ Новгородского государства. Другие летописные известия информируют об участии корелы в княжеских междоусобицах на стороне Новгорода, о крещении их, о карательном походе князя Дмитрия, о мятеже в 1314 г., о сооружении боевой башни в городе Кореле, голоде и т.д. Взаимоотношения Новгорода и корелы были сложными, в целом дружественными, но далеко не идеальными, меняющимися от внешнеполитической и внутренней ситуации. Формирование и развитие древнекарельского народа проходило под непосредственным влиянием Новгорода в сложной общеполитической обстановке, которая в какой-то степени ускорила процесс сближения и объединения древнекарельских групп (об этом подробнее в разделе «Историко-культурная и этническая ситуация в XII–XV вв.»).

Археологические памятники. Источниковая база создавалась зарубежными и отечественными исследователями в течение ста лет. Погребальные памятники стали известны благодаря раскопкам Т. Швиндта в 80-х гг. XIX в. (Schwindt T., 1893), объекты под названием *linnavuori, linnamäki* – крепость на горе, на возвышенности – исследовал Я. Аппельгрэн (Appelgren Hj., 1891). Небольшие раскопки производили А.М. Талльгрэн, Н. Клеве, Ё. Войонмаа, Т.У. Сирелиус. Существенный вклад в изучение древностей северо-западного Приладожья в 1930–1940-е гг. внесла Э. Кивикоски – известный специалист по археологии Фенноскандии (Kivikoski E., 1942, 1944, 1973). С 70–80-х гг. прошлого столетия археологические раскопки в Приладожье осуществлены А.Н. Кирпичниковым, С.И. Кочкуркиной, А.И. Сакса, А.В. Тюленевым.

Природная среда. По своим природно-климатическим условиям северо-западное Приладожье представляет собой своеобразное и неповторимое явление, что предопределило пути заселения края, формы адаптации человека к естественно-географическим условиям, оптимальные способы природопользования, виды хозяйствования и т.д.

Основой ландшафта северо-западного Приладожья является кристаллический фундамент, образовавшийся много миллионов лет назад и относящийся к первичному фундаменту всей Фенноскандии. До сих пор сохранились его участки на некоторых самых высоких с плоской вершиной местах, с которых открывается широкая панорама местности. Материковый лед местами выровнял основные формы кристаллического

фундамента, местами обогатил рельеф новыми образованиями. После ледникового периода большая часть Приладожья находилась под водой и только некоторые районы, расположенные к северу и к северо-востоку от Сортавалы, не были размывы. Поэтому в ландшафте «подводных» областей встречаются голые скалы, с которых смыты осадочные породы. Почвы на низменных участках являются отложениями плодородных рыхлых осадочных пород. На неразмывтых территориях земля может быть плодородна, так как кристаллический фундамент покрыт слоем несортированной морены. Для ландшафта характерны обширные леса, болота, небольшие озера. Голые скалы сравнительно редки.

Примерно 9500 лет назад вследствие поднятия земной коры водоемы Карелии отделились от Балтийского моря и стали локальными. Спустя 2000 лет Ладожское озеро еще соединялось с Выборгским заливом проливом (он проходил по нынешней долине р. Вуоксы). Когда эта связь прервалась, Ладога стала огромным озером. Через 1000 лет вследствие поднятия земной коры вода из Ладожского озера устремилась к Балтийскому морю, образовав р. Неву. После окончания ледникового периода воздействие природных условий на ландшафт ослабло.

Важный элемент ландшафта – водоемы. Главный из них – Ладожское озеро характеризуется изрезанной береговой линией. Реки в основном маловодные. Они протекают в направлении с северо-запада на юго-восток или с севера на юг. Из-за смягчающего влияния Ладожского озера климат умеренно континентальный, влажный и напоминает морской климат юго-западных районов Финляндии. По сравнению с внутренними территориями зима в Приладожье мягче, а лето прохладнее. Осадков на Ладожском озере и его побережье летом выпадает меньше, за исключением зимнего времени, когда их как раз больше всего на побережье.

Своеобразна растительность. Около северного побережья Ладоги располагаются почти лишенные деревьев скалистые островки, но на приближенных к берегу и на больших островах растительность не отличается от материковой. Прибрежная открытая полоса с пахотными землями граничит с поясом смешанных и глухих лесов шириной примерно 10 км. Горные породы кристаллического фундамента способствуют хорошему росту растений.

В Приладожье много покрытых мелкозернистыми породами территорий, пригодных для земледелия, и в первую очередь на берегах Ладожского озера, в долинах рек. Суглинистые почвы характерны для районов Хийтола и Куркиёки, северной части волости Сортавала и вокруг Янисйоки. Доминантой ландшафта, особенно на фоне озерных шхер, являются горы, к примеру, Лопотти в Куркиёки, Мякисало, Паасонвуори, на которых в начале II тысячелетия н.э. размещались древнекарельские городища. У подножия гор

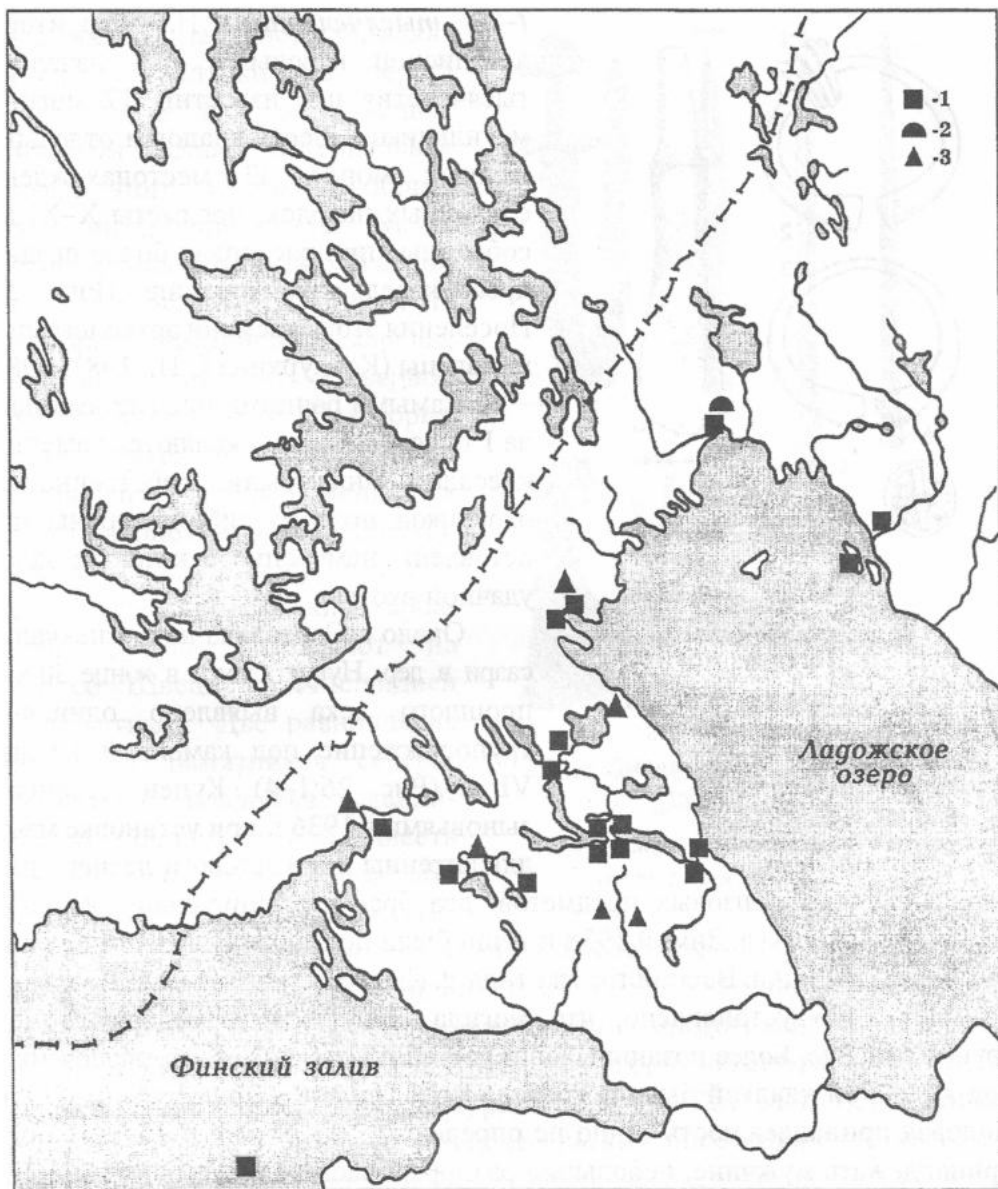

Рис. 25. Древнекарельские памятники V–XI вв.
(1 – могилы и могильники; 2 – каменные курганы; 3 – клады)

располагаются удобные для земледелия участки. Благоприятные природно-климатические условия способствовали тому, что во все времена развитая поселенческая структура и активная хозяйственная деятельность населения сосредоточивались в прибрежной полосе Ладожского озера (Культурное окружение северного побережья Ладожского озера, 1998, с. 26–48).

I–II тысячелетий. На территории летописной корелы в I – начале II тысячелетия н.э. известны 17 могил и могильников, шесть кладов и отдельных находок монет, 43 местонахождения случайных находок, предметы X–XI вв., собранные при раскопках более поздних древнекарельских городищ (Рис. 25). Поселения этого времени археологами не выявлены (Кочкуркина С.И., 1981, 1982).

Самыми ранними предметами начала I тысячелетия н.э. являются каменные кресала. Они были собственностью охотников, поэтому либо потеряны либо оставлены намеренно в качестве залога удачной охоты.

Около г. Сортавала на о. Риеккалаансаари в дер. Нукутталахти в конце 30-х гг. прошлого века выявлено одиночное трупосожжение под каменной кладкой VI в. (Рис. 26:1–4). Купец Невонен с сыновьями в 1936 г. при установке мачты для антенны для гостевого летнего дома

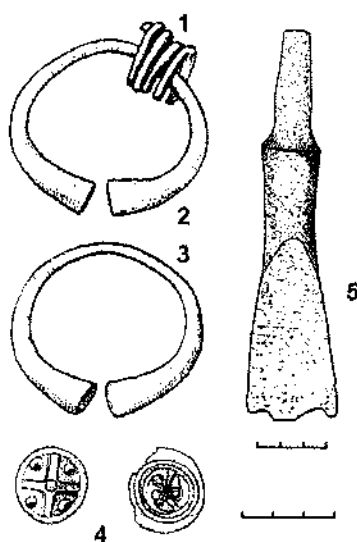

Рис. 26. Вещи из могилы Нукутталахти и Раясьяля
(1 – спиральный перстень;
2, 3 – браслеты; 4 – пуговицы;
5 – железный топор)

нашли группу бронзовых предметов: два браслета, спиральное кольцо и две пуговицы-аграф. Зимой 1938 г. вещи были доставлены в Национальный музей г. Хельсинки. Весной того же года Э. Кивикоски провела исследования на месте. Ею установлено, что могила Нукутталахти содержала одно трупосожжение. Более поздний анализ костей подтверждает это заключение – под каменной кладкой была погребена молодая особа примерно 15–20 лет. Половая принадлежность точно не определена, поскольку пуговицы могли принадлежать мужчине, небольшие размеры браслетов (6 см в диаметре) – женщине (Karjalan synty, 2003, s. 288–299, 302). Этническая принадлежность по-прежнему спорна. Кстати, как установлено, топоним, восходящая к саамскому *nixt`š`* 'лебедь', была адаптирована носителями древнекарельского языка и превратилась в Нукутталахти 'спящий залив' (Муллонен И.И., Кузьмин Д.В. Топонимический атлас...).

Некоторые погребения и отдельные предметы этого времени зафиксированы на Карельском перешейке (Рис. 26:5). По погребальным обрядам и сопровождающим вещам памятники близки синхронным древностям из Финляндии и Эстонии, что может свидетельствовать о частичном

передвижении населения из Скандинавии, западной Финляндии и Прибалтики на берега Ладоги и о его разнородном этническом составе. Материальная культура этого периода в общих чертах интернациональна. Мечи, некоторые типы наконечников копий и топоров (Рис. 27), найденные на территории летописной корелы, аналогичны оружию Северной Европы того времени. Некоторые предметы украшения и бытовые изделия из трупосожжения в Куркиёки-Лопотти (Рис. 28–31): овально-выпуклые фибулы, ажурные круглые застёжки, арбалетная фибула указывают на связи со Швецией, Финляндией и Прибалтикой. Две равноплечие фибулы из памятников северо-западного Приладожья скандинавского происхождения, шесть изготовлены по таким же образцам.

Крученым и железным проволочным гривнам прибалтийско-финского типа есть соответствия в древнерусских землях, Прибалтике и Финляндии (Рис. 31:5). Сходство с западными древностями имеют подковообразные фибулы с многогранными головками и шипами на них (Вклейка, 21а:12). Массивные бронзовые браслеты с полой средней частью, закрывающейся ажурной вставкой (Рис. 31:1, 3), найденные как в могильниках, так и на древнекарельских поселениях, известны в Фенноскандии (кроме западной Финляндии), древнерусских землях, в том числе и в юго-восточном Приладожье. К западным древностям близки поясные бляшки, железные бритвы, поясные крючки-скрепы.

Три каменных кургана в районе Хелюля (напротив Паасонвуори) X в. по конструктивным особенностям отличаются от курганов юго-восточного Приладожья и Олонецкого перешейка, в то время как предметы погребального инвентаря, напротив, роднят их. Видимо, в районе Сортавала – Салми проходила граница между территориями корелы, с одной стороны, землями веси и карел-ливвиков, с другой, поэтому в археологических древностях контактных зон отчетливо прослеживается взаимовлияние.

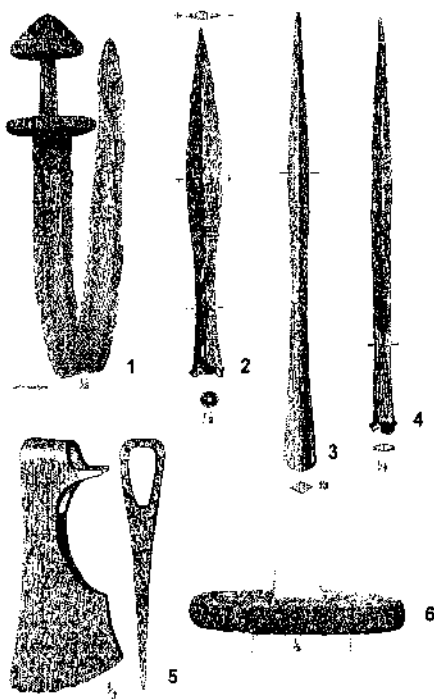

Рис. 27. Лопотти-Линнавуори
(1, 6 – меч и перекрестие меча;
2–4 – наконечники копий; 5 – топор
(из кн.: Appelgren Hj., 1891)

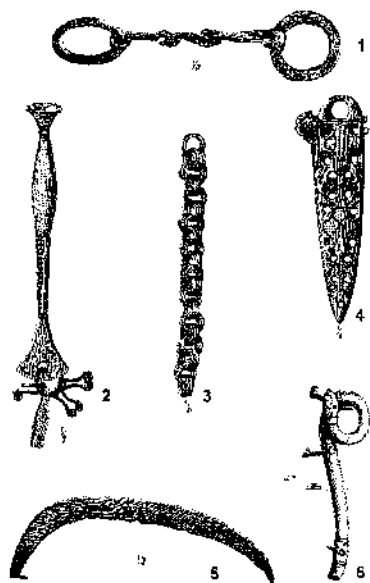

Рис. 28. Лопотти-Линнавуори
(1 – удила; 2 – кнутовище;
3 – фрагмент цепочки; 4 – рукоять
кресала; 5 – коса; 6 – змеевидная
накладка. Из кн.: Appelgren Hf., 1891)

О связях с древнерусскими территориями свидетельствуют калачевидная серьга, ромбоштитковое височное кольцо, орнаментированные пластинчатые подвески, сердоликовые бусы и некоторые типы стеклянных, шумящие подвески, бронзовые игольники в виде ножен (Вклейка, 22а:5; 31а:18) и трубчатый игольник с ажурным овалом.

В памятниках этого периода есть группа предметов XI–XII вв., которая, на мой взгляд, представляет собой связующее звено с памятниками летописной корелы XII–XV вв.: двускатно-пластинчатые подковообразные фибулы с плоскими четырехугольными головками, спиральные перстни, фибулы с косо-рифленой средней частью и фибулы с утолщением на дуге, разделители ремней, медные спиральки, мотыги, косы, серпы и некоторые другие предметы быта. Однако у древних карел в начале II тысячелетия появляются новые типы украшений, не известные в

предшествующий период. Скудость археологического материала I тысячелетия, почти не увеличившегося за последние два десятилетия, является серьезным препятствием для решения такого основополагающего вопроса, как происхождение племени корела.

Археологические памятники XII–XV вв. представлены укрепленными поселениями, городищами (9), так называемыми хозяйственными сооружениями (7), могильниками (7) с 66 могилами, погребениями с городища Тиверск (28), кладами с серебряными вещами (4) (Рис. 32; Вклейка, 20а). Кроме того, зафиксированы селища (8), значительная часть которых распахана, остатки разрушенных погребений в 31 пункте, случайные находки – в 53, около двух десятков жертвенных камней, две группы каменных куч.

Городища находятся на берегу Ладожского озера вблизи пос. Куркиёки – Хямеенлахти, Ранталиннамьяки; на островах р. Вуоксы и Ладожского озера – Тиверск, Корела, Терву-Линнасаари; городища Соскуа, Паасо и Лопотти – на берегах рек, в 1–2 км от их устья. Непосредственно на побережье Ладожского озера поселений не найдено. На некоторых памятниках обнаружены остатки более древних поселений и погребений.

Напряженная внешнеполитическая обстановка отразилась на топографии поселений, на конструктивных особенностях застройки с использованием защитных свойств микрорельефа (недаром в северо-западном Приладожье распространены топонимы *linnavuori*, *linnamäki*, однако не все они тождественны археологическим памятникам). При угрозе нападения население использовало для временной защиты труднодоступные возвышенности с обрывистыми склонами, так называемые городища-убежища, заблаговременно укрепленные некоторыми дополнительными каменными сооружениями. На постоянных поселениях, помимо внешних оборонительных сооружений в виде каменных стен, валов, применялись внутренние – из домов и построек, создававших еще одну дополнительную защитную линию.

Форпостом и торгово-культурно-экономическим центром Приладожской Карелии в XIV – начале XVII в. была **Корела** – «Корельский город» – Кякисалми – Кексгольм (ныне г. Приозерск Ленинградской области) (Рис. 33). Оборонительные сооружения расположены на двух островах р. Вуокса в 2–4 км от ее впадения в Ладожское озеро: небольшом, площадью около 6000 м², называемом по литературной традиции «Старой крепостью» (детинец) (высота 8–10 м), и на соседнем Спасском острове (посад), заселенном в конце XV в.

Древняя крепость Корела – административный центр древнекарельской территории, упомянутой в русских летописях под 1278 и 1293 гг. как «Корельская земля». Из летописей известно, что шведы основали город в 1294/95 г., по шведским же источникам, они лишь обновили построенные новгородцами укрепления. Анализ разноречивых письменных материалов привел к предположению, что, возможно, в устье реки находился предшествующий городу острожек, но по разным причинам он до сих пор не найден¹³. Перенос поселения на остров, как выяснилось в процессе археологических раскопок

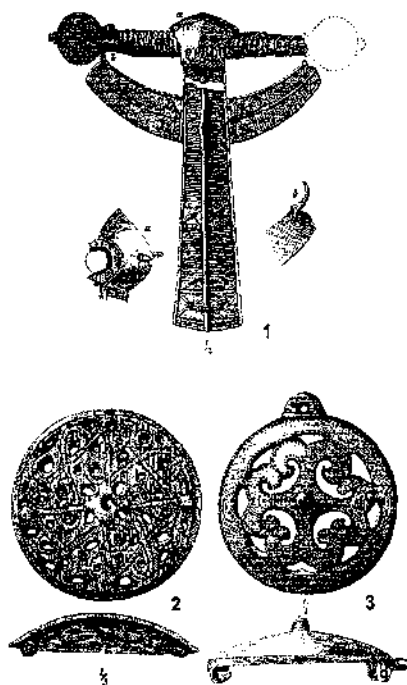

Рис. 29. Лопотти-Линनावуори.
Фибулы (из кн.: Appelgren Hj., 1891)

¹³ Э. Кууйо (Kuujō, 1958, s. 14) ссылается на документ 1570 г., согласно которому в устье р. Вуоксы находилась монастырская мельница «у городища», переведенное проф. Тойкка как «старое место крепости».

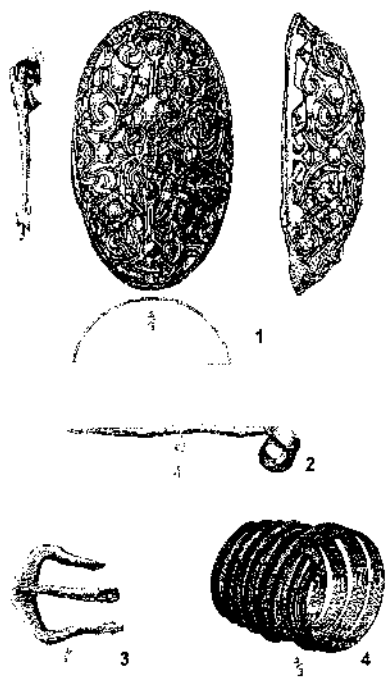

Рис. 30. Лопотти-Линнауори
(1 — фибула; 2 — игла от застёжки;
3 — пряжка; спиральный браслет
(из кн.: Appelgren Hj., 1891)

70-х гг. XX в. в детинце крепости (раскопки А.Н. Кирпичникова), состоялся либо в 1300 г., либо в 1310 г. Выявлены два строительных горизонта: верхний содержал остатки сгоревших деревянных домов, датирующихся по данным дендрохронологии 1360–1380 гг.; нижний, отнесенный к 1310–1360 гг., — следы основанного новгородцами военного городка. Предполагается, что строители увеличили высоту острова за счет возведения по его краю своеобразной платформы, на которой построили дома и, вероятно, деревянные защитные укрепления. По теоретическим расчетам на острове в крепости размещалось 100–110 однокамерных домов, в которых проживало 300–330 русских и карельских поселенцев, из которых треть несла сторожевую службу. О доминирующей роли русского населения свидетельствуют

планировка, жилые постройки срубного типа, обилие вещей русского городского ремесла. Следы корелы выявлены по типичным для их культуры археологическим предметам и упоминаниям в переписной книге 1500 г. (с. 5–6). При археологических исследованиях на рубеже 80–90-х гг. XX в. (раскопки А.И. Саксы и П. Уйно) на территории древней крепости обнаружены строительные остатки, существовавшие на острове до возведения крепостных сооружений и, предположительно, следы разрушенных погребений VIII–XIII вв., которые позднее были уничтожены при строительных работах.

Во второй половине XIV в. после пожара посадник Яков укрепил остров новгородским костром — каменной боевой башней, входившей в кольцо деревянных укреплений. В плане башня представляла трапецию со скругленной фронтальной стороной. Площадь нижнего яруса 28 м². Фундамент сложен из валунов без связующего раствора, стены — из тесаных гранитных камней, скрепленных известковым раствором, с валунной забутовкой. Полагают, что к башне с северной и южной стороны примыкали деревянные укрепления, создавшие вместе с ней сплошное оборонительное кольцо. Примерно через 100 лет увеличили толщину ее стен, в XVI в. за

ненадобностью эту башню снесли.

Начиная с XVI в. на обоих островах, в связи с усовершенствованием артиллерии, были выстроены крепости бастионного типа, использовавшиеся до начала XIX в. (Кирпичников А.Н., 1984, с. 119–144; Uino, 1997, р. 261–268; Saksa, 1998, s. 107–125).

В конце XIII – начале XIV в. в Корельской земле при непосредственном участии новгородских властей начато строительство крепостей для защиты пограничных рубежей от шведских посягательств. Для этих целей в период между 1293 и 1323 гг. возводится **Тиверский городок** – военно-оборонительный и ремесленный центр на Карельском перешейке в 14 км от пос. Мельниково (Ряйсяля) и в 3,5 км от дер. Васильево Приозерского района Ленинградской области.

Окруженное валом и каменными стенами поселение располагалось у порогов Тиури на острове, омываемом двумя рукавами р. Вуоксы (15 м над уровнем моря). 17 сентября 1857 г. в результате целенаправленных взрывных работ образовавшаяся протока Лосевская соединила р. Вуоксу и оз. Суванто. Следствием явилось, в частности, понижение уровня воды в реке в районе Приозерска на 1,5 м (Исаченко Г.А., 2001, с. 7–22), поэтому русло протоки с восточной стороны Тиверска стало сухим.

Городище площадью около 1 га (археологической экспедицией ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством С.И. Кочуркиной раскопано 1620 м²) окружено каменными стенами и валом (Рис. 34, 35). Первое сообщение о Тиверском городке содержится в Никоновской летописи под 1404 г., второе – под 1411 г., когда шведы неожиданно напали на него. Однако эти даты не означают, что городок существовал только в указанный короткий промежуток времени. Археологические раскопки выявили жилые и хозяйственные комплексы, крепкие оборонительные сооружения и захоронения погибших защитников крепости (28). Вскрыто 14 фундаментов жилищ, сложенных из мелких, плотно уложенных камней, обмазанных глиной. Дома строились из дерева. Отопительные сооружения из камней и глины чаще всего располагались в северо-западном углу дома, ближе к выходу. Площадь

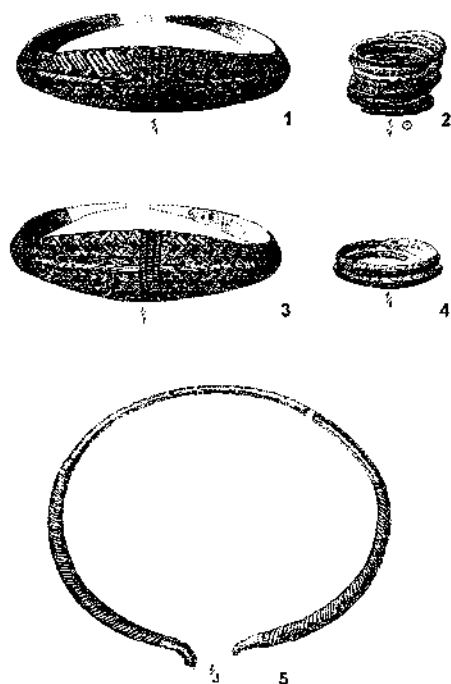

Рис. 31. Лопотти-Линнавуори
(1, 3 – браслеты; 2, 4 – перстни; 5 – шейная
гривна (из кн.: Appelgren Hj., 1891)

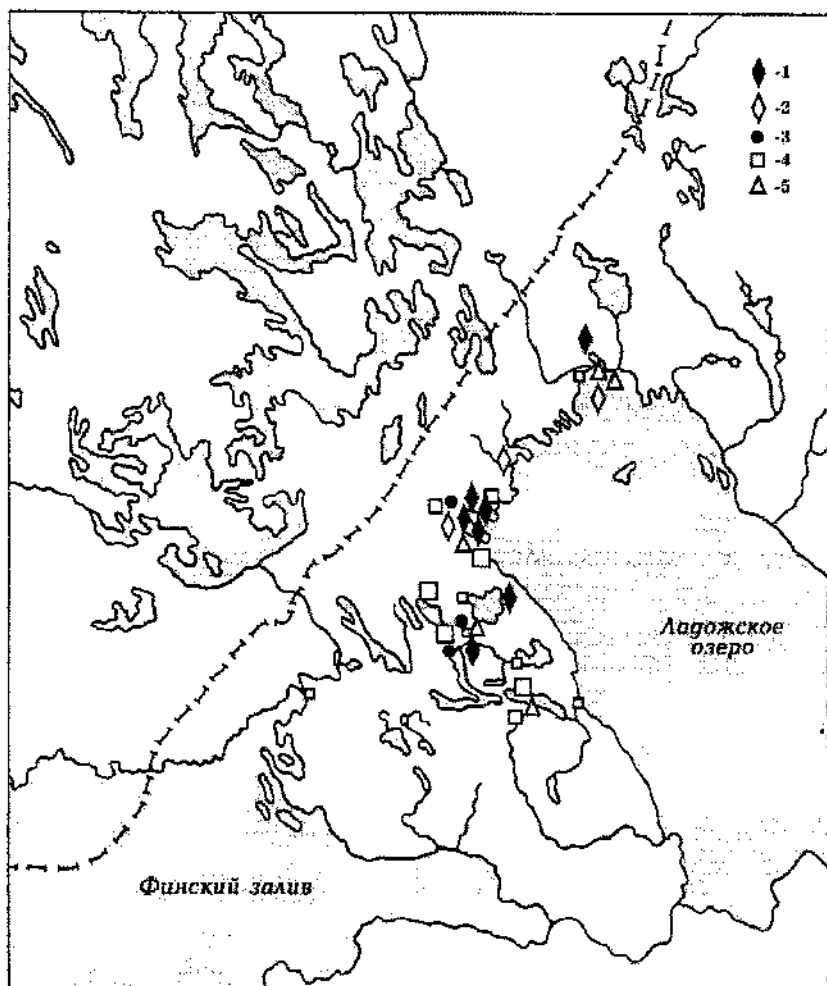

Рис. 32. Древнекарельские памятники XII–XV вв.
(1 – городища; 2 – городища-убежища; 3 – хозяйственные сооружения;
4 – могилы и могильники; 5 – клады вещей)

жилищ колебалась от 18–20 до 54 м². Постройки составляли двухрядную цепочку соответственно конфигурации острова и, располагаясь в шахматном порядке, составляли оборонительную линию.

Южная часть городища была защищена мощным земляным валом на каменном основании. Обороне этого участка придавалось большое значение, так как враг мог появиться именно с южной стороны. Недаром в южной части поселения найдено почти все собранное при раскопках оружие (Рис. 36). В основании вала в качестве оберега строители поместили жертвенник. Протяженность уцелевших оборонительных укреплений около 300 м, ширина от 1 до 11 м, высота (с внутренней стороны) 0,3–0,7 м. В северной части, как более безопасной, была сосредоточена вся хозяйственная жизнь.

Собранный при раскопках инвентарь (Вклейка, 21а) показывает, что жители Тиверска не только несли сторожевую службу, но и занимались ремеслом, сельским хозяйством, животноводством, охотой, рыбной ловлей, участвовали во внешней и внутренней торговле. Интересна найденная свинцовая печать (Рис. 37). На одной ее стороне изображен сидящий Дмитрий Солунский, вынимающий правой рукой меч из ножен, на другой – надпись в пять строк: «Александр Матвеевич». Этой печатью, видимо, скреплялся какой-то важный документ, но до наших дней он, к сожалению, не сохранился. Предполагают, что печать принадлежала новгородскому купеческому старосте, упомянутому в документах 1436 и 1439 гг. (Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 1998, с. 102, 209). 16 июля 1436 г. датируется Договорная грамота Великого Новгорода с ганзейскими городами, не ранее 11 февраля 1439 г. – Договорная грамота Великого Новгорода с немецким купечеством в Новгороде (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949, № 67, 68).

Городок назван Тиверским, возможно, по имени одного из пяти корельских родов – Тиврульцев. Большинство исследователей-лингвистов полагают, что слово «тиури» саамского происхождения. Существует и другое мнение, согласно которому наименование с тиури (в том числе и Тиуринлинна) происходит от имени варяжского предводителя Diuri (Nissilä V., 1975, s. 218).

Рис. 33. Крепость Корела (фото С.И. Кочкуркиной, 2010 г.)

Городище Хямеенлахти-Линनावуори располагается в 3 км южнее пос. Куркийёки на южном берегу залива Хямеенлахти на границе с заливом Лайккаланлахти (на совр. картах зал. Куркийокский) Ладожского озера на возвышенности высотой 50 м над уровнем моря. Топографическая особенность линनावуори заключается в том, что она не является доминантой на местности, а представляет собой северную оконечность длинного покрытого лесом скалистого отрога, тянувшегося по полуострову (местность Риеккала) от залива Хямеенлахти до залива Риеккаланлахти. Оконечность отрога завершается возвышенностью Риухту Суурмяки, на которой прослежены остатки мощных каменных стен. С запада Хямеенлахти-Линनावуори ограничена ложбиной (в конце XIX в. здесь располагались поля), по которой течет ручей, заканчивающейся мысом Хепониemi (*hepo* – лошадка, разг., *niemi* – мыс). Небольшой заливчик с северной части линनावуори ранее назывался Хепониemenлахти. С востока возвышенность частично ограничена скалистым берегом и низиной (Рис. 38).

Полевые работы проводились финляндским археологом Я. Аппельгреном в конце XIX в. и российскими исследователями А.И. Саксой – в 1986, 1987, 1996 гг., С.И. Кочкуркиной – в 2007–2008 гг.

Городище оконтурено, кроме южной стороны, скальными обрывами и ориентировано в направлении север – юг. Южная, лишенная естественной защиты, укреплена каменным валом с проемом от ворот (ширина его 3,5 м). Западный отрезок вала длиной 15 м, шириной 2–2,5 м, восточный соответственно 17,5 и 1,5–3 м сложены из камней, засыпаны землей и густо поросли деревьями. Незащищенную скальными обрывами западную часть также укрепили валом длиной 11 м, шириной 1,5–2,5 м. Он густо порос лиственными деревьями, поэтому не разрушен, хотя грабительские ямки от металлоискателя присутствуют (в одной из них остались мелкие фрагменты керамики). По краю обрывистой, восточной, части городища, возможно, были сооружены, в целях безопасности, какие-то деревянные укрепления. Мною при археологических исследованиях выявлены остатки каменной стены, идущей в направлении СЗ–ЮВ и прикрывавшей городище с северной стороны (длина 6,2 м, ширина 2,8 м), остатки отопительного сооружения прямоугольной формы (очаг) 2,2 x 2 м. Возможно, вскрытые в этой части городища Аппельгреном каменные кучи повредили остатки каменных фундаментов жилищ, от которых сохранилось лишь отопительное сооружение. Вскрыта в скальном углублении печь, примыкавшая тыльной стороной к возвышенной части (3,6 x 2 м), а также остатки каменного фундамента (6 x 3,6 м). Но целостность фундамента также нарушена раскопками каменных куч. Судя по плану Аппельгрена, каменные кучи в большом количестве располагались как в южной части самой высокой площадки, так и на западных более низких террасах (сейчас они не просматриваются), которые могли быть остатками

Рис. 34. Тиверск. Южная часть городища

фундаментов строительных сооружений, и, следовательно, вся огромная территория линнавуори была застроена. Каменные фундаменты жилищ и отопительные сооружения обмазывались глиной, что подтверждается большим количеством найденных кусков обмазки.

Археологические вещи датируются XII–XIII вв.: предметы женского убранства из цветного металла (фибулы, подвески, копоушка, игольник, ножны, спиральки и стеклянные бусы), бытовой инвентарь (ножи, ключи, ледоходные шипы), боевое вооружение (наконечники стрел и копье), орудия рыболовства и т.д. (Вклейка, 22а). Упомянем индивидуальную находку, аналогии которой пока неизвестны, – плоская подвеска с петлей для подвешивания, изображающая четвероное животное в движении (лось? лошадка?) (Вклейка, 22а:2). Собраны шесть серебряных монет (одна не определена): восточная монета второй половины X в., из четырех немецких монет одна первой половины XI в. и три – второй половины XI в. Но эти монеты не могут удревнить памятник, поскольку они использовались, вероятно, не в качестве платежного средства, а в качестве ценного сырья для переплавки.

Предпринятые раскопки позволили сделать вывод, что городище Хямеенлахти-

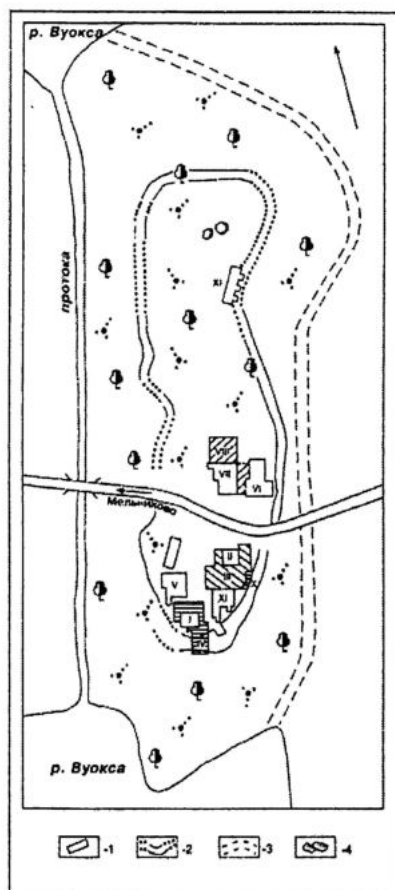

Рис. 35. План городища
Тиверск

- (1 – фундамент дома XIX в.;
2 – оборонительные сооружения:
вал и каменная стена;
3 – высохшее русло реки;
4 – валуны; I–XI – номера раскопок)

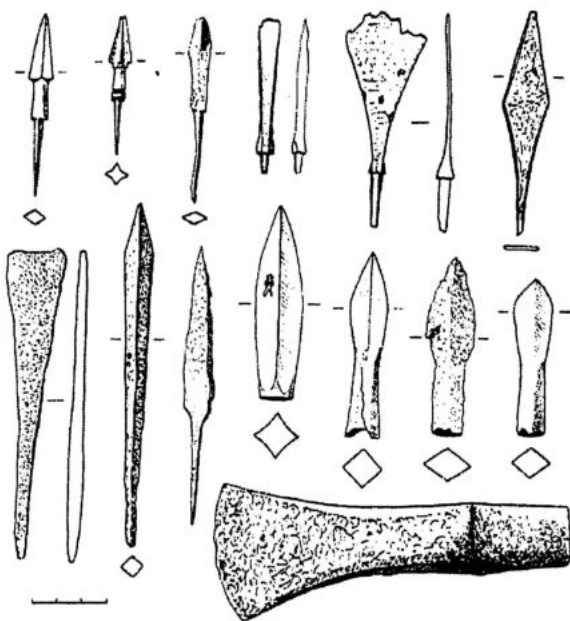

Рис. 36. Тиверск. Предметы вооружения
(наконечники стрел и топор)

Линнавуори по своим топографическим и конструктивным особенностям, а также вещевому инвентарю является типичным укрепленным поселением древних карел, занимающим стратегическое положение на берегу Ладожского залива. Появление неприятеля в первую очередь можно было ожидать в заливе Хямеенлахти, так как этот водный путь вел к густо заселенной местности в районе совр. пос. Куркиёки и где можно было рассчитывать на хорошую добычу. По долине длиной примерно около 2–2,5 км, вероятно, пролегал путь к другому

заливу Риеккаланлахти, где можно было укрыться от неприятеля в случае опасности, а также использовать его в промысловых целях.

Связь между названием мыса Хепониemi и большим количеством найденных на городище лошадиных зубов, а также подков, вероятно, допустимо объяснить развитым коневодством в хозяйстве жителей городища. Население северо-западного Приладожья использовало лошадей в качестве тягловой силы и средства передвижения, экспортировало и разводило их

Рис. 37. Тиверск. Печать

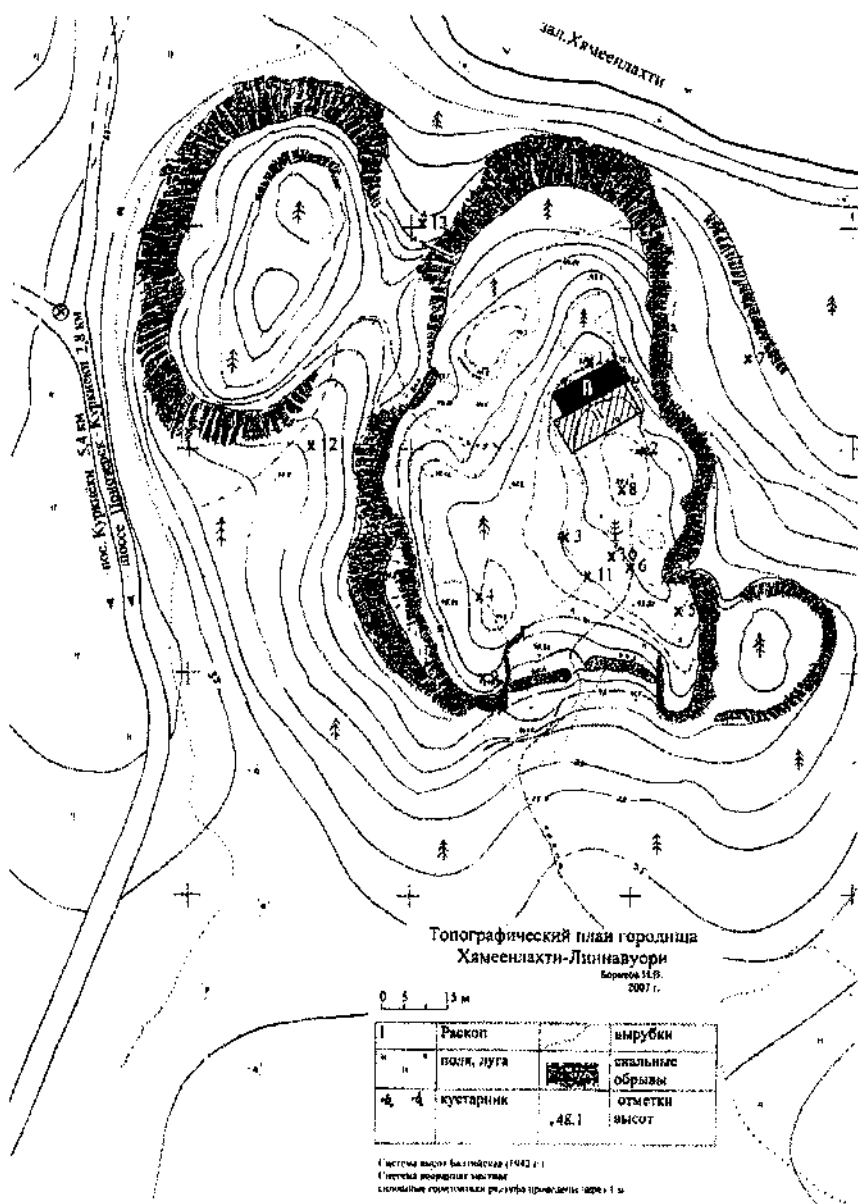

Рис. 38. Хямеенлахти-Линнавуори (топоплан)

(Кочкуркина С.И., 1982, с. 154). Может быть, конину употребляли в пищу.

Памятник назван по заливу Хямеенлахти (Хяме – этноним, лаhti – залив). Хяме (*häme*, в русских источниках *емь*) – народ, издревле проживающий в центральной части Финляндии. Связи древних карел и хяме отчетливо прослеживаются как по письменным, так и археологическим источникам. Топонимы *häme* зарегистрированы на Карельском перешейке,

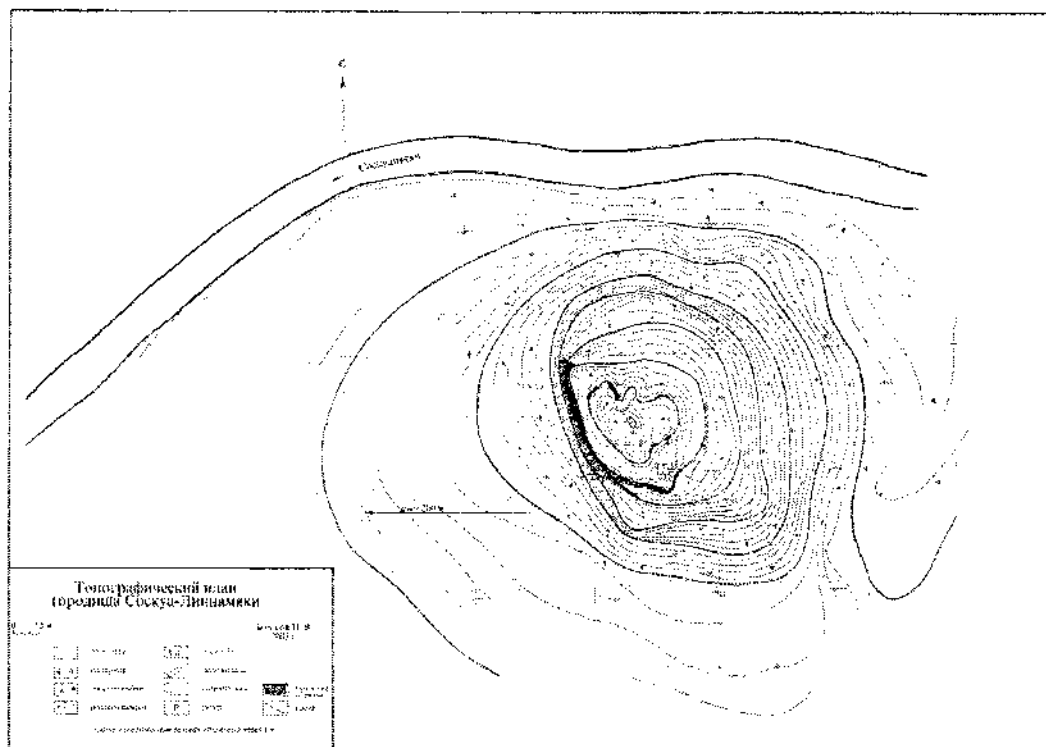

Рис. 39. Соскуа-Линнамäки (топоплан)

на территории северного Приладожья от Куркиёки до Суйстамо (Мамонтова Н.Н., Кочкуркина С.И., 1982, с. 180–185).

Городище Соскуа-Линнамäки находится в 4,5 км юго-восточнее пос. Куркиёки, на левом берегу р. Соскуанйоки, в 200 м восточнее моста через реку, примерно в 1,8 км от ее впадения в залив Токкаринлахти (ответвление зал. Лайккаланлахти, на совр. картах Куркийокского) Ладожского озера в живописной местности (Рис. 39). Городище располагается на возвышенности (максимальная высота над уровнем моря 44 м), окруженной лугом, кустарниками, с восточной стороны – кромкой леса. С севера и северо-запада она огибается рекой. Мощные крутые скальные обрывы отмечены по юго-западному краю возвышенности (Вклейка, 16а). На восточной стороне на высоте 35–36 м прослежен отрезок стены, сложенной из камней без применения связующего раствора.

В 1939 г. возвышенность в Соскуа посетил финляндский исследователь Э. Сарасмо, но каменных укреплений не заметил (Uino P., 1997, s. 257–258).

Во время моего посещения городища в 2004 г. были обнаружены остатки каменных укреплений и зафиксированы выходы культурного слоя, в шурфе найдена редкая вещь – фрагмент костяного орнаментированного изделия (Вклейка, 23а:9). Это вторая находка на древнекарельской территории;

первая была обнаружена в конце XIX в. на Карельском перешейке в районе Приозерска в женском погребении могильника Суотниemi. Информацию о местоположении нового городища мы старались держать в секрете, но слава о нашем открытии достигла ушей грабителей, которые побывали на городище и оставили немало варварских следов в виде характерных ямок от работы с металлоискателем. Нам пришлось приложить немало усилий – и финансовых, и физических, – чтобы исследовать памятник.

На линнамяки имелось всего два участка, пригодных для проживания: первый, снизу, на высоте 36–37 м, второй – на высоте 41–43 м. В 2005–2006 гг. нами вскрыты четыре участка общей площадью 76 м². Обнаруженный в раскопах материал не противоречит находкам ранее исследованных древнекарельских городищ и позволяет датировать городище Соскуа-Линнамяки XII–XIV вв. (Вклейка, 23а). Исключение составляют ранее не встреченные три тонкие фигурные медные пластинки (Вклейка, 23а: 10–12), использовавшиеся, возможно для украшения некоторых деталей костюма.

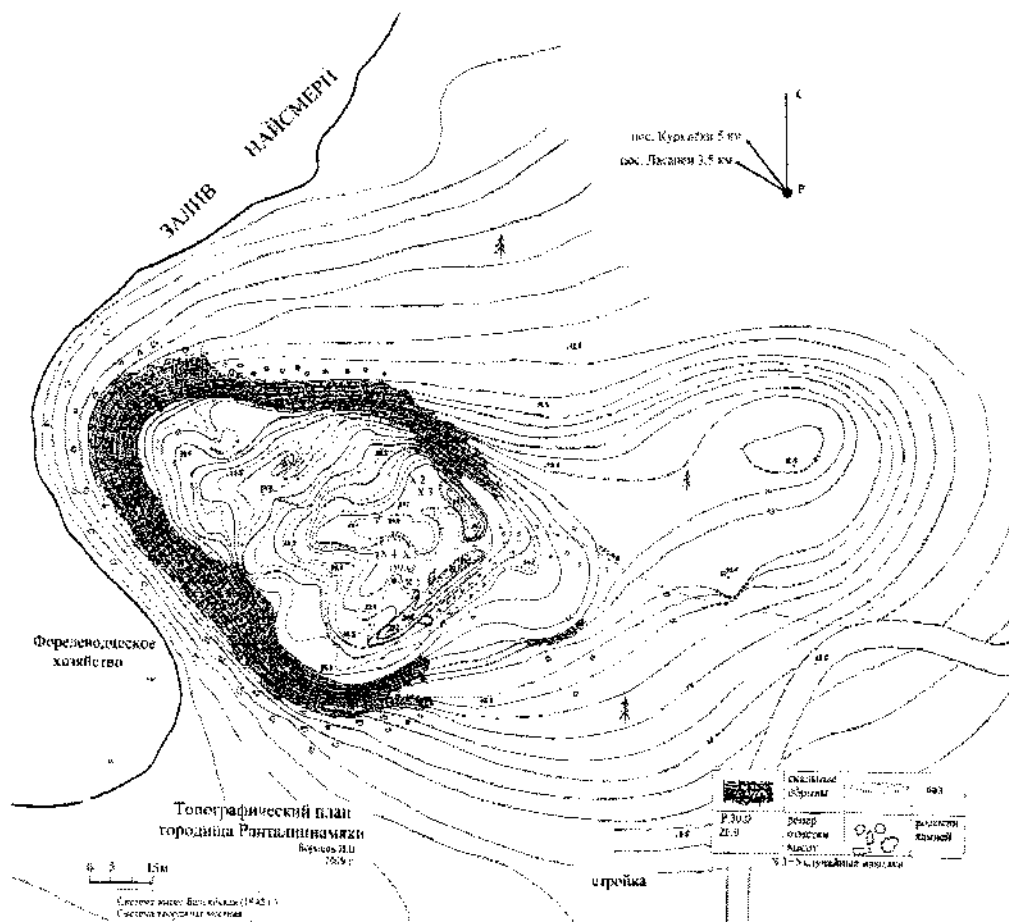

Рис. 40. Ранталиннамяки (топоплан)

Рис. 41. Лопотти-Линнамäки (топоплан)

До сих пор отчетливо просматривается вход на городище, четко обозначенный крупными валунами и камнями от развалившейся стены. С внешней стороны городища стена возвышается на 1,52 м, с внутренней – на 0,72 м. Огромные валуны покоятся на более мелких. С внутренней стороны городища в основании зафиксировано пятно (0,5 x 0,3 м) из большого количества жирных углей, а под ним – оранжевый подстилающий слой. Скорее всего, это следы от сгоревших деревянных конструкций ворот. Пожар был настолько сильным, что в огромном валуне образовалась трещина. Находки отсутствовали. По всей вероятности, сооружение каменной стены шло одновременно с созданием укрепленного поселения.

По сути, вскрыта вся освоенная площадь городища. Соскуа-Линнамäки, в сравнении с другими известными укрепленными поселениями, как, например, Тиверск, носит «провинциальный», сельский характер. Возвышенность, видимо, была рассчитана на защиту малочисленного местного населения и не носила стратегического характера. Обратим внимание, что на вскрытой

площади городища нет замков и ключей, что довольно странно, если бы поселение было бы круглогодично обитаемо.

Впервые Соскуа (этимология названия не выяснена) упомянута в переписной книге 1500 г. как «деревня Сошково за лахтою», «деревня Сошково на другой стороне реки», «деревня Сошково на той же стороне» (с. 132). В настоящее время в деревне сохранилось лишь несколько домов, принадлежащих жителям Санкт-Петербурга (Петрова, Петров, 2003, с. 8–10).

Ранталиннамяки располагается на западном побережье о. Корписаари, на высоте 30 м над уровнем моря, в 5 км юго-восточнее пос. Куркиёки. Возвышенность ориентирована в направлении запад – восток. Западная сторона, со стороны залива Найсмери, скалистая и обрывистая. Максимальные размеры площадки 80 х 60 м. С восточной стороны располагаются два отрезка вала из крупных валунов, частично засыпанных землей: южный отрезок длиной 35 м, шириной 5 м, восточный соответственно 16 и 5 м, высотой от 1,2 до 4 м. Между валами – пространство от ворот шириной 2 м (Рис. 40). Для несения сторожевой службы Ранталиннамяки была подходящим объектом, поскольку с ее вершины просматривается значительная часть залива. Но выходов культурного слоя не замечено, хотя верхняя площадка вполне пригодна для поселения.

В 1985 г. А.И. Сакса под скоплениями камней металлоискателем обнаружил железную сковороду, датируемую им XI–XII вв. Однако радиоуглеродная дата 1290–1390 гг., на мой взгляд, ближе к реальности. В последний год местный кладоискатель собрал на городище железные предметы: втульчатый наконечник копьа, вток, обломок небольшого серпа, бритву, а также фрагменты медных пластинок с остатками рогожки (Вклейка, 24а).

В районе пос. Куркиёки в XV–XVI вв. функционировало еще одно укрепленное поселение, поскольку военная обстановка оставалась по-прежнему сложной. На невысокой (42 м над уровнем моря) возвышенности Лопотти (окраина пос. Куркиёки) было построено городище. С севера оно омывалось р. Рахоланйоки, впадающей в залив Ладожского озера.

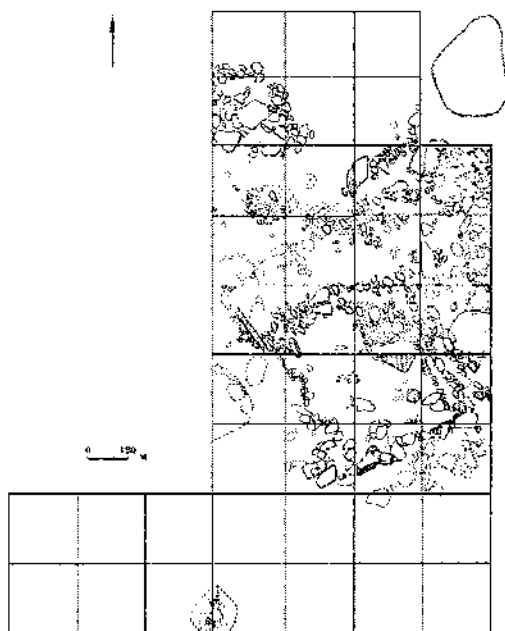

Рис. 42. Лопотти-Линнамяки.

Раскоп I

Рис. 43. Лопотти-Линнамяки. Жилище

Площадь поселения около 500 м² (археологической экспедицией ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством С.И. Кочуркиной раскопано 444 м²) (Рис. 41, Вклейка, 17а). Помимо внешней линии оборонительных укреплений, сложенных из камней «насухо», защищающих возвышенность с трех сторон, существовала внутренняя – из жилых построек. Деревянные дома на каменных фундаментах (раскопано четыре) площадью от 13 до 25 м² имели печи-каменки в северо-восточном углу (Рис. 42, 43). Под юго-восточным углом фундамента при раскопках обнаружено сланцевое тесло, датирующееся поздним мезолитом или ранним неолитом. Видимо, положено оно под угол фундамента с какими-то ритуальными целями.

Наступление противника можно было ожидать с севера, со стороны

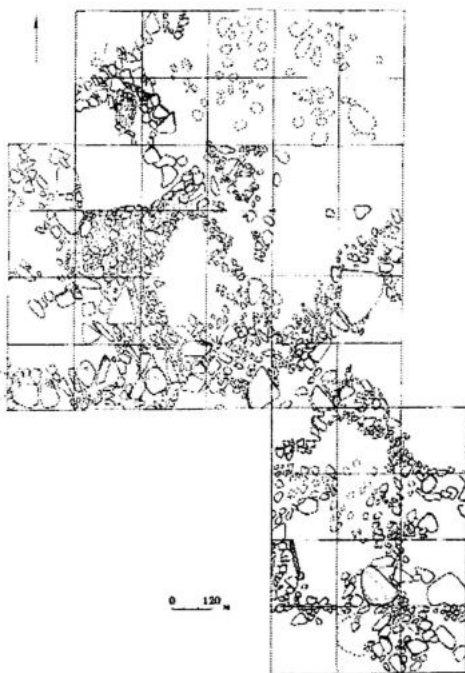

Рис. 44. Лопотти-Линнамяки.
Раскоп II

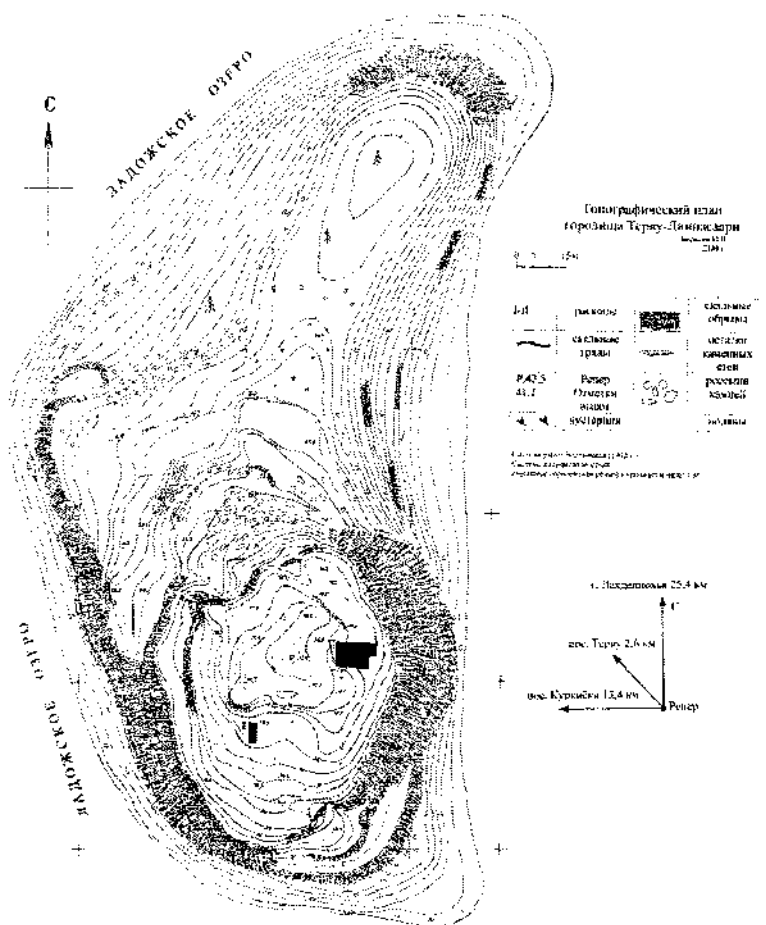

Рис. 45. Терву-Линнасаари (топоплан)

реки, поэтому строители постарались максимально укрепить северный мыс. Поперек возвышенности они поставили заслон из жилищ, которые одной стороной примыкали к общей каменной стене (Рис. 44). Среди немногих находок — единичные украшения, стамески, гвозди, железные накладки, ключи, точильные бруски — нет таких, по которым можно установить точный период существования, поэтому городище Лопотти датируется приблизительно XV–XVI вв., а может быть, и более поздним временем.

Лопотти («lopotti»), по мнению топонимистов, — это несколько измененное русское слово «слобода». Погост Куркиёки впервые упомянут в русских письменных источниках под 1396 г. В переписной окладной книге Водской пятины 1500 г. (с. 127) назван Кирияжский Богородицкий погост с деревнями Ладикола, Нивкола «на реце на Кирьеше», а также «деревня под городищем», разместившиеся в границах современного пос. Куркиёки. В устье реки располагалась церковь Рождества Богородицы (в 1696 г. сожжена шведами и больше на этом месте не восстанавливалась;

здесь в 1996 г. в память 600-летия поселка установлена памятная плита). Дальнейшие события, связанные с историей пос. Куркиёки, изложены в работах сотрудников Куркиёкского краеведческого центра (Петрова М.И., Петров И.В., 2003, с. 28–30; От деревни к деревне, 2009, с. 90–102).

Терву-Линнасаари. По словам первого исследователя Я. Аппельгрена, на острове в XIX в. как будто бы прослеживались остатки каменных стен, но они не изучались. Остров (275 x 140 м), прозванный в народе «шапкой» или «шапкой Мономаха», располагается в 2,6 км юго-восточнее пос. Терву (Рис. 45; Вклейка, 18а). Находится в удобной бухте Терву в окружении островов, защищающих его от ветров и волн открытого Ладожского озера. В то же время с вершины острова в ясную погоду акватория озера просматривается на дальнее расстояние. В случае же вражеского нападения у жителей острова была возможность укрыться на материке. Вытянут в направлении север–юг. Южная часть округлой формы, скалистая и обрывистая (43,5 м над уровнем моря), северная – низкая и пологая. Городище занимало южную округлую часть острова (155 x 115 м). Несмотря на то что подъем на городище с северной стороны весьма затруднен из-за крутизны и обрывистости скальных выступов, эта часть городища была защищена тройной линией укреплений, которые сохранились в виде каменных гряд. Среди первой, со стороны городища, заметны крупные блоки, отколовшиеся естественным путем в результате локальных неотектонических подвижек, а может быть, и с помощью средневековых жителей, от основного массива скальной породы. Она отмечена на высоте 29,5 м и занимает пространство 30x12 м; вторая, через 10 м от первой, зафиксирована на высоте 22 м на пространстве 18x10 м. Остатки третьей линии укреплений сохранились на высоте 16–17 м, на подступах к возвышенности в виде низкой каменной стены из мелких камней общей длиной около 50 м.

С северо-западной стороны на высоте 39 м небольшое скальное ущелье перекрыто каменной стеной из расколотых камней длиной 7 м, шириной около 1,2 м. Примерно такой же отрезок стены (длина 7,7 м, развал около 2 м) перекрывал ущелье на южном склоне возвышенности на высоте 30–32 м. Это мера предосторожности не была излишней даже на таком крутом южном склоне. (Опытным путем была доказана возможность его «покорения»).

Туристы активно посещают остров, где их особо привлекает расположенная на западной окраине композиция из большого плоского камня и окружающих его более мелких восьми плоских камней; к археологическому памятнику никакого отношения не имеет. В результате пожара, учиненного туристами в 2004 г., выгорели деревья, кустарники, обуглился почвенный слой, и обнажились археологические предметы. Они были собраны местными жителями и переданы автору книги в 2008–2009 гг. Вырванные из контекста культурного слоя археологические предметы не помогли определить

функциональное назначение памятника. При финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда удалось сделать топографический план городища, осуществить археологические исследования, очистить и законсервировать железные изделия, провести анализ предметов украшения из цветного металла.

В раскопе I, на высоте около 40 м над уровнем моря, вскрыт фундамент жилища, вход в который был с западной стороны. Когда-то высказанное в литературе предположение, что замки в раскопе находятся обычно у входа в жилище, в нашем случае подтвердилось. Восточная стена жилища, направленная к озеру, защищала крутой склон. Возможно, со стороны озера находились дополнительные деревянные укрепления. Само строение было деревянным и, видимо, в целях предохранения от пожаров обмазывалось глиной. Этим можно объяснить огромное количество найденных кусочков глиняной обмазки.

В раскопе II между скальными отрогами был сооружен каменный мостик (возможно, были и деревянные ворота), созданный, с одной стороны, для обороны открытого участка и для препятствия к восхождению на городище, а с другой, для свободного прохода жителей. Недаром он покрывался глиной, о чем свидетельствует большое количество кусков глиняной обмазки. С западной стороны, по всей вероятности, располагался костер для несущих охрану сторожей.

В целом коллекция находок из раскопов I и II насчитывает 176 предметов из цветного металла, стекла, железа, камня, глины. С помощью металлоискателя собрано 162 изделия различных категорий (Вклейка, 25а–30а), включая семь фрагментов керамики. Их местоположение (со слов нашедших) позволяет сделать вывод, что вся возвышенная часть острова, имеющая почти круглую форму, включая, по меньшей мере, три разновысокие террасы, была освоена жителями. Не была заселенной, видимо, болотистая низина с восточной стороны раскопа II. На самой вершине было сосредоточено большое количество гвоздей, оставшихся, видимо, от сравнительно недавней постройки. Какой-то специфики в использовании различных участков городища не наблюдается. Предметы украшения, бытовые изделия, рабочие инструменты залегали совместно. Особо следует отметить, что наконечник копья, пешня, ножи обнаружены за пределами возвышенной части, за каменным валом, ближе к урезу воды. Наконечники стрел выявлены с внутренней стороны каменного вала. Около небольшого отрезка каменного вала с южной стороны (он перекрывал ложбину, по которой можно было пробраться на возвышенность) встречен цилиндрический замок. На спуске с горы перед первой россыпью камней, на тропинке находилась овально-выпуклая фибула. Она, вероятно, была приготовлена для переплавки, так как у нее на оборотной стороне до основания спилены держатели и просверлены два отверстия. Особенностью городища

Терву-Линнасаари является присутствие среди находок двух спиралевидных цепедержателей. В древностях северо-западного Приладожья до сих пор насчитывалось 16 таких украшений, обнаруженных в погребениях либо представленных случайными находками.

Собранные на городище предметы свидетельствует о мирной деятельности населения: предметы вооружения единичны. Изделия из цветного металла представлены характерными древнекарельскими украшениями: овально-выпуклыми фибулами нескольких типов, Ф-образными пронизками, цепедержателями, копоушками, стеклянными черными бусами со светлой волнистой инкрустацией и некоторыми другими изделиями.

Выделяются три, датируемые более поздним временем, чем основная коллекция, предмета. Иконка двусторонняя, прямоугольная с полукруглым завершением, с ушком повреждена. На лицевой стороне два святых и два ангела, на оборотной стороне молящая Богоматерь. Прямоугольная иконка без оглавия с ушком. На лицевой стороне два святых, два ангела, оборотная сторона гладкая. Оба изделия оловянные. По предварительному заключению, такие иконки появились не ранее XVI в. Пластика из цветного металла с круглыми и продолговатыми отверстиями (длина 4,6 см, ширина 1,6 см), вероятно, является звеном цепи от паникадила. К этой поздней группе предметов, возможно, относятся накладка и крестик для четок.

По археологическим материалам памятник можно датировать XIII–XIV вв. (более поздние вещи с культурным слоем городища не связаны). Терву-Линнасаари является, с одной стороны, типичным для этого времени древнекарельским поселением с традиционными оборонительными укреплениями и фундаментом жилой постройки, сооруженными из камней, затем обмазанными глиной, археологическими предметами, а с другой, расположение на высоком скалистом острове придает ему исключительное своеобразие. Аналогичного археологического объекта в северо-западном Приладожье пока нет (Тиверск не в счет, поскольку располагался на низком острове, омываемом двумя рукавами реки). Выбор для поселения острова, занимающего стратегическое положение в акватории Ладожского озера, не случаен – населению приходилось, видимо, обороняться как от внешних врагов, так и от разбойничьих набегов соседей, оберегая свою жизнь и имущество.

Ближайшим к Линнасаари населенным пунктом является пос. Терву, расположенный на берегу одноименной бухты при устье впадающей в нее р. Тервунйоки. Деревня под названием Тервозимская весь впервые упомянута в переписной книге 1500 г. (с. 128). Посетивший в 1918 г. эти прекрасные места Николай Рерих создал картину «Линнасаари. Ладожское озеро».

Городище **Паасо**. Расположено между г. Сортавала и пос. Хелюля, примерно в 1 км от места слияния рек Тохмайоки и Хелюляййоки, на высокой (79,2 м над уровнем моря) с крутыми скальными обрывами возвышенности Паасонвуори (Вклейка, 19а). Центральная часть горы сложена сердобольскими гранитами, периферия – гранито-гнейсами, равнины – суглинками, глинами (сведения И.В. Борисова). Подняться на городище можно только по южной, более пологой стороне. Этот уязвимый подход был хорошо укреплен. Площадь городища около 1000 м². Археологическими экспедициями ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством С.И. Кочуркиной в 1974–1975, 1978–1980, 2005–2006 гг. вскрыто чуть меньше 1000 м² (11 раскопов; спасательные раскопки 2006 г. проведены при финансовой поддержке РГНФ) (Рис. 46).

Возвышенность осматривалась Я. Аппельгреном в конце XIX в., но в качестве археологического объекта не была зарегистрирована и раскопки на ней не производились. Во время разведочных поисков в 1974 г. городище зафиксировано С.И. Кочуркиной и В.А. Базегским.

Западная часть существенно пострадала в русско-шведскую и Великую Отечественную войны. Разрушение городищенского слоя, его

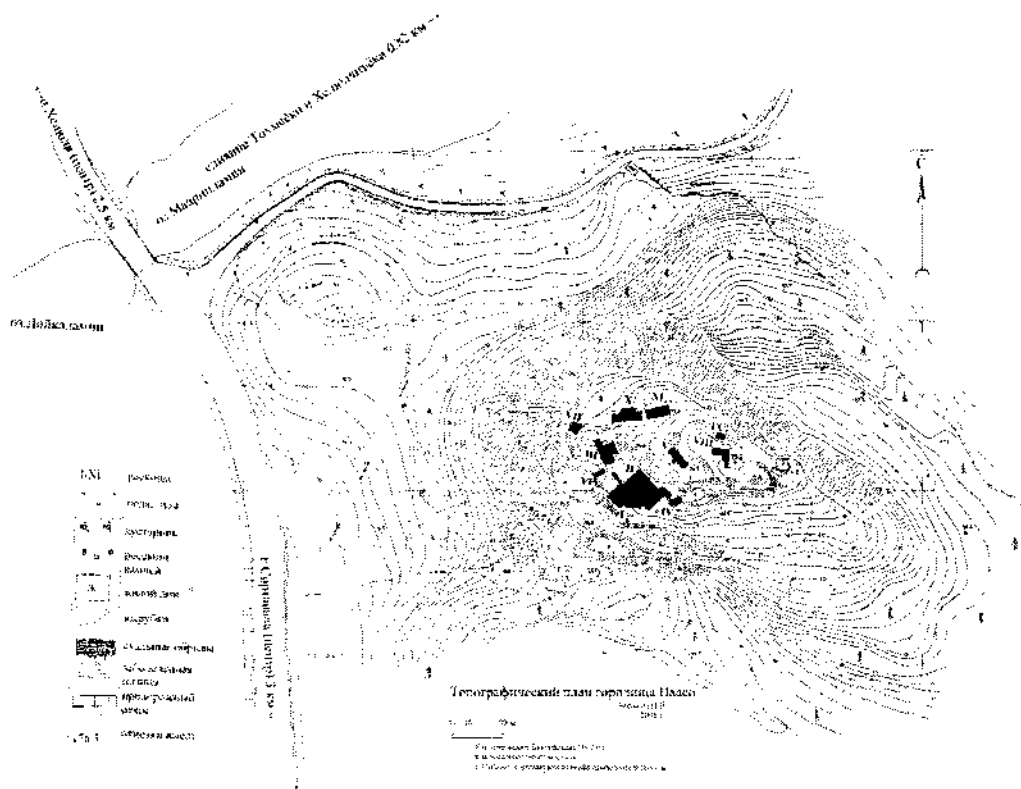

Рис. 46. Паасо (топоплан)

перемешанность, наличие прослоек белой глины свидетельствуют о том, что, возможно, в XVIII–XIX вв. здесь были жилые постройки (в конце XIX в. Я. Appelgren их уже не застал), повредившие культурный слой, в котором присутствовали и древние и современные вещи.

Следует заметить, что формирование культурного слоя в значительной степени диктовалось рельефом подстилающей скалы. Если в ней были естественные западания, то они нивелировались материковым песком. По указанной причине (и по некоторым другим) произошло накопление культурного слоя у вала. Природные условия определили топографию и своеобразие строительных комплексов, которые сосредоточены в ложбине между скальным обрывом и возвышенной частью Паасонвуори. Этим объясняется неудовлетворительная сохранность строений: возведенные в естественных скальных углублениях, они быстро подвергались разрушениям, изменявшим их первоначально заданную форму.

Уязвимая, пологая южная часть городища была хорошо укреплена искусственными сооружениями. Восточная часть представляла собой естественный скальный рельеф, который умело вписали в оборонительную линию, добавив каменных плит, оформив таким образом пространство для ворот около 4 м. Западную часть оборонительной линии составляли два отрезка каменных валов, засыпанных снятой с городища почвой. Длина первого (с востока) 21 м, длина второго – 31,5 м. Возможно, между ними тоже были ворота, поскольку сохранилось пространство в 3 м. Ширина вала достигала 3 м. Южная оконечность вала и сопредельная с ней территория исследовалась раскопом IV. Максимальная высота вала от основания подстилающей скалы до вершины 1,6 м. Сложен он на скале из расколотых камней, засыпанных культурным слоем, без применения связующего раствора и, по всей вероятности, одновременен городищенским слоям. Если и был между ними хронологический разрыв, то незначительный и на имеющемся материале неулавливаемый. Скопление культурного слоя в этой части городища объясняется, с одной стороны, намеренным приближением его к оборонительному сооружению, а с другой – топографическими свойствами местности. Покатость скальной основы и скальное западание способствовали концентрации культурного слоя у южной оконечности вала.

Еще один отрезок оборонительной стены проходил между фундаментом I и скальным возвышением, закрывая ведущую на городищенскую площадку ложбину. Для возведения стены жителям Паасо пришлось засыпать значительное скальное западание. Не исключено, что в западной части заселенной площадки (северная оконечность раскопа III) находилась четырехугольная башня, с которой открывалась панорама на все водное пространство и окружающую гору сушу. В раскопе X вскрыто ориентированное в направлении ЮЗ–СВ основание гряды из рваных камней

(длина вскрытой части 7,2 м). Ее конец отчетливо фиксируется валуном за пределами вскрытого участка, и таким образом вся длина гряды составляла около 9 м. Прежде она, несомненно, более высокая, перекрывала ложбину, через которую можно было проникнуть на городище.

Результаты многолетних археологических исследований городища Паасо позволяют сделать некоторые заключения относительно времени освоения возвышенности, особенностей планировки, занятий населения и некоторые наблюдения частного характера. В X – начале XII в. площадка Паасонвуори использовалась под временное поселение. Редкие предметы этого времени зафиксированы в раскопах I–III и в северной части в раскопах X и XI. В XII–XIII вв. возвышенность Паасонвуори была приспособлена под городище оборонительного характера. Безусловно, немалую роль в выборе сыграли защитные свойства рельефа. К тому же, соорудив валы и каменные стены, население укрепило наиболее доступную для восхождения часть. Вместе с тем постройки, вероятно, планировались на длительное проживание, чему способствовало выгодное географическое положение городища, удобная речная система, связывающая его с Ладожским озером и внутренними районами, пригодные для земледелия прилегающие к горе низины.

Из семи исследованных фундаментов шесть (I–IV и VI, VII) ориентированы в направлении С–Ю, один (V) – по линии СВ–ЮЗ. Расположение жилищ, без сомнения, определялось микротопографией возвышенности. На такой небольшой и узкой, наиболее приспособленной для жилья площадке примененный метод застройки близок к оптимальному. Сооружения должны были не только служить для жилья, но и исполнять оборонительные функции. Вот почему они расставлены в шахматном порядке, довольно скученно, составляя единую линию защиты. В этой планировке видится аналогия тиверским постройкам. Отличие между ними в ориентировке, что находит объяснение не в каком-то принципиально различном подходе населения или иной традиции, а в прямой зависимости от конкретных особенностей рельефа: в одном случае от конфигурации острова на р. Вуоксе, в другом – от своеобразия возвышенности Паасонвуори.

Скученная застройка имела и отрицательные последствия. Видимо, еще в самом начале строительства на горе случился пожар, поэтому большинство исследованных нами фундаментов (I–IV) находилось на культурном с обильной примесью углей слое. Однако жители Паасо не отказались от намерения вновь отстроить поселок. Самым первым, вероятно, был заложен фундамент V, расположенный на материке. Когда основное строительство завершилось, он был переделан и использовался, скорей всего, для хозяйственных нужд. Не исключено, что эти переделки произошли в период позднего Средневековья.

Фундамент VI тоже сооружен на материке, но он органически входит в систему застройки городища, поэтому его раннее происхождение предполагать нельзя. Возможно, он возник на необжитом участке (самый тонкий культурный слой на городище). Однако его плохая сохранность не позволяет отстаивать определенную точку зрения.

Отопительные сооружения – печи, очаги – располагались, как правило, в центральной части жилищ, ближе к северным (фундаменты I, IV) или южным (II, V, VI) стенам. Фундамент III вскрыт частично, и такого рода сооружения в нем не выявлены. Кроме того, на городище были два открытых очага довольно примитивной конструкции, между фундаментом I и III – остатки печи. Последняя сохранилась плохо: в процессе раскопок открыты два ее фрагмента.

Основной материал городища позволяет датировать его XII–XIII вв., возможно, и XIV в. Типичные для древнекарельской культуры предметы, такие как овально-выпуклые фибулы, ажурные цепедержатели, металлические бусы, спирали, орнаментированные рукояти ножей и т.д. (Вклейка, 31а–34а), конструктивные особенности застройки, топографическая характеристика самого памятника позволяют отнести городище к древностям летописной корелы. Удивительно мало, учитывая оборонительное назначение памятника, предметов вооружения. Напротив, инвентарь говорит о занятии населения земледелием, охотой и рыболовством, а также производством железа, хотя и в небольшом масштабе. Не исключено, что военных столкновений на городище не было. Происходили они где-то в стороне и, видимо, не в пользу жителей Паасо. Большое число ювелирных изделий из цветного металла, хорошо сохранившийся инвентарь, наконец, отчетливо выраженные следы пожара свидетельствуют, по всей вероятности, о гибели защитников Паасо.

Жизнь на горе возобновилась в Новое время. В XVIII в. в связи с русско-шведской войной на ней стоял гарнизон, защищающий г. Сортавала. Вероятно, в это время слои городища подверглись основательному разрушению. В 1905 г. на возвышенности проводили маевки.

В лингвистической литературе предприняты попытки интерпретации элемента слова «паасо» в некоторых названиях. Л. Пости предполагает заимствование от русского «погост». По В. Ниссиля, возможны варианты: либо название «паасо» отражает тесную связь с реальными условиями местности (*paasi*, *päs* – «небольшой камень, плоский камень, гольш», «широкий плоский камень, плита»), либо оно происходит от личного имени Paaso (Posti L., 1950, s. 128–135; Nissilä V., 1964, s. 378).

Могильники исследованы в основном в бассейне р. Вуоксы. Для известных к настоящему времени погребальных памятников корелы

характерна тесная связь с участками, пригодными для земледелия, размещение их на южных склонах песчаных пригорков, довольно большая глубина (до 1,2 м) могил. Традиция закладывать кладбища по соседству с полями и поселениями, сложившаяся в I тысячелетии, сохранялась долго, поэтому они иногда территориально совпадают с могильниками и городищами (Тиверск, Корела, Лопотти, Паасо) XII–XV вв. В древности кладбища, вероятно, имели какие-то опознавательные знаки, вследствие чего в народной памяти за ними, а иногда и за естественными пригорками сохранилось название *kalmisto* (могильник). Господствующим обрядом погребения было трупоположение; трупосожжение зафиксировано лишь в некоторых могилах. Хоронили в праздничной одежде головой на север с отклонением к западу или востоку (хотя встречается и другая ориентация) в деревянных срубках с дощатым настилом, покрытом шкурами животных. Захоронения сопровождалась разнообразными предметами, в том числе и христианского культа (Рис. 47–50). Поминальные обряды совершались у могилы. В жертву приносили лошадь или собаку, овцу или корову. Остатки тризны складывали в посуду и ставили у могилы. В XIV в. влияние христианства было значительным, хотя в массе своей древние карелы оставались еще язычниками.

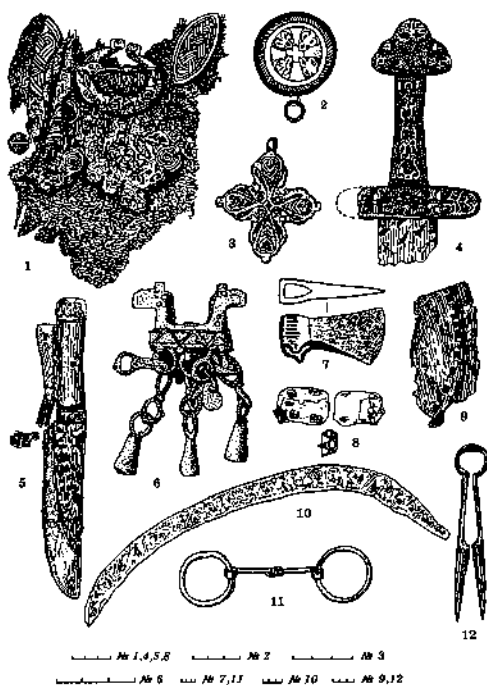

Рис. 47. Кекомьяки–5.

Вещи из мужского и детского погребений:
Хозяйственный инвентарь, найденный за пределами могилы

- (1 – комплект нагрудных украшений: овално-выпуклые фибулы, подковообразная застежка, спиралевидные цепедержатели и остатки ткани);
2 – круглая фибула;
3 – крестовидная подвеска; 4 – меч;
5 – нож в ножнах;
6 – коньковая шумящая подвеска; 7 – топор;
8, 9 – фрагменты медного котла; 10 – коса;
11 – удила; 12 – ножницы)

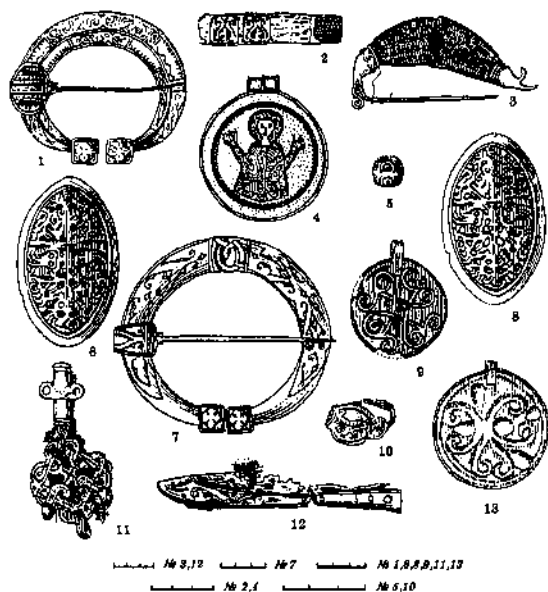

Рис. 48. Кекомьяки-6. Вещи из женского погребения

- (1, 6–8 – фибулы; 2 – шейная лента с бляшками;
3 – сюкерё; 4 – медальон; 5 – бусина;
9 – перстень; 10, 13 – пластинчатые подвески;
11 – Ф-образная пронизка с цепедержателем;
12 – ножны)

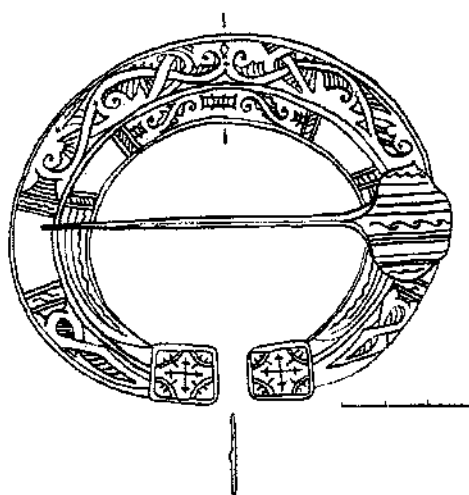

Рис. 49. Подковообразная пластинчатая фибула карельского типа

В 2006–2008 гг. произведены раскопки весьма редкого, уникального для этой части Приладожья могильника Кюлялахти-Калмистомяки. Выявлены надмогильные овальной формы сооружения из крупных валунов, ориентированные, с некоторыми отклонениями, по линии запад – восток. Умершие погребены по обряду трупоположения, на спине, головой на юго-запад, большей частью в деревянных могильных сооружениях. Многообразный сопровождающий погребения инвентарь датирует памятник концом XIII – первой половиной XV в. (Бельский С.В., Лааксо В., 2009, с. 133–160).

Клады. Обнаружены четыре клада серебряных вещей: два на Карельском перешейке и по одному в районе г. Сортавала и пос. Хийтола. Датируются в основном XII–XIV вв.

«Клад» топоров на острове Виллапекко в научной литературе интерпретировался с известной долей сомнения (Uino P., 1997, s. 247). Остров располагается вблизи мыса Иивонниemi, примерно в 150–300 м от материкового берега на высоте 6–10 м. Это небольшой, 70 x 30 м, остров. Большая его часть каменистая. Как утверждал житель острова Матти Нокелайнен, при рытье картофельной ямы он в 1926 г. нашел 13 железных топоров,

которые находились на глубине 0,5 м. Топоры были куплены начальником железнодорожной станции Е.А. Бергманом и переданы в музей Хельсинки. Затем были еще находки. Раскопки производил Н. Клеве, но ничего не нашел. Однако топоры обнаруживались и в 1928, 1938, 1941 гг. В целом к настоящему времени в Музейном Ведомстве Финляндии хранятся 48 топоров с этого острова. Предполагают, что о. Виллапекко мог быть святилищем земледельцев, но не исключено, что это мистификация. Сам остров маленький, для земледелия мало пригодный, а топоры, между тем, представлены самыми разнообразными и разновременными образцами (они датируются X–XIV вв.) и вряд ли могли оказаться в одном месте без вмешательства самого Матти.

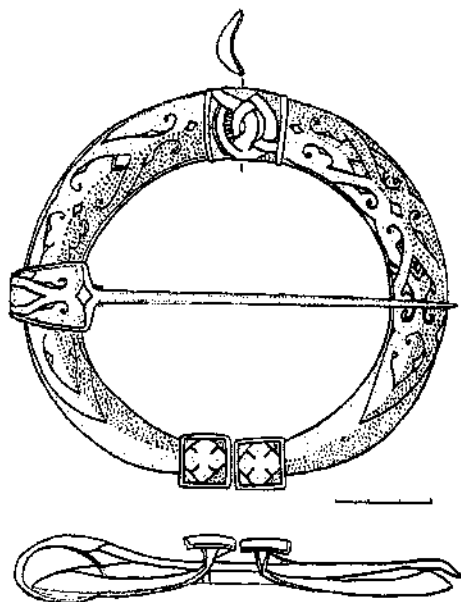

Рис. 50. Подковообразная выпуклая фибула карельского типа

Культовые камни и ритуальные каменные кучи выявлены на Карельском перешейке, но изучены пока слабо. Полагают, что культовые камни с различным количеством чашеобразных углублений на них были связаны с обрядом поклонения усопшему, с культом плодородия.

В районе пос. Куркиёки, у бывш. дер. Лапинлахти, на лугу (ранее поле) располагается валун (150 x 129 см) с единственной чашечкой в центре диаметром 13,5 см, глубиной 7 см (Вклейка, 35а). Интересно, что жители деревни, зная об этом «жертвеннике», детям о нем почему-то не рассказывали.

Хозяйство. Собранный при раскопках городищ и могильников материал позволяет установить основные занятия населения – ремесла, домашние промыслы, охота и рыболовство, земледелие и скотоводство, а также их занятие активной торговлей.

Железообрабатывающее ремесло и инструменты. Железодельное производство в эпоху Средневековья археологически зафиксировано у всех народов европейского Севера, в том числе и у древних карел. Наличие местного сырья и овладение передовыми технологиями обеспечили его

высокий уровень развития в финно-угорской среде. Готовые изделия в разном количестве присутствуют на большинстве исследованных археологических памятников, однако точное описание всего металлургического процесса из-за фрагментарности материальных остатков затруднительно. Особенно это касается первоначального этапа – добычи железа из болотной руды, которая осуществлялась за пределами древних поселений и может быть восстановлена лишь по косвенным данным. Остатки производственных объектов на памятниках тоже немногочисленны, поэтому детально реконструировать древние процессы металлургии и металлообработки без экспериментальных результатов проблематично.

Опыты по реконструкции технико-технологического процесса показали, что превращение крицы в готовое изделие было длительным. В 1950–1960-е гг. западноевропейские исследователи проводили опыты по моделированию сыродутного процесса в горнах, сооруженных по образцу средневековых (Терехова Н.Н., Розанова Л.С. и др., 1997, с. 5–6). На базе Новгородской археологической экспедиции был построен древний горн для получения железа, в котором использовали болотную руду и сосновый уголь, но, к сожалению, все 17 проведенных плавов с различными температурными режимами оказались неудачными – во время проковки получить монолитный кусок железа не удалось. Причину неудачи исследователи объяснили отсутствием специальных сварочных флюсов (Колчин Б.А., Круг О.Ю., 1965, с. 209)¹⁴.

Продуктом металлургического сыродутного процесса была *горновая крица*. Первично обработанная (удаление шлаковых включений), она становилась *крицей*, а приобретая стандартную форму – *товарной крицей*. Из продукта заключительной стадии обработки горновой крицы – *полуфабриката* – ковались *заготовки*, а уже из них изготавливались кузнечные изделия (Терехова Н.Н., Розанова Л.С. и др., 1997, с. 18–19).

На древнекарельской территории исследованы два крупных укрепленных поселения с остатками железоделательного и кузнечного производства: Паасо и Тиверск. Остатки горна на первом городище, устроенного в целях безопасности за пределами жилищ, на более высокой террасе, где был источник воды, располагались на скальной впадине в виде овальной ямы на пространстве 2 x 2 м. Под камнями, большинство которых обожжено, распространялась полоса глины, под ней – насыщенный углями слой, затем – лента золы. Собрано около 400 кусков шлака, глиняная обмазка, в самой яме – несколько железных предметов, вблизи – фрагменты

¹⁴ Не совсем удачной была серия экспериментов эстонских исследователей. Из 22 кг руды получили немногим более 2 кг железа. После эксперимента остались неясными вопросы о ходе процесса при небольших, но неоднократно добавляемых количествах руды, о количестве циклов, которое может выдержать плавильная печь заданной конструкции (Известия Академии наук Эстонии, 1991, с. 409–414).

тигля. Сохранность горна плохая, поэтому восстановить сооружение не представляется возможным.

В производственных помещениях Тиверска, жилищах и вокруг них собрано свыше 5000 кусков шлака с высоким содержанием железа. Не исключено, что эти куски шлака могли использоваться вторично. Выплавляли железо, по всей вероятности, не только в горнах, но и в домашних печах, в глиняных сосудах наподобие миски. Вскрыты остатки двух кузниц, к сожалению, плохо сохранившихся и детально невозстановимые. Так, остатки одной из них располагались в северной части городища с внутренней стороны оборонительной каменной стены. Прослежены основания каменных стен из крупных валунов на высоту около 1 м и большое число шлаков, глиняной обмазки, точильные бруски, обломки железных изделий. Остатки второй в виде прямоугольной кладки (9 x 4 м) содержали около 500 кусков шлака, много кусков глиняной обмазки, обломки льячек или тиглей. С южной и юго-восточной сторон к кузнице примыкали ямы, заполненные крупными углями.

Еще один производственный комплекс выявлен Т. Швиндом в 1888 г. по соседству с могильником (Карельский перешеек, Большой полуостров) и только через 60 лет Ё. Леппяхо предпринял попытку интерпретировать его как кузницу и горн. Прямоугольное каменное сооружение (размером примерно 8,5 x 6 м), видимо, служило полом строения. В центре располагался горн (0,75 x 0,8 м), поблизости – очаги. От одного из них, находящегося с западной стороны каменной площадки, шла глиняная труба длиной 5 м. Найдены наковальня, использовавшаяся для изготовления гвоздей, мотыга, обломок серпа с зарубками, волочило для протяжки бронзовой нити, фрагменты шипцов, много кусков шлаков, кусочки металлического лома и обломки глиняных сосудов. Ё. Леппяхо сравнивал это сооружение с исландской кузницей, погребенной под пеплом вулкана в 1300 г. (Leppäho J., 1949, s. 44–46).

Следы выплавки железа отмечены и на некоторых других памятниках северо-западного Приладожья (Сакса А.И., 1997, с. 183).

Территория корелы отличалась развитым железоделательным производством, базирующимся на местных запасах сырья. Производство отличалось высокой степенью сложности и не уступало в этом древнерусским городам, прежде всего Новгороду, под влиянием которого оно развивалось (Хомутова Л.С., 1982). Использовались те же технологические схемы: трехслойный пакет, сварка стальной полосы в рабочую часть клинка, наварка стального лезвия на железный клинок. Сравнение самой массовой категории кузнечного инвентаря – ножей – из древнекарельских поселений показывает тесную связь местной технологии с северорусской (в южнорусских областях использовались архаичные способы). В производстве ножей наиболее часто

употреблялись технологические схемы, доминирующие на севере Руси, прежде всего в Новгороде, в IX–XII вв., и главным образом прогрессивная сварная техника. В древнекарельской земле она продолжала использоваться и в XIII–XIV вв. Долгое сохранение этой технологии можно объяснить не только устойчивостью традиций в среде кузнецов, но и тем, что до северной периферии Новгородской земли еще не дошли экономические стимулы, заставлявшие работать на широкий рынок и неизбежно приводившие к экономии металла и упрощению технологии (Кочкуркина С.И., 2000, с. 30).

Умело использовалась термическая обработка, паяние, обмеднение железных изделий. При изготовлении разнообразного кузнечного инвентаря применялись вытяжка, рубка, обрезка, пробивка отверстий, изгиб, скручивание. На некоторых предметах прослежена художественная кузнечнаяковка. Инкрустация цветным металлом в виде двух параллельных полос отмечена на боевых топорах. Мастера владели не только передовой технологией, но и изготавливали разнообразные инструменты, употребляемые для обработки дерева и ювелирном деле, в сапожном, шорном и ткацком ремеслах, в сельском хозяйстве и промыслах, оружейном деле. Много требовалось предметов для повседневных нужд.

К металлообрабатывающим инструментам отнесены одноручные клещи (Вклейка, 30а:2), найденные в единственном экземпляре на городище Терву-Линнасаари. Но такие клещи хорошо известны на многих древнерусских поселениях, в том числе и Новгороде в слое XIV в. (Колчин Б.А., 1959, с. 21, рис. 7: 6). Молотки, применявшиеся и в кузнечном, и в ювелирном производстве, встречены в Тиверске и в погребении ювелира на Карельском перешейке. Два зубила выявлены в Тиверске (Кочкуркина С.И., 1981, рис. 6: 1; табл. 11: 8) и одно на Паасо. Одно снабжено отверстием в середине, в котором находился железный стержень для насада на деревянную рукоять. Первые два инструмента, несомненно, принадлежали мастеру-ювелиру, третье могло применяться при работе с железными предметами.

Много на поселениях пробойников или бородков, необходимых для пробивания отверстий в металле. У инструмента – заостренная рабочая часть и расплюснутый конец для деревянной рукояти. Обычная их длина 5,6–12 см, но для особых операций использовался тяжелый массивный пробойник длиной 33,7 см.

Из инструментов ювелирного производства имеется бронзовый пинцет с плоскими губами, по своей конструкции схожий с новгородскими пинцетами первого вида, встреченного в слоях X–XIV вв. Два железных без фиксирующего кольца соответствуют второму виду новгородских изделий (Колчин, 1959, с. 22).

Весьма оригинальна форма волочила, так как обычно оно представляло собой четырехугольный стержень. Процесс волочения заключался в

том, что предварительно прокованный в тонкие, длинные бруски металл проталкивался сначала через крупные, затем через более мелкие глазки волоочильной доски. На волочилье, сделанном на обломке серпа или косы, пробито 14 отверстий, диаметр которых колеблется от 1 до 2,5 мм. При микроскопическом исследовании полного поперечного сечения выяснилось, что оно отковано из железной заготовки с последующей сквозной цементацией заостренной части. Затем была применена термическая обработка – закалка в холодной воде. Аналогии подобному изделию не известны (Хомутова Л.С., 1982, с. 203).

Специализированным инструментом кузнеца по изготовлению гвоздей и заклепок являются гвоздильни. Две с круглыми и квадратными отверстиями диаметром 0,6–0,9 см обнаружены на Терву-Линнасаари.

Бытовой инвентарь и орудия труда. Довольно частыми находками при исследовании городищ являются замки и ключи, поэтому с наивными представлениями об отсутствии посягательств на чужое добро в древние времена лучше расстаться. Большинство замков цилиндрических, меньше съемных, цельнометаллических, видимо, от ларцов. У двух замков была предусмотрена дополнительная защита от вскрытия путем подбора ключа: ключевое отверстие прикрывалось вертикальными щитками. Много ключей-отмычек от деревянных задвижек, от внутренних и съемных замков (Вклейка, 27а).

Неотъемлемой принадлежностью мужского и отчасти женского набора инвентаря были кресала: калачевидные с выступающим язычком, удлинненно-овальные и овальные кресала (Вклейка, 33а:3, 6, 8, 9). Известны кресала индивидуальной формы: одно с изображением бегущей собаки, другое с ажурной рукоятью. Последнее привлекает к себе внимание конструктивными особенностями: рукоять соединялась с рабочей частью методом горновой пайки.

Ножи – массовая находка. По форме и размерам они идентичны изделиям с древнерусских памятников: прямая спинка клинка отделена от черешка уступами, расположенными симметрично или асимметрично. Переход от спинки к черешку мог быть и резким, и плавным. Длина ножей в среднем 9,3–17,1 см, ширина соответственно от 0,9 до 2,3 см. По функциональному назначению большая их часть – хозяйственные ножи, имеются столовые и столярные. Являясь универсальным инструментом, они использовались при выполнении разнообразных работ. На Терву-Линнасаари найдены оригинальной формы складной нож в железном футляре и крупный столовый нож длиной около 30 см (Вклейка, 26а). Сохранились навершия для рукоятей ножей.

На городище Хямеенлахти обнаружены два идентичных угловых ножа Г-образной формы. Как сообщают очевидцы, еще до недавнего времени таким инструментом могли пользоваться при снятии шкуры с нерпы.

Железные бритвы (Вклейка, 33а:2, 4, 5, 7, 10) использовались древними карелами на протяжении X–XIII вв., но форма их менялась. Ранние – продолговатые, узкие, слегка изогнутые, с направленной вниз дугообразной ручкой, более поздние близки новгородским изделиям. Одна такая бритва с городища Паасо с ручкой в виде петли хранилась в железном футляре (так она хранится до сих пор). Проведенный в Новгороде эксперимент показал, что отточенной бритвой из далекого XIII в. можно было пользоваться и в наше время.

Пружинные ножницы – рядовая вещь для многих памятников конца I – начала II тысячелетия. Они присутствовали в древнекарельских женских погребениях обычно в ногах (в одном случае помещались на левом плече погребенной), а также на городищах. Имели длину от 14,2 до 20,2 см (Вклейка, 28а).

Сковороды, кованые тонкие экземпляры диаметром 20–26 см со слегка выпуклым дном, сильно изношены в процессе частого употребления. Сковородники стандартной формы: четырехугольный стержень заканчивается двумя короткими зубцами, из которых верхний – слегка выпуклый, нижний – прямой длиной от 15,5 до 30,3 см. В приладожских курганах сковороды и сковородники, не отличающиеся от древнекарельских ни диаметром сковородок, ни длиной сковородников, датируются X–XII вв., но основная масса приходится на XI в. (Кочкуркина С.И., 1989, с. 258). В Новгороде сковороды чаще встречались в слоях X–XI вв., сковородники – в слоях XI–XIII вв. (Колчин, 1959, с. 105). В Изборске сковороды известны с X в. (Седов В.В., 2007, с. 291–294).

Светцы использовались для держания лучины при освещении помещения. Они представляют собой Г-образной формы изделие, у которого верхняя (рабочая) часть в виде щели, куда вставлялась лучина, и прямой стержень. Известен также оригинальный лучинодержатель П-образной формы.

Иглы-спицы – предметы прядильного производства (Вклейка, 29а). Они использовались для прикрепления кудели льна к прялке (спица протыкала кудель и входила в отверстие на прялке). У древних карел и веси некоторые железные иглы обнаруживают полное сходство, наверно, по причине их стандартного массового производства в Новгороде, где они датируются XIII – началом XV в., но основная масса – XIV в. Сейчас утвердилось мнение, что иглы-спицы являлись предметами прядильного производства, но, учитывая огромный ареал и длительное использование, по всей вероятности, не всегда можно однозначно определить их назначение.

Шипы в виде круглой или овальной в плане шайбы, в центре которой располагается четырехугольный заостренный шип, а по бокам заостренные стержни, были знакомы населению северо-западного Приладожья еще в

I тысячелетии н.э. В этом отношении новгородская Карелия не представляет исключения – в Новгороде такие шипы известны с X по XVI в. Вместе с тем назначение предметов до сих пор не выяснено, их считают лошадиными подковами, обувными шипами или оковками деревянных палиц (Колчин, 1959, с. 115). Второе предположение вряд ли уместно – расстояние между боковыми отростками, как правило, не более 3 см, что для прикрепления к обуви непригодно. Для этой цели существовали другие приспособления. Встречены трехрогие ледоходные шипы с тремя загнутыми под прямым углом остриями, двурогий, овальный с прорезью в центре или без нее и шипами на концах. Они крепились к обуви для хождения по льду, скалистым склонам и деревьям (Вклейка, 34а). На Севере Восточной Европы применялись в X–XIII вв. (Голубева Л.А., 1973, с. 131).

В употреблении у населения были различной емкости медно-бронзовые котлы, от которых сохранились обломки и железные ушки, крепившиеся к верхнему краю сосуда. Для подвешивания над огнем использовались цепи. На древнекарельских памятниках найдены дужки от ведер, ручки от деревянных ларцов, дверные пробой. Широко использовались в быту шилья, проколки, швейные иглы (Вклейка, 33а:1).

Ювелирное ремесло и предметы украшения. Меднолитейное дело в древнекарельских землях развивалось в русле передовых традиций. Впервые результаты спектрального анализа химического состава металла 55 находок из археологических раскопок на городищах Тиверск и Паасо были осуществлены в 1980-е гг. (Васильева Э.С., 1982, с. 185–188). Несмотря на то что Э.С. Васильева использовала качественный метод оценки концентрации химических элементов, эти данные позволили определить набор цветных металлов и сплавов, характерных для карельских памятников, и высказать суждения относительно источников поступления ювелирного сырья на эту территорию.

Спустя почти тридцать лет в практику археологических исследований вошли более совершенные методы определения химического состава древних металлов и сплавов. С их помощью можно получить информацию о количественном содержании элементов без отбора проб и ущерба для сохранности изучаемых объектов. Для изучения химического состава привлечены 76 находок с древнекарельских городищ (исследование осуществлено сотрудником кафедры археологии МГУ Н.В. Ениосовой (2010, с. 248–262).

Анализ показал, что из свинцовых латуней (сплав меди, цинка, свинца) изготовлены изделия, датирующиеся X–XII вв. Многочисленна группа предметов украшения из оловянно-свинцовых бронз: овально-выпуклые фибулы, цепедержатели, рукояти ножей и т.д. Они были серебристо-серого

цвета и производили впечатление серебряных (мы их таковыми и считали). Характерные примеси – серебро, мышьяк, сурьма – свидетельствуют о происхождении сырья из месторождений, обнаруженных на территории Германии. Изделия из свинцовых латуней хрупкие, поэтому их нельзя было подвергать даже простым кузнечным операциям из-за опасности повреждения.

Серебро представлено тремя пробами. Круглая фибула с гравированным орнаментом (Паасо, Вклейка, 32а:15) выполнена из двухкомпонентного высокопробного драгоценного металла. Менее высокая проба обнаружена у серебра, использованного для изготовления длинной иглы подковообразной фибулы (Тиверск, Вклейка, 21а:3), и круглой застёжки, у которой половина дуги ложновитая (Паасо; Вклейка, 32а:16). Серебряный прут из Тиверска был исследован Э.С. Васильевой. Помимо меди и свинца, в металле этого предмета есть цинк и олово. Различные комбинации легирующих компонентов в серебре, как правило, свидетельствуют о том, что к драгоценному металлу добавлялись в виде лома бронзовые, медные или латунные изделия, а также свинец в чистом виде.

Разнообразие карельских сплавов объясняется прежде всего многократной переплавкой изделий и сырьевых продуктов, поступавших из различных источников. Карельская выборка имеет много общих черт с новгородской и в целом вписывается в картину распространения ювелирного сырья на Северо-Западе в X–XV столетиях. Однако состав цветного металла Карелии отражает специфическую ситуацию этого региона, вовлеченного в торговые и политические контакты как с Новгородом, так и с Западом.

На древнекарельских памятниках обнаружены обломки льячек, тиглей, разнообразный инструментарий, предназначенный для ювелирного ремесла. Так, на городище Паасо найдено волочило для протяжки проволоки из медного сплава. В ювелирном ремесле использовались молоточки, с помощью которых производилась выковка ювелирных изделий, зубила (ими обрабатывались кусочки металла, а маленькими наносился орнамент), бородки для пробивания отверстий, пинцеты с плоскими губами для филигранной работы. Сюда же относятся весы для взвешивания компонентов при составлении сложных сплавов из цветных металлов и гири.

На городище Паасо найдены медная чашечка весов (диаметр 5,5 см) для малых взвешиваний и три гири. Уплотненная сферическая железная гиря, обтянутая листом из медного сплава, кратность которой обозначена пятью кружками на обеих плоскостях весила 94,5 г, что равняется приблизительно половине гривны серебра новгородской денежной системы того времени. Вторая железная гиря с остатками бронзового покрытия весила 12,3 г, третья 4,4 г.

Многочисленные ювелирные изделия отражают этнографические особенности костюма древнекарельского населения, в первую очередь женского: серебряные и медные застёжки, использовавшиеся для прикрепления к волосам головного платка (*sykerö*, по финляндской терминологии), уникальны и свойственны только кореле, проживавшей на Карельском перешейке (Рис. 48:3), круглые выпуклые броши (Рис. 47:2) для застегивания ворота рубахи. Местом их производства могла быть Швеция, скорее всего, о. Готланд, поскольку именно здесь найдены предшественники карельских застёжек. На круглых древнекарельских фибулах видно и восточное влияние (Кочкуркина С.И., 1986, с. 56–59). Круглая серебряная фибула с городища Паасо, упомянутая выше, формой напоминает древнеэстонские изделия, но имеет типично древнекарельский орнамент.

О связях с Русью свидетельствует иконка с изображением Иисуса Христа, медальон – с изображением Марии Оранты (Рис. 48:4), фибула с узором «процветший крест».

Крупные подковообразные, с растительным узором фибулы давно получили в научной литературе название карельских (Рис. 48:1, 7; 49; 50). Большинство находок сконцентрировано в центральной части Карельского перешейка и в Саво. За пределами ареала они известны в Ижорской земле, Эстонии. Наиболее распространены на древнекарельских памятниках овально-выпуклые фибулы нескольких типов (Вклейка, 21а: 1, 2; 22а:1; 25а:1–3, 6; 31а: 1–3, 8, 9), скреплявшие на предплечьях два полотнища женского шерстяного безрукавного одеяния. Одни из них имели ограниченный ареал, другие более широкий. Самыми распространенными были застёжки с изображением клешней рака. Из более чем сотни изделий 46 найдены в северо-западном Приладожье, 34 – в Миккели (главным образом в могильнике Тууккала), 10 – в Хяме. Кроме того, они обнаружены при раскопках Новгорода, Изборска, Орешка, памятников бассейна р. Невы и Швеции.

В нагрудных украшениях между овально-выпуклыми фибулами и цепедержателями располагались пронизки, своей формой напоминающие букву Ф (Вклейка, 21а:13; 23а:3; 25а:13, 14; 31а:4). Через них пропускался шнур, один конец которого привязывался к верхнему украшению, другой – к нижнему. Иногда между Ф-образной пронизкой и цепедержателем помещались металлические бусы. К ушкам Ф-образных пронизок подвешивались миниатюрные украшения треугольной, ромбической, сердцевидной формы, а также в виде бубенчиков, лапок водоплавающей птицы (Вклейка, 21а:9; 22а:10, 12; 25а:7, 9; 31а:5–7, 10–13; 32а:22). Известны пронизки с одной парой ушек (по одному с каждой стороны) и двумя парами (по два ушка, одно под другим, с каждой стороны). Редки изделия с большим количеством ушек на одной стороне. Такие украшения найдены в памятниках центральной

части Карельского перешейка, но на северном берегу Ладоги их немного. В западную Финляндию они занесены выходцами с Карельского перешейка. Характерны для перми вычегодской с X по XIV в (Савельева Э.А., 1971, табл. 35:8, 9; 36:18–21; 1972, с. 13). Кроме того, характерные для корелы Ф-образные пронизки выявлены в новгородских слоях последней четверти XIII – середины XIV в.

Цепедержатели из цветного металла являются яркой особенностью древнекарельской материальной культуры. Спиралевидные цепедержатели простой формы близки к аналогичным изделиям XI в., обнаруженным в Финляндии, а те, в свою очередь, восходят к более ранним образцам второй половины I тысячелетия. Спиралевидные усложненной формы и более крупные следует считать, видимо, типично местным изобретением (Вклейка, 25а:4, 5). За пределами территории летописной корелы единичные экземпляры встречены на островах Готланд и Сааремаа, на Ижорском плато, в погребении у дер. Пьянково около Костромы, в Орешке, в Новгороде (Кочуркина С.И., 1982, с. 112–113).

Наиболее распространенными были ажурные крестообразной формы цепедержатели, имитирующие плетение двойного металлического шнура, с прикрепленными к нижней части ушками, к которым подвешивались бубенчики, но чаще – сердцевидные подвески (Рис. 48:11; Вклейка, 23а: 2; 25а:10; 31а:14–17). Встречены на памятниках северо-западного Приладожья, на территории Финляндии в могильниках Тууккала и Каускила. За пределами этого региона подобных изделий нет.

Пластинчатые колоушки с петлей в верхней части и узкой лопаточкой внизу были обязательной принадлежностью древнекарельского костюма (Вклейка, 21а:5–8, 10; 22а:8; 23а:1; 25а:11, 12). Делались из медных сплавов и железа, редко из кости. Большинство представлено изделиями с гравированным орнаментом. Такие колоушки встречены в могильниках Миккели и характерны для обширных территорий финно-угорского мира, но западнее Саво крайне редки.

Шумящих подвесок немного. Они носились на длинной цепочке, спускающейся от нагрудного украшения (справа или слева) до пояса. Древними карелами, судя по всему, не производились, а завозились, видимо, из Новгорода, где было налажено их производство (Вклейка, 21а:4; 32а:17, 18).

В женской и мужской одежде использовались разнообразные кольцевидные и подковообразные фибулы (Вклейка, 21а:16; 23а:6; 32а: 3–11, 12). К нагрудным украшениям относятся так называемые решетчатые подвески (Вклейка, 32а:19, 21). Такие подвески-медальоны получили большое распространение в славянской среде (Седова М.В., 1981, рис. 10: 1, 2) и датируются XII–XIV вв. Обломок янтарного крестика (Вклейка, 32а:14) аналогичен многочисленным изделиям Северо-Запада Руси.

На территории корелы получили распространение ножи с орнаментированными рукоятями, хранящимися в кожаных ножнах, которые украшались медно-бронзовыми пластинками (Рис.47:5; Вклейка, 21а:11; 22а:7; 32а:1, 2). Они прикреплялись к нагрудным цепочкам, свисавшим чуть ниже пояса с правой или левой стороны. В северо-западном Приладожье известны в могильниках и на поселениях. Отдельные предметы обнаружены в Швеции, на территории Ижорского плато, в городах Копорье, Орешек и Новгород (Кочуркина С.И., 1982, с. 118–122). Однако независимо от того, где они производились и куда попали в результате торгово-культурных контактов, они являются предметами древнекарельской культуры.

Бус на памятниках летописной корелы немного, да и носились иначе: как правило, они входили в состав нагрудных украшений и использовались иногда вместо Ф-образных пронизок.

Известны экземпляры из цветного металла и стекла. Среди серебряных особо следует выделить украшенные филигранью шарообразные, биконические и бочонкообразные бусы из тиверского клада. Поразительно сходство бус двух кладов: Халикко (Финляндия), датируемые XII в., и Тиверска – в том и другом есть не только одинаковые их типы, но и круглая подвеска, украшенная зернью и филигранью. Однако тиверский клад, видимо, был зарыт в XIII–XIV вв. (Вклейка, 20а).

Цилиндрические бусы из цветного металла нескольких вариантов обнаружены на городище Паасо: бусы с тремя напаянными волкютами или кружками или со шнуром посередине. Носились они на кожаном или шерстяном шнуре, соединяющем Ф-образную пронизку, или под овально-выпуклой фибулой, но не на шее.

Стеклянные бусы включают группу глазчатых бус: черные с красными полосками и белыми глазками, желтые с красными ресничками (Вклейка, 22а:19–22). Дата X–XI вв. типична для таких вещей на всем Севере европейской части России. Глазчатые бусины из Тиверска и Паасо, возможно, относятся к более ранним, нежели само городище, слоям, но глазчатые бусы из могильников Карельского перешейка свидетельствуют, может быть, об их сохранении в быту по меньшей мере до XIII в.

Черные бусы с белой и желтой спирально-волнистой инкрустацией датируются, по новгородской стратиграфии, XII–XIV вв. (наиболее характерны для XIV в.) (Щапова Ю.В., 1956, с. 176–177), что вполне соответствует времени существования древнекарельских памятников. Кроме того, встречены мозаичная бусина, синие стеклянные. Были в употреблении золоченые бочонкообразные бусы из стекла.

Перстни представлены индивидуальными формами (Вклейка, 32а:13, 20). Половинка широкого перстня украшена черненным растительным орнаментом и пластинчатый незамкнутый перстень с

фигурной срединной частью и плохо различимым рисунком происходят из Тиверска В XIII–XIV вв. на щитках перстней появляются гравированные изображения. Так, почти круглый щиток тиверского перстня, явно мужской, имеет выполненное гравировкой изображение коня. Овальными короткими штрихами подчеркнуты крылья. Сохранились и кольца традиционной формы (Вклейка, 22а:13)

Для украшения женской одежды широко применялись спиральки, скрученные из медной проволоки различного диаметра (Вклейка, 22а:14–16; 32а:25). Эта традиция характерна как для ранних, так и для поздних этапов развития древнекарельской культуры и распространилась на северо-западных берегах Ладожского озера, а также в юго-восточной Финляндии (Кочкуркина С.И., 1986, с. 72–73).

Ткачество. О высококачественном ткачестве у карел свидетельствуют как археологические материалы, так и некоторые берестяные грамоты с записями поборов с населения в виде домотканых шерстяных тканей. Из льняной ткани изготавливали мужские и женские нательные рубахи, шейные украшения. Ткани из овечьей шерсти, применяемой для пошива верхней одежды, разнообразнее по цветовой гамме и техническому исполнению – полотняного и более сложного саржевого переплетения. Известны фрагменты толстой полосатой материи, сотканной из двух-трех разных по цвету нитей, ссученных вместе. Знакомо древним карелам плетение и тканье шерстяных и льняных лент, тесьмы, бахромы, шнурков, употреблявшихся для отделки женской одежды и шейных украшений. Узорчатая и гладкая тесьма получалась при тканье на четырехугольных дощечках с отверстиями в углах. Найденные в древнекарельских могильниках фрагменты льняной тесьмы имели узоры в виде елочки, ленточного переплетения (как у некоторых фибул и орнаментированных рукоятей ножей). Привозными были брокатные¹⁵ ленты. Кроме шерстяных гладкоокрашенных плетеных шнуров использовались узорчатые диагонального переплетения и разноцветные.

Сырьем для тканей служила овечья шерсть. О выращивании волокнистых культур для льняной одежды есть только косвенные свидетельства. По данным этнографов, в Карелии, кроме северных районов, сеяли лен-долгунец (моченец), в меньшем количестве культивировали коноплю, поскольку для нее требовались удобренные земли и более длительный срок созревания.

На памятниках древних карел многочисленны находки пряслиц, которые насаживались на конец веретена для устойчивости и долгого вращения при ручном прядении пряжи.

Пряслица были костяными, шиферными, из песчаника, но чаще были глиняными. Первые делались из костей животных, конфигурацией которых определялась их форма: фигурная (из верхней части голенной

¹⁵ Брокат – парча.

кости животного), дисковидная и полушаровидная. Они украшались концентрическими бороздками, в некоторых случаях – вертикальными штрихами.

Шиферные пряслица розового и серого цветов представлены битрапечиевидной и дисковидной формами. Как установлено, пряслица розового цвета изготавливались в окрестностях г. Овруча на Волыни, откуда они распространились на огромной территории. Эта точка зрения нашла весомое подтверждение при изучении остатков камнерезного производства на Овручском кряже (Археология севернорусской деревни X–XIII веков, 2008, с. 258). Однако находки кусков розового шифера, полуфабрикаты пряслиц, обнаруженные при археологических раскопках в Суздале, свидетельствуют об их местном производстве (Седова, 1997, с. 178). Время их употребления X–XIII вв. Изделия из серого шифера считаются продукцией местного производства (Мальм, 1971, с. 197–206; Рыбина, 1978, с. 24–27). Вместе с тем следует отметить, что, вероятно, не все пряслица использовались по прямому назначению. Их разнообразные функции подтверждаются древностями Восточной Европы (Мальм, 1971, с. 200). Вполне допустимо, что овручские пряслица играли роль денег (Янин В.Л., 1956, с. 189).

Глиняные пряслица имеют битрапечиевидную, бочонкообразную, полушаровидную и дисковидную форму. Нестандартное пряслице из Хямеенлахти высотой 4 см, шириной 4,25, диаметром отверстий 1–1,1 см весило 53,5 г и было покрыто поливой со следами сажистого пятна.

Одежда. Восстановленная по материалам могильников женская одежда отличалась индивидуальностью, зависящей не только от личных вкусов, но и от возраста и социального положения. Это выражалось в деталях одежды, цветовом сочетании, составе металлических украшений. Например, у одной из женщин из могилы Кекомьяки–1 почти белое безрукавное одеяние (или длинная юбка, идущая от плеч), окаймленное красно-коричневой узорчатой тесьмой, скреплялось на предплечьях овально-выпуклыми фибулами со «звериным» орнаментом, от которых спускались последовательно Ф-образные пронизки с привесками, спиралевидные держатели цепей и железные цепи, заканчивающиеся с правой стороны копоушкой, с левой – ножом с орнаментированной рукоятью в ножнах. Тонкая льняная рубаша, отделанная тесьмой с серебряными нитями, застегивалась у ворота орнаментированной пластинчатой выпуклой фибулой. Темно-серый передник, украшенный широкой полосой из медно-бронзовых спиралек, составляющих сложные композиции, представляет собой лучший образец изделий северо-западного Приладожья и Финляндии. Головной платок синего цвета прикреплялся к волосам серебряной застежкой сюкерё и подковообразной фибулой карельского типа. Пальцы рук украшались перстнями. Имелась ли наплечная накидка у этой женщины, сказать трудно, так

как в могиле была погребена еще одна женщина и их вещи перемешались. Но одно светло-серое наплечное покрывало все-таки зафиксировано. Финляндская исследовательница П.-Л. Лехтосало–Хиландер полагает, что оно принадлежало второй погребенной, одетой в темно-коричневую, почти черную юбку и серый передник, довольно скромно украшенный по нижнему краю спиральками. О головном платке не упоминается, но, видимо, он был, поскольку присутствует головная застежка.

Для костюма из могилы Кекомьяки–5 характерна иная цветовая гамма: безрукавная одежда, украшенная двухцветной каймой, наплечная накидка с бахромой и головной платок – темно-коричневые. В детском погребении отмечены безрукавное платье, наплечная накидка, но отсутствует головной платок и передник. Видимо, эти детали одежды не носились подростками. Из предметов украшения в могиле найдены круглая нагрудная и две овально-выпуклые фибулы, украшенные плетением, подковообразная выпуклая застежка карельского типа, спиралевидные цепедержатели, пять различных бусин, двухголовая коньковая подвеска, маленький нож со следами кожаных ножен и т.д. Костюм из Кекомьяки–6 включал серую юбку, окаймленную жгутом, серую наплечную накидку, синий передник, украшенный одинарной каймой из спиралек, и соответствующие предметы украшения. Женский наряд из могилы Леппясенмяки–4, при его похожести на предыдущие, отличался некоторыми деталями. На лбу умершей было украшение из спиралек, на шее – ожерелье из бус, на талии – пояс. Еще большим разнообразием выделяется одежда из могильника Ховинсаари (Lehtosalo–Hilander P.-L., 1979; 1980; Кочкуркина С.И., 1986, с. 65–74). В XIII–XIV вв. костюм, возможно, несколько изменился, но продолжал соответствовать моде XII–XIII вв.

Фасоны костюмов в общих чертах свойственны населению западной, восточной Финляндии и северо-западного Приладожья, что объясняется влиянием определенных исторических, географических и социально-экономических факторов, но различны в деталях, отражающих особенности материальной культуры этносов.

Мужчины носили шерстяные или льняные рубахи, скреплявшиеся у ворота маленькой застежкой. Кафтан шился из валяной шерсти и на груди скреплялся фибулой. К кожаному поясу с железными и бронзовыми пряжками привешивались нож в чехле, кресало, брусок. Некоторые носили берестяные ленты, обернутые тонкой тканью с нашитыми позолоченными серебряными пластинками и крестообразной подвеской в центре. От обуви, как мужской, так и женской, сохранились маленькие фрагменты и восстановить ее невозможно.

В последние годы реконструкцией национальных костюмов заинтересовались и в нашей стране. Хочу обратить внимание на качественное

и научно обоснованное воссоздание древнекарельского женского костюма и сопутствующих ему украшений Сампо-центром (Санкт-Петербург). Специалисты не стремились к созданию точной копии древнего костюма, да это и невозможно, поскольку ткани и технологии совершенно другие, но достигнута, на мой взгляд, главная задача – познакомить заинтересованных лиц с эстетическими взглядами и технологическими достижениями карел в эпоху Средневековья (Вклейка, 36а).

Сельское хозяйство и промыслы. Благоприятные природно-климатические условия северо-западного Приладожья, плодородные земли способствовали развитию пашенного земледелия. По всей вероятности, как и в лесной полосе России, оно стало распространяться в начале II тысячелетия в результате повсеместного использования сохи, упряжного почвообрабатывающего орудия, которое повышало производительность труда в сельском хозяйстве и способствовало получению более высоких урожаев при длительной эксплуатации подсеки. Возникли условия для освоения новых земель, которые раньше считались малопригодными для сельского хозяйства. Кроме сохи, использовались мотыги, наральники, серпы и косы (Вклейка, 30а:1, 3).

Орудия труда сельского хозяйства и промыслов представлены почвообрабатывающими орудиями – сошником и мотыгами. Единственный сошник найден на Терву-Линнасаари. Изготовлен из толстого листа железа с загибами с обеих сторон для закрепления к деревянной части сохи. Рабочий конец овально-заостренный. Аналогичен новгородским изделиям XIII в. (Археология СССР, 1985, с. 236, табл. 84:14, 15).

Для вторичной обработки почвы – разбивания комков земли, рыхления, работы на огородах – применялись мотыги.

Они встречены на территориях, заселенных предками собственно карелов, карелов-ливвиков и карелов-людигов (Kivikoski E., 1973, S. 148, Abb. 1241), поэтому тип мотыг назван карельским. В Финляндии известны 3 экз., четвертый – случайная находка на территории Карелии. В северо-западном Приладожье они использовались в X–XI вв.; на Олонецком перешейке мотыги зафиксированы в могильнике у дер. Симоннаволоок, в курганах у д. Большие Горы (Равдоникас В.И., 1934, табл. VI, 15–17) в тех захоронениях, которые имеют сходные черты с погребениями северо-западного Приладожья.

Длительное время у населения северо-западных берегов Ладожского озера были в употреблении серпы. Серп с городища Тиверск, как показал металлографический анализ, имел самозатачивающееся лезвие, закаленное на мартенсит. Технология трехслойного пакета обеспечивала высокий технический уровень древнерусских изделий, которые, как уже отмечалось в печати, были близки современным серпам, но порой и лучше современных

(Левашева В.П., 1956, с. 67, 73). Кроме того, серпы обнаружены и в древнекарельских могильниках в женских погребениях.

В эпоху расцвета древнекарельской культуры использовался новгородский тип серпа, который распространился с территории Корельской земли далеко на север – в глухие отдаленные лесные районы, и на запад – в экономически развитую западную Финляндию, о чем свидетельствует и общность терминологии (*sirppi* – серп) в карельском и финском языках. По этнографическим данным, традиция использования новгородского серпа в восточной Финляндии, Приботнии и на обширных пространствах Севера существовала в течение многих веков (Vilkuna K., 1934, S. 224, 228, Abb. 2).

Молотили зерно, вероятно, деревянными цепями (карелы пользовались ими еще в начале XX в.). Для приготовления крупы из зерна применялись металлические цилиндрики, надетые на деревянные рукояти. Они имели в разрезе полуовальную расширяющуюся кверху форму. Размеры их (высота и максимальный диаметр верхней части) 3,7 x 3,5 – 5,3 x 4,5 см. Дно прямое или слегка округлое.

Возделывали рожь, пшеницу, ячмень, овес. Постепенно пшеница уступила место ржи и овсу. Неприхотливый и быстро созревающий ячмень тоже широко культивировался в Карелии. К концу XV в., по свидетельству писцовых книг, уже повсеместно использовалась трехпольная система земледелия. Навоз в качестве удобрения стал употребляться позднее, но именно его сочетание с новой системой земледелия позволило освоить худшие земли (Шапиро А.Л., 1977, с. 50). Наряду с определенным прогрессом в земледелии подсека на Севере оказалась необыкновенно живучей. С пожаром связан значительный пласт лексики. Картографирование земледельческих топонимов показало, что, хотя они и встречаются в северо-западном Приладожье и пограничных областях повсеместно, концентрация их отнюдь не равномерна. Наиболее часто они фиксируются в центральной части Карельского перешейка, в районе повышенной плотности населения, и реже – на северном побережье Ладожского озера (Кочкуркина С.И., 1982, с. 149–151, рис. 34).

Тем не менее своего хлеба зачастую не хватало. Летописи довольно часто сообщают об неурожайных годах, например, под 1423 г. записано: «И мор бысть в Корельской земли». Хлеб приходилось закупать на стороне, в Эстонии, или через посредников-готландцев.

Велика была и роль животноводства на Севере. По остаткам костей в археологических памятниках установлено, что корела держала лошадей, овец, свиней и в большом количестве коров, хотя коровы были низкорослыми и малопродуктивными. Наиболее интенсивное скотоводство, судя по зафиксированным топонимам, характерно для населения Карельского

перешейка и северных берегов Ладожского озера. Для выпаса крупного рогатого скота, коров, например, использовались металлические ботала (колокольчики), подвешиваемые на шею животного. Стальное ботало, найденное при раскопках Паасо, сверху и изнутри было покрыто медью для придания мелодичности звуку.

О стойловом содержании скота свидетельствуют косы-горбуши (Рис. 47:10; Вклейка, 30а:1). Обломки их найдены в Тиверске, Лопотти (раскопки Аппельгрена), Паасо, целый экземпляр в Терву-Линнасаари. Коса-горбуша – рубящий тип орудий – имела небольшой длины косовище, так как ею скашивали траву слева направо и справа налево. В XII–XIV вв. ареал косы-горбуши охватывал и северо-западные берега Ладожского озера. В Карелии такие косы бытовали до сравнительно недавнего времени, поскольку они как нельзя лучше подходили для кошения трав на неудобных участках.

Не утратили своего значения охота и рыболовство. Охотились с собакой на медведя, северного оленя, куницу, лисицу, белую росомуху, белку, бобра, тюленя, птицу. Охотники пользовались специально предназначенными для этой цели железными и костяными наконечниками стрел. Шкурками пушных зверей, как свидетельствуют об этом берестяные грамоты, погашались феодальные повинности. Охотники располагали обширными угодьями, не в пример земледельцам, у которых пашни занимали незначительную площадь. Охотничья терминология распространилась по всей территории расселения древних карел, но особенно плотно – в северной части.

О рыболовстве известно по находкам железных рыболовных инструментов – крючков, блесен, гарпунов, острог, а также глиняных и каменных грузил для сетей и удочек. Рыболовные крючки с петлей для подвешивания (иногда с отверстием в верхней части) и зазубренным концом (в одном случае отсутствует) традиционной сохранившейся до наших дней формы были рассчитаны на довольно крупную рыбу. На Терву-Линнасаари обнаружена железная блесна, возможно, для зимней ловли. По контуру изделия с внешней стороны нанесены насечки, которые, как полагают, имитируют чешую. Аналогичный экземпляр встречен при раскопках средневековой Ладоги, а также в памятниках Северо-Запада IX–X вв. (Тарасов И.И., 2001). Вторая блесна на этом городище сделана из тонкой пластинки (медный сплав), с отверстием. Противоположный заостренный конец обломан (Вклейка, 25а:15).

Двузубый гарпун длиной 19,4 см сделан из четырехгранного дрота, перевитого в верхней части; однозубые из толстого четырехгранного круглого в сечении дрота (длина до 13 см). На крупную рыбу, что неудивительно, поскольку городища располагались вблизи огромных водоемов, применялись составные трехзубые остроги. Для крепления к древку на них были боковые

упоры. В Новгороде остроги обнаружены в слое XIV в. (Колчин Б.А., 1959, с. 77), но полагают, что они более характерны для западнорусских земель (Археология СССР, 1985, табл. 89: 12, с. 227).

Каменные гальки, завернутые в бересту, использовались в качестве грузил. Больше всего их обнаружено в Тиверске, где встречено также грузило для удочки. На городище Паасо найдено рыболовное глиняное грузило.

Обработка камня, дерева и кости. Эти занятия были традиционными для карел на протяжении многих веков. Из дерева строили дома, лодки, изготавливали посуду, рукояти кос, серпов, мотыг. Береста использовалась и в хозяйственных целях, и при совершении погребальных обрядов, в художественном ремесле. Развитому деревообрабатывающему ремеслу соответствовал разнообразный плотницкий инвентарь: топоры различных типов, долота, сверла, скобели, резцы, стамески, ножи, гвоздодеры и т.д.

При раскопках собрано много точильных брусков из крупнозернистых пород камня – гранита, кварцита, песчаника, используемых для заточки кос, серпов, топоров. Оселками из более мягкого материала (шифера) затачивали железные и медные швейные иглы, бритвы, ножи. Для работы по кости применялись резцы, которые, судя по находке такого изделия в Тиверске, делались по технологии трехслойного пакета.

Гончарное ремесло. Бытовая посуда представлена глиняными горшками, медными и железными котлами, деревянными сосудами. В I – начале II тысячелетия пользовались глиняной посудой, сделанной ручным способом, позднее – на гончарном круге. Горшки орнаментированы волнистыми и параллельными линиями, но встречены узоры в виде овальных, округлых, подковообразных вдавлений, ромбовидных и треугольных ямок, квадратов, нанесенных в шахматном порядке. Примесью к глиняному тесту служили кварц, крупнозернистый песок, дресва, слюда, шамот, иногда охра, древесная зола и асбест. Одни добавки уменьшали усадку изделий во время их сушки и обжига, другие увеличивали огнестойкость горшков. В целом древнекарельские горшки имели форму, аналогичную древнерусским или похожую на них. Это, однако, не исключает керамического производства на месте, что подтверждается особенностями форм, орнаментации, составом глины и различным качеством посуды.

Предметы вооружения, снаряжение всадника и коня. Древнекарельские памятники содержат большое количество оружия: мечи, наконечники копий и стрел, боевые топоры.

10 мечей по своей форме и орнаментации близки западноевропейским образцам (Рис. 47:4). Наконечники копий (Вклейка, 24а) представлены несколькими типами, аналогичными древнерусским изделиям, и датируются

ХII–ХIII вв. Имеются выразительные экземпляры с узорчатым лезвием и втулкой, украшенной растительным орнаментом из серебряного дрота¹⁶. Тип широкого и массивного наконечника копья из Ранталиннамяки (длина 36 см, диаметр втулки 3,2 см) не определен. Он близок к новгородской рогатине рубежа ХIII–ХIV вв. (Медведев А.Ф., 1959, рис. 4: 2). В процессе расчистки двух наконечников копий (Куркиёки, Ранталиннамяки; Вклейка, 24а:1, 2) обнаружены остатки серебряного покрытия. Рентгено-флуоресцентный анализ, который осуществил Сергей Хаврин из Государственного Эрмитажа (сердечное ему спасибо), показал, что это довольно чистое серебро, примерно 900 пробы (90% серебра в сплаве). Покрытие наносилось скорее всего с помощью амальгамы (аналогично горячему золочению). Серебряное покрытие сохранилось фрагментарно: оно находится на слое коррозии и покрыто ею, поэтому орнамент не читается.

Для втыкания копья в землю и содержания древка в чистоте применялись железные наконечники, насаживаемые на нижний конец древка – втоки (Вклейка, 24а:4). Кроме того, воин-копейщик мог использовать в рукопашном бою противоположный конец копья с острым втоком (Медведев А.Ф., 1959, с. 130). Вток высотой 7,6 см, диаметром втулки 2,2 см, с квадратным отверстием в верхней части обнаружен на Паасо; второй, с зауженным концом и овальным отверстием длиной 9,8 см, диаметрами втулки 2,2 x 2,9 см – на городище Лопотти; третий, разомкнутый, с квадратным отверстием – на Ранталиннамяки (длина 7 см, диаметр овала 2,5 см).

Наконечников стрел больше всего встречено на городище Тиверск, что вполне объяснимо его стратегическим положением на водной системе р. Вуоксы. Представлены разнообразными экземплярами. Срезни в виде расширяющейся кверху лопаточки наносили широкую и резаную рану коню и незащищенному доспехами воину. Граненые бронебойные черешковые наконечники пробивали металлические воинские доспехи: кольчуги, панцири, поскольку обычные стрелы в этом случае не эффективны. Совершенствование вооружения выразилось в появлении арбалета¹⁷, необходимого для пешего воина при штурме и обороне крепости. Наконечники к нему изготавливались в основном втульчатые. На одном хорошего качества экземпляре сохранилось схематическое изображение человеческой фигуры.

Подвергнутый металлографическому анализу черешковый наконечник стрелы ромбического сечения из погребения в Тиверске показал, что он сварен из трех полос: в середине – железо, по краям с обеих сторон – полосы стали. Сварочные швы прослеживаются только по шлаковым включениям, но граница просматривается довольно четко. Арбалетный наконечник стрелы из Тиверска сделан из стальной заготовки. При его формовке отковывались

¹⁶ Дрот – металлическая нить, проволока.

¹⁷ Арбалет или самострел – ручное метательное оружие в форме лука.

отдельно перо и втулка; последняя приваривалась к перу с помощью кузнечной сварки.

Топор был оружием рядовых и пеших воинов. Боевые топоры инкрустировались¹⁸. В ходе анализа многочисленного материала было установлено, что боевые и хозяйственные топоры типологически не разграничиваются, разница между ними в размере и весе. Значительная их часть принадлежит к универсальным изделиям, которые использовались и в сражении и в разнообразной хозяйственной деятельности: земледелии, деревообрабатывающем ремесле, строительстве и т.д. (Колчин, 1959, с. 25; Кирпичников, 1966, с. 29). И все-таки при раскопках древнекарельских городищ обнаружены ярко выраженные экземпляры боевого назначения. Маленький короткий топор с равномерно расширяющимся к острию лезвием и отверстием на нем, с двумя парами коротких щекавиц имеет с обеих сторон медную инкрустацию в виде параллельных полос в самой узкой части топора – между втулкой и лезвием. Такие же, но более короткие полосы повторяются на боковых гранях. Схожие образцы встречаются в Финляндии (Kivikoski E., 1973, Abb. 876); на о. Сааремаа в древностях X–XI вв., где их присутствие рассматривается в свете скандинавско-сааремааских контактов (Трумал В.К., 1979, с. 178). Имитацией боевого топора является миниатюрное изделие из Соскуа: у него тоже сохранились канавки, когда-то заполненные медным сплавом (длина 7,3 см, ширина лезвия 4,3 см, вес 41,6 г). Топорик-молоток с узким треугольным лезвием встречен в Тиверске (Кочкуркина С.И., 1981, табл. 6: 3). Близок изделиям XII–XIII вв. и топор-чекану конца XIV в. из Новгорода (Медведев А.Ф., 1959, рис. 5: 2; 6: 2). Топоры-секиры, получившие широкое распространение в древнекарельской среде, известны на памятниках Северной Европы с X по XIV в. Использовались карелами и другие типы топоров, употреблявшиеся многими народами.

Снаряжение воина, помимо оружия, дополнялось кожаными ремнями с поясными пряжками (Вклейка, 22а:9), бляшками, ременными кольцами и разделителями. Из редких изделий назовем концевую бляшку, на которой изображено животное, напоминающее барса (Вклейка, 22а:3). Прямоугольной формы бляшка с двумя стерженьками на обороте из Терву-Линнасаари (Вклейка, 25а:18) – единственная в своем роде и аналогий пока не имеет.

Широко использовались в ременных наборах железные, медные, изредка оловянные кольца, к ним подвешивались в специальных футлярах из бересты, кожи и ткани кремни, кресала, ножи и некоторые другие предметы.

Анализ предметов вооружения, обнаруженных на городищах, свидетельствует о том, что в распоряжении древних карел были в основном наконечники стрел, топоры, редкие экземпляры мечей и наконечников копий.

¹⁸ Инкрустация – изображение или орнамент из пластинок различного материала, в данном случае, металла.

К конскому снаряжению, кроме сбруи (уделели пряжки, бляшки и удила), относятся подковы, подковочные гвозди и скребницы. Конской сбруе, видимо, принадлежит железная застежка прямоугольная в сечении с широкой иглой и с тремя конусовидными заостренными выступами на поверхности.

Историко-культурная и этническая ситуация в XII–XV вв. Военную обстановку в приграничных древнекарельских землях в XII в. освещают записи в русских летописях под 1143 и 1191 гг., рассказывающие о столкновениях корелы с емью. Совместным военным силам новгородцев и корелы приписывалась организация так называемого Сигтунского похода 1187 г., в результате которого цветущий шведский торговый центр (на месте совр. Стокгольма) был сожжен. Сведений об этом походе в русских источниках нет, о нем рассказывает шведская хроника XV в. Некоторые исследователи полагают, что в этом походе участвовала корела. Другие, однако, считают эту версию фантастической, не подкрепленной фактами. Действительно, в Хронике Эрика утверждается, что поход совершен корелой, но в древних анналах говорится лишь о *pagani* (язычниках), местные же (шведские) предания приписывают поход жителям Виро, т.е. эстам.

Однако по итогам недавно проведенного критического анализа имеющихся в наличии материалов был сделан вывод, что Сигтунский поход не более чем историографический миф, не подтвержденный источниками (Рыбина, 2009). Иными словами, ни новгородцы, ни тем более корела к разорению города не причастны.

Нельзя не сказать, что с походом связано предание о Сигтунских вратах, которое относится к XVI–XVII вв., а может быть, и к XV в. Согласно преданию, русские, якобы разрушив город Сигтуну, увезли красивые городские ворота в Новгород и украсили ими Софийский собор. Но главные ворота собора, обратим внимание, называются не сигтунскими, а корсунскими. Это бронзовые многофигурные врата, сделанные немецкими мастерами в XII в. для католических соборов Магдебурга и Полоцка. Русский мастер в XV в. смонтировал заново древние пластины, добавил к ним собственное изображение и фигуру популярного на Руси сказочного кентавра, выгравировал перевод древних латинских надписей на русский язык и назвал свое имя – Аврам (Новгород, 1991, с. 76).

В летописи под 1191 г. содержится сообщение о совместном походе новгородцев и корелы на емь: «Ходиша новгородьци с корелою на емь и воеваша землю их, и пожьгоша, и скот исекоша». Подробиностей об этом походе нет. Считается, что задачей похода было восстановление новгородского влияния в центральной Финляндии и, следовательно, поход носил характер карательной экспедиции.

Такие, казалось бы, кратковременные набеги имели на самом деле глубокие политические причины, вызванные борьбой Новгорода и Швеции.

Свидетельством этому является поход 1198 г. на шведскую колонию Або (Турку). Как ни странно, но об этом событии известно не из русских летописей, а из финляндской епископской хроники. Предполагается, что в походе приняла участие и корела, ибо подобные мероприятия, совершаемые Новгородом, не обходились без нее. Удар был нанесен настолько решительный, что шведская колония не могла оправиться в течение 20 последующих лет. На этом закончился первый этап борьбы Новгородского государства со Швецией, чтобы возобновиться с новой силой через несколько десятилетий.

И.П. Шаскольский писал, что при значительных успехах Новгороду не удалось выполнить главной задачи – вытеснить шведов из юго-западной Финляндии; шведы использовали захваченную территорию как основной плацдарм для разворачивания военных действий против финляндского и древнекарельского населения.

Центральную Финляндию, заселенную емяю, Новгород считал сферой своих интересов и упорно отстаивал их в борьбе со Швецией. Русские политические деятели отчетливо понимали опасность такого соседства, но не смогли предотвратить ее. В 1227–1228 гг. произошли три важных события. Зимой 1227 г. Ярослав Всеволодович (внук Юрия Долгорукого, отец Александра Невского) двинул свои полки против еми, уже попавшей под влияние шведов, и, как сообщает, несколько преувеличивая, Лаврентьевская летопись, «всю землю их плени». В том же году произошло крещение карел¹⁹. Ярослав Всеволодович «послав крести множество Корел, мало не все люди», т.е. по его распоряжению было крещено почти все население, проживавшее, скорее всего, в центральных районах северо-западного Приладожья. Из краткого летописного сообщения непонятно многое: кто осуществлял крещение, каким образом оно происходило. Ясно, что принудительное крещение древних карел диктовалось общеполитическими и военными целями: закрепить власть над населением, нейтрализовать шведское влияние, приостановить распространение католицизма на приграничные новгородские земли.

Дальнейшие события показали, что такой способ решения территориальных споров в то время был необходим и оправдан. Согласно Ореховецкому мирному договору, заключенному в 1323 г., государственная граница отторгла западную корелу, попавшую под власть католицизма, шведских порядков и законов, от восточной, новгородской. По-разному сложились и их судьбы. Основная часть корелы, тесно связанная с Новгородом экономическими, политическими и культурными узами, осталась под его властью.

¹⁹ Д.Линд (Lind, 1977) подверг критике достоверность сообщений Лаврентьевской летописи о крещении карел в 1227 г., поскольку новгородские летописи об этом событии не говорят. Однако логике исторических процессов того времени эта акция не противоречит.

Религиозная сторона массового крещения карел в 1227 г. оказалась на втором плане. Естественно, за короткий срок язычество искоренить было невозможно. Рядовая часть населения, видимо, не изменила своих религиозных представлений. В археологических материалах XIII–XIV вв. предметы религиозного культа редки. Известна также берестяная грамота середины XIII в., написанная русскими буквами на древнекарельском языке и содержащая языческое заклинание. К тому же и монастыри в Корельской земле возникли не ранее XIV в. Новгородские архиепископы Макарий (1534 г.) и Феодосий (1543 и 1548 гг.) были обеспокоены стойким сохранением языческих обрядов у карел и их соседей. Они слали грамоты-инструкции, напоминая многочисленным адресатам – чуди, ижоре, кореле – о необходимости и обязательности соблюдения православных обрядов. Поучала карел и католическая церковь. В середине XVI в. финский епископ М. Агрикола в предисловии к «Псалтыри», финскому переводу псалмов, укоряет финнов и древних карел за их пристрастие к языческим обрядам, верованиям и культам.

Предпринятые политические мероприятия не достигли своей цели. В 1228 г. около 2000 воинов еми появилось в Ладожском озере. Посадник Ладоги Владислав вступил в бой и с помощью корелы и ижоры разгромил их.

В летописных рассказах XII–XIV вв. довольно часты известия о столкновении корелы со своими постоянными врагами. И тем не менее историки убеждены, что в силу различных причин не всегда подчеркивалось участие корелы в военных акциях Новгорода, например, отсутствует она среди воинов легендарной битвы на Неве в 1240 г., но по логике ситуации корела должна была участвовать в ней, поскольку от результатов исхода битвы зависело ее благополучие. Не упомянуты в русских летописях древние карелы и в походе новгородцев на емь в 1256 г., в то время как в папской булле 1257 г. они названы главными действующими лицами (Kirkinen H., 1963, s. 83; Шаскольский И.П., 1978, с. 217–222).

В 1240 г. обстановка на Северо-Западе Руси чрезвычайно обострилась. Новгороду и Пскову пришлось одновременно вести борьбу с тремя опаснейшими врагами: шведами, Литвой и прибалтийскими немцами. Решающая битва была выиграна Александром Ярославичем, позднее прозванным в народе Невским. Новгородцы любили Александра как полководца, но как правитель он обладал неуживчивым характером. В год битвы ему было 20 лет (родился, возможно, 30 мая 1220 г.). В тот же победный год он выехал из Новгорода. А между тем тогда на западные рубежи вновь вторглись прибалтийские немцы. Они захватили Изборск. Навстречу врагам вышли псковичи, но были разбиты. Воспользовавшись предательством псковского посадника, немцы захватили Псков, начали разорять новгородские и псковские владения. Они же построили крепость в Копорье.

В такой обстановке спасение Руси виделось в Александре Невском. Он собрал отряды из новгородцев, ладожан, корелы, ижоры и освободил Копорье. Враги и изменники были наказаны, а в 1242 г. удалось очистить Псков от врагов в результате знаменитого Ледового побоища. Но в 1253/54 г. немцы вновь напали на Псков, сожгли посад, убили многих жителей, однако сразу же сняли осаду, как только прослышали о приближении новгородцев. По неизвестным нам причинам новгородцы сначала вернулись домой, и только потом пошли за р. Нарову и нанесли большой ущерб орденским владениям. Успех в борьбе с прибалтийскими немцами был закреплен победой в битве за Юрьев (Дерпт, Тарту) в 1262 г., а в 1268 г. в Раковорском сражении они были наголову разбиты.

Летописец отмечал важную роль корелы в походе за Нарову. Известно, что шведы и немецкие рыцари проявляли особый интерес к прибалтийско-финскому населению Северо-Запада Руси. В 50-е гг. XIII в. папа Александр IV писал архиепископу Уппсалы о необходимости крестового похода на корелу. В 1255 г. архиепископ Риги получил разрешение от папы направить епископа к язычникам води, ижоры, корелы, которые якобы только и ждут принятия новой веры.

После некоторого перерыва шведы активизировали свою деятельность. В 1283 г. по р. Неве они прошли в Ладожское озеро и избили обонежских купцов (или купцов, ведущих торговлю с Обонежьем), а на следующий год тем же путем под руководством воеводы Трунда вознамерились взять с корелы дань. Новгородцы с посадником Семеном Михайловичем совместно с ладожанами заняли устье р. Невы, где 9 сентября 1284 г. разбили врага. В 1292 г. новгородцы совершили удачный набег на емь и вернулись «все здрави». В ответ шведы обрушились на корелу и ижору, но потерпели поражение. По сведениям летописи, и ижоре, и кореле досталось одинаковое количество врагов, с которыми они успешно расправились. И все-таки это были успехи местного значения. Шведы методично теснили корелу с ее территории. Им удалось завершить свою агрессивную деятельность строительством в 1293 г. на Корельской земле крепости Выборг.

Сообщение в русской летописи лаконичное: «Пришедши свея, поставиша город на Корельской земле». Зато древнейшая шведская рифмованная хроника Эрика не скупилась на похвалы. В ближайшую зиму новгородцы попытались разрушить крепость, но у Новгорода, втянутого в межкняжескую распрю, провоцируемую монголо-татарами, не было ни сил, ни согласованности в действиях. Шведы стремились взять под контроль и водный путь в Ладожское озеро, укрепив в 1295 г. в устье р. Вуоксы крепость Корелу. Позже она была захвачена и уничтожена новгородцами.

Сооружение Выборга позволило шведам создать базу для дальнейшего нападения на земли корелы, и они этим воспользовались — подчинили 14

общин (из них – 4 в Ижорской земле), взяли под контроль путь по Неве. Под руководством Торгильса Кнутсона с помощью иноземных мастеров в устье р. Охты построили с «несказанной твердостью» крепость с претенциозным названием Ландскрона – «Венец земли». На Руси оценили опасность создавшегося положения. В новгородской грамоте немецкому городу Любеку начала 1301 г. говорится, что «король шведский отнимет у вас и у нас путь по Неве». Князь Андрей, собрав суздальские и новгородские полки, двинулся к крепости. О грамотной военной тактике русских войск, о критическом положении с продуктами в гарнизоне подробно рассказывает Хроника Эрика. Русский же летописец с удовлетворением сообщает о наказании шведов «за высокоумье их». Кроме того, принимаются меры для усиления обороноспособности Карельского перешейка – на р. Вуоксе в 1310/11 г. Новгород укрепляет город Корелу, а выше по течению строится Тиверский городок.

Помимо внешнеполитических событий, корела принимала активное участие во внутренних делах Новгорода. Например, в 1149 г. она участвовала в княжеской междоусобице против суздальского князя. Дело было так. В Суздале в то время княжил Юрий Владимирович Долгорукий. Новгородское войско, в состав которого входили корела, жители Пскова и Смоленска, выступило против Юрия за «обиду новгородскую». Походом руководили его племянники: киевский князь Изяслав (его сын Ярослав княжил тогда в Новгороде) и смоленский князь Ростислав. Изяслав из Киева прибыл в Смоленск, и в пирах и обмене подарками братья весело проводили время. Справедливости ради надо сказать, что они все-таки пытались мирно договориться с Юрием, но тот и посла задержал, и ответа не дал. Ростислав отправился на Волгу и в условленном месте стал дожидаться старшего брата. А тот пошел с дружиной в Новгород и выступил на вече. Изяслав напомнил жалобы и свои, и сына, и самого Новгорода и получил согласие на военный поход. В назначенном месте братья встретились, и объединенный отряд стал спускаться по Волге, круша все на своем пути по обеим сторонам реки. Юрий не осмелился оказать сопротивление, и князья возвратились с богатой добычей.

Жители подвластной Новгороду территории, в том числе и население северо-западного Приладожья, включились в борьбу за великое княжение тверского князя Михаила Ярославича с московским князем Юрием Даниловичем на стороне последнего. Право великого княжения принадлежало Михаилу, потому что он был внуком Ярослава Всеволодовича, а Юрий – правнуком, но наступили такие времена, когда вопрос о наследстве решался не по степени родства, а силой. Юрий, как и Михаил, отправился в Орду за ярлыком на княжение, но не получил его. Новгород же предпочел Юрия, ибо отношения между Михаилом и Новгородом стали напряженными.

В 1316 г. наместники Михаила выехали из Новгорода, а может быть их выгнали, и тверской князь пошел на Новгород. Новгородцы приняли все меры предосторожности: укрепили стены, позвали на помощь псковичей, ладожан, жителей Старой Руссы, корелу, ижору, водь. Михаил остановился в 50 верстах от Новгорода. Но все было против него: и собственная болезнь, и недобрые вести о кознях Юрия. Не предприняв ничего, Михаил отступил, и отступление это было драматичным: тверские воины терялись в лесах, тонули в озерах и болотах, умирали от голода, ели конину и кожу со щитов, а оставшиеся бесславно вернулись домой.

Известны два влиятельных лица из корельской среды: воевода Валит Корелянин и новгородский боярин Иван Федорович Валит. О других информация не сохранилась, поскольку их православные имена от русских не отличить.

Характер взаимоотношений Новгорода и подвластной ему территории менялся в зависимости от внешней политической обстановки, от состояния дел внутри Новгородского государства, общей ситуации на Руси.

В договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле (1262–1263 гг.) и в проекте договорной грамоты Новгорода с этими же городами в 1269 г. Новгород оговаривал, что не несет ответственности за сохранность западных судов в восточной части Финского залива, а также немцев и готландцев во время их поездок по Корельской земле с торговыми целями. На основании этих сообщений финляндские историки делали вывод о полной самостоятельности древних карел. По мнению же российских исследователей, договорные грамоты лишь свидетельствуют о некоторой свободе корелы в торговых делах в рамках зависимости от Новгорода. Взаимоотношения между Новгородом и корелой можно считать дружественными при относительной самостоятельности корелы, пока ее интересы не шли вразрез с государственными. Новгородцы в подчиненных землях не держали своих войск, ограничивались сбором налогов-дани; опираясь на племенную знать, сохраняли старый племенной уклад.

Но не всегда в отношениях Новгорода и корелы все обстояло гладко, они были далеко не идеальными. С обострением международной обстановки Новгородское государство стало относиться к кореле жестче. Когда она забывала о своем подчиненном положении, новгородские феодалы напоминали об этом. Уже говорилось, что в 1227 г. новгородский князь Ярослав Всеволодович провел принудительное крещение карел, и это объяснялось общеполитической обстановкой и военной ситуацией, когда нужно было принимать решительные меры против шведских вторжений. Однако этот поход не единичный факт усмирения. И на то были причины.

Во второй половине XIII в. в Новгороде усиливается антикняжеская борьба против другого князя – Ярослава Ярославича. Бояре выдвинули ему

немало обвинений и в заключение заявили, что терпеть его насилий больше не хотят: «Поиде от нас, а мы собе князя промыслим».

Антикняжеская борьба выражалась в стремлении лишить князя власти над новгородским войском и инициативы в военных делах. Более того, военная политика проводилась вопреки воле князя. В 1269 г. Ярослав собрался идти на корелу, но новгородцы «умолили» его не делать этого. Видимо, на данном этапе произошла какая-то перемена в отношениях Новгорода и корелы. Может быть, корела в чем-то проявила самостоятельность. Как бы то ни было, но различия в интересах новгородской правящей верхушки и князя на этот раз спасли ее.

Изгнанный Ярослав обращается за помощью к татарам. Их вмешательства удалось избежать. Костромской князь Василий Ярославич, родной брат Ярослава, сам поехал в Орду и сказал хану, что правы новгородцы, а не Ярослав, и татарские рати вернулись с полпути. И хотя потом Ярослав был согласен с любыми требованиями новгородцев, они заявили ему: «А тебе не хотим». Против Ярослава поднялась вся волость новгородская: псковичи, ладожане, корела, ижора и воль.

После смерти Ярослава в Орде в Новгород послали своих послов сын Александра Невского Дмитрий и Василий Ярославич. Казалось бы, в знак благодарности за спасение новгородцы изберут Василия, однако пригласили Дмитрия. Видимо, Василий был более требовательным. И ошиблись. Дмитрий повел себя нагло: захватил волости новгородские и Торжок, пожег хоромы, нарушил торговые связи, в результате чего хлеб в городе вздорожал. Новгородцы поняли свою ошибку и решили пригласить Василия. Дмитрий, не дожидаясь изгнания, уехал сам и вернулся на новгородский стол в 1276 г. после смерти Василия.

И вот сразу же после вокняжения в 1277 г. Дмитрий Александрович, которому поначалу пришлось приложить немало усилий для укрепления своего положения в Новгороде, пошел с войском в Корельскую землю и «казни корелу, и взя землю их на щит». Причин карательной экспедиции могло быть несколько. По мере того как карельская племенная знать формировалась в класс феодалов, ей требовалась большая, чем позволял Новгород, самостоятельность и в сборе дани, и в торговых делах, и в контактах с западными соседями. Шведы долгое время не нападали, и в отношениях соседей на первый план выдвинулись торговые дела, что сблизило определенную часть корельского и шведского населения. Кроме того, корела в самом Новгороде, наверное, приняла участие в антикняжеской борьбе в рядах противников Дмитрия, а этого Дмитрий простить не смог.

Военный поход повлек за собой и некоторые административные меры. Племенная территория корелы, состоявшая из 10 погостов, стала называться Корельской землей (впервые термин Корельская земля встречается в русских

летописях под 1278 и 1293 гг.), центром которой в начале XIV в. становится городок Корела. Управление осуществлялось русской администрацией (возможно, при некотором участии корелы). Во главе Корельской земли были поставлены служилый князь и воевода. Выбор первого князя надо признать неудачным. Это был Борис Константинович из тверской княжеской семьи. Он оказался недалеким политиком и неумелым правителем. Новгородцы предъявили ему серьезные обвинения: мол, Бориса Константиновича Новгород кормил корелой, а он корелу всю «истерял и за немцев загнал», да и с Новгорода брал больше, чем следует. В результате притеснений князя часть корелы восстала и приняла сторону шведов. Приговор новгородцев звучал сурово: пусть выезжает из новгородской волости, и больше его новгородским хлебом не кормить.

Антифеодальные выступления в Корельской земле осложнялись шведской агрессией. Следующее восстание произошло в 1337 г. По новгородской летописи, восставшие с помощью шведов перебили многих новгородских и ладожских купцов и других живущих в Кореле христиан, затем бежали в Выборг, где от их рук тоже пострадали христиане. Софийская летопись несколько иначе излагает эти события. Подступили шведы к Кореле, и воевода Валит Корелянин сдал город шведам. Новгородцы лишь в начале июля подошли к крепости, и Валит перешел на сторону сильных, в данном случае – новгородцев. Шведы были наказаны.

Восстание в Кореле – не случайное явление. Усилившийся феодальный гнет, дележ новгородской Карелии по Ореховецкому договору, иноземные вторжения вызывали протесты крестьян. Это было время, когда Корельская земля находилась во владении литовского князя Наримонта. Новгороду в борьбе за независимость от московского князя нужен был союз с Литвой и в качестве приманки использовалась Корельская земля. Наримонт принял приглашение и приехал в Новгород в октябре 1333 г., где получил не в кормление, а в наследственное владение Корельскую землю с Корелой, Ладогой, Орешком и половиной Копорья. Новгородцы так поступили под давлением неблагоприятных обстоятельств.

Наримонт не оправдал надежд Новгорода. В критических ситуациях (восстание крестьян, вторжение шведов) он оказывался в Литве и не откликался на зов новгородцев. Отсутствовал он и в 1348 г., когда вторглись шведские войска под предводительством Магнуса. Лишь в 1383 г. принадлежавшие ему земли были переданы его сыну Патрикию, но не в наследство, а в кормление и не в том составе. Однако уже на следующий год жители Орешка и Корелы пожаловались Новгороду на Патрикия. Последний же пытался опереться на своих сторонников в Новгороде. До междуусобицы дело не дошло, но литовскому князю взамен недовольных городов дали Руссу и Ладогу.

На какое-то время карелы избавились от обязанности содержать князя, но уже в 1389 г. Корельская земля вновь отдается в кормление новому литовскому князю Лугвеню, но он недолго пробыл на новгородской службе. В 1392 г. шведы вошли в Неву, захватили села по обе стороны реки, не доходя 5 верст до Орешка. Под руководством Лугвеня (христианское имя Семен) врага разгромили. После этого Семен-Лугвень уехал в Литву. В 1407 г. он вернулся на короткое время и, получив в кормление города и земли, бывшие за Наримонтом, в 1412 г. опять отбыл в Литву. Известно, что на кормлении какое-то время находился и его сын Юрий, но в 1444 г. его сменил Иван Владимирович из Литовской земли. Он тоже задержался ненадолго. И снова появился Юрий Семенович-Лугвеневич, но его только в 1459 г. пустили на кормление.

Наряду с литовскими княжениями в Корельской земле на кормлении находились русские князья: Константин Белозерский, смоленский Юрий Святославич, московский Константин Дмитриевич. Особо беспокойными были годы службы Бориса Константиновича и Наримонта.

Первая половина XIV в. заполнена изнурительными военными походами Швеции и Новгорода. Войны обедняли страны, разрушали торговые связи. Противники пытались удержать завоеванные территории строительством новых крепостей, разрушением неприятельских населенных пунктов. 1311 г. – новгородцы совершили опустошительный набег на Хяме. 1313 г. – шведы в ответ сжигают Ладогу. В 1317 г. они вновь появились на Ладожском озере, а новгородцы в 1318 г. – в Финляндии. В 1322 г. Юрий Данилович осаждает Выборг, а шведы – Корелу.

В 1323 г. на Ореховом острове при выходе из Ладожского озера в Неву Новгород построил крепость Орешек (Нотебург–Шлиссельбург–Петрокрепость), в которой 12 августа того же года был подведен итог многолетней, ожесточенной, разрушительной шведско-русской борьбе за территорию корелы. Договор дошел до нас на русском, латинском и шведском языках, но ни один из них не является оригиналом. Русский текст начинается словами: «Се яз князь великий Юрги с посадником Алфоромеем и с тысяцким Аврамом с всем Новым городом dokonчали есм с братом своим с князем свеискым с Манушем Ориковицем... мир вечный и хрест целовали».

В договоре была оговорена граница между шведскими и новгородскими владениями от устья р. Сестры до «Каяно моря». Начало и конец межи для нас ясны, но такие пункты, как «мох, середе мха гора», на современную карту не нанести. И все же основное направление выявлено: устье р. Сестры – восточный рубеж привыборгских погостов корелы – Сяркилахти (район оз. Сайма) – р. Суоннейоки – район оз. Пюхя-ярви – Ботнический залив (южнее устья р. Пюхяйоки) (Kirkinen H., 1970, s. 16–26). За Швецией оставался Выборг и три погоста, о которых уже говорилось. Однако Новгород сохранял

за собой права на охотничьи и рыболовные угодья на отошедших к Швеции землях (северная часть Саво, Северная Похьянмаа и Лапландия).

Новое истолкование границы предложили Я. Галлен и Дж. Линд, и оно было поддержано другими исследователями. По их мнению, северный участок русско-шведской границы, во-первых, был прерывистым, пунктирным, опиравшимся лишь на известные приграничным жителям базовые пункты и, во-вторых, разделялся на два отрезка: один заканчивался у Ботнического залива «Каяно море», а другой – у Кандалакшского залива Белого моря – «*nor i haffuit*» (шв. «на севере, в море»). Лежащая между ними земля находилась в сфере интересов и Новгорода, и Швеции (Gallén J., 1968; Gallén J., Lind J., 1991, karta 1). Подобное разветвление подтверждается и археологическими находками на севере Фенноскандии, представленными как западнофинскими, так и карельскими предметами (Uino P., 1997, s. 201). Более того, топонимы с *Nilos*-, группирующиеся в северном Приладожье в районе Куркиёки, затем прослеживаются в восточной Финляндии (Пиэлисъярви) и далее фиксируются по направлению к Оулуярви в северной Приботнии, маркируя таким образом известный средневековый путь карел из Приладожья в Приботнию (Vahtola J., 1980, s. 370).

В переговорах в крепости на Ореховом острове участвовали и купцы, заинтересованные в торговле с новгородскими землями. Территориальные споры Швеции и Руси нанесли серьезный ущерб международной торговле. Вот почему в договоре появляются такие слова: «Гости гостити без пакости из всеи немецискою земле – из Любка, из Готского берега и Свеиской земле по Неве в Новгород горою и водою, а свеям всем из Выбора города гости не переимати, тако же и нашему гостю чист путь за море» (Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н., 1990, с. 42–43).

Для уравнивания военного баланса Швеция и Новгород отказывались от строительства крепостей, обязывались возвращать беглых должников и холопов. Шведам и жителям Выборга запрещалось покупать земли у новгородской корелы. Обе договаривающиеся стороны гарантировали решение возникающих конфликтов мирным путем.

Подписание мирного договора – отрадное явление, так как была оговорена граница, открыты торговые магистрали, прекращались набеги. Отрицательные последствия договора проявились в том, что граница разделила единое этническое образование – корелу со своим языком и культурой. После этого различно сложились и их судьбы.

Основная часть корелы, населявшая северо-западное Приладожье, осталась под властью Новгорода, тесно связанная с ним экономическими, политическими и культурными узами. Корела, оказавшаяся на шведской стороне, вместе с емью образовала восточную группу финского населения (саволаксы), которая приняла участие в формировании финской народности.

Из захваченных шведами древнекарельских погостов возник выборгский лен (губерния).

Первые три года после заключения мира можно считать спокойными. В 1326 г. Магнус – король Швеции и Норвегии – подписал с Новгородом соглашение относительно северного рубежа норвежско-новгородских территорий. Если граница нарушалась одной из сторон, земли возвращались владеющему ими государству. И Норвегия, и Новгород сохраняли за собой право сбора дани у саамов. Однако вскоре в Новгород стали поступать сигналы о неблагополучном положении на русско-шведской границе. В сохранившихся берестяных грамотах содержатся жалобы на притеснения севилакшан и сведения о попытках новгородских дипломатов урегулировать конфликты.

Мирную обстановку нарушил шведский король Магнус. Его вторжению предшествовал так называемый философский спор. В 1348 г. Магнус предложил новгородцам созвать съезд философов, на котором должно быть решено, чья вера лучше: католическая или православная. Если православная, говорил Магнус, то он примет ее. И будет единый новгородско-шведский союз. В случае несогласия Магнус угрожал большим походом на Русь. Новгородцы с владыкой Василием, посадником Федором Даниловичем и тысяцким Авраамом резонно заявили, что не им решать спор, а следует обратиться к Царьграду, ибо оттуда пришла православная вера. В ответ на это Магнус сказал новгородскому послу Кузьме Твердиславичу, что он обижен несговорчивостью новгородцев и их нежеланием обратиться в католичество. Повод появился, и в том же году Магнус с огромным войском, перейдя границу, начал крестить ижору, а несогласных уничтожать. Объединенным силам новгородцев удалось победить отдельные вражеские отряды, казнить изменников. На радостях летописец несколько приуменьшил новгородские потери: по его словам, было убито лишь трое новгородцев. Но радоваться было рано.

Пока новгородцы собирали главные силы в Ладоге да просили великого московского князя Семена Ивановича (сына Ивана Калиты) оказать помощь, а тот долго медлил, собрался было ехать, но повернул обратно, выслав вместо себя брата Ивана, шведское войско оказалось под Орешком. Магнус не мог взять крепость силой. Он пустился на хитрость, пообещав отпустить осажденных на свободу. Коварный Магнус сдержал свое слово относительно горожан и наместника Наримонта, а все новгородское посольство в составе Авраама, Кузьмы Твердиславича и восьми бояр взял в плен (Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н., 1990, с. 47–48).

Новгородцы, так и не получив помощи от великого московского князя, осенью осадили Орешек. Автор шведской хроники не был сторонником Магнуса и едко заметил, что у осаждавших снова отросли бороды (имелись

в виду те люди, которых Магнус крестил и у которых остриг бороды); «если бы он снял им головы с плеч, они так не обманули бы его» (Рыдзевская Е.А., 1978, с. 127). На долю оставшегося шведского гарнизона выпала тяжелая судьба. Нелегко было и русским. Псковичи решили не принимать участия во взятии Орешка. Новгородцы совестили их, напоминали о дарованных льготах и т.д., но псковичи не только не вняли просьбе новгородцев исчезнуть незаметно, а из духа противоречия уходили шумно, трубя в трубы и ударяя в бубны, стараясь привлечь внимание шведов, а те, глядя на это, смеялись. Так излагал события новгородский летописец, а псковский объяснял уход тем, что прибалтийские немцы нарушили договор и вторглись в псковские земли. Более того, новгородцам пришлось разделиться, отряд до 1000 человек отправился под Корелу для борьбы с другим войском Магнуса. После семимесячной осады Орешек был взят новгородцами.

Вернувшись в Швецию, Магнус жаждал продолжения войны, несмотря на крайне неблагоприятное положение в своей собственной стране, но это были его последние выступления. Через год он приплыл к русским берегам, но, узнав о приближении новгородского войска, ушел в море и попал в бурю. В 40-е гг. его свергли с престола. Новгородцы перешли в наступление. 21 марта 1351 г. они подступили к Выборгу, сожгли посад, разорили близлежащие земли и вернулись в Новгород. В том же году посольство ездило в Юрьев, где произошел обмен военнопленными. Вернулись на родину тысяцкий Авраам, Кузьма Твердиславич и другие бояре. Видимо, был заключен мир, подтвердивший условия 1323 г.

В Московском летописном своде конца XV в. — «Рукописание Магнуша короля свейского» — якобы от имени шведского короля русский патриот предостерегает всех тех, кто захочет посягнуть на Русскую землю. Беды и несчастья, говорит он, падут на их головы: «И ныне же приказываю своим детям и своим братьям и всей земле Свейской не наступите на Русь... а кто наступит, на того бог и огонь, и вода» (Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н., 1990, с. 48—49).

В конце XIV в. на Карельском перешейке вновь было неблагоприятно, о чем свидетельствуют берестяные грамоты. Лаконичные записи в летописях и обрывки карельских берестяных грамот, сообщая только факты, раскрывают тревожную обстановку, напряженное состояние боевой готовности, долготерпение корелы. Новгород не только следил за выполнением феодальных повинностей. Он формирует отряд, чтобы отомстить за корелу, облегчить участь поименно названных в письмах и всех тех, кто «приобижен с немецкой половины». Однако угроза шведского завоевания всей Карелии еще долгое время оставалась реальной.

Итак, в результате многолетних археологических исследований получена богатейшая информация о материальной культуре, созданной древнекарельским народом в эпоху Средневековья. Сведения древнерусских летописей и документов, сообщения берестяных грамот, а также западноевропейские письменные источники свидетельствуют об его активной внешнеполитической деятельности.

Древние карелы – это трудолюбивые земледельцы, умелые кузнецы и ювелиры, сумевшие в суровых, неблагоприятных климатических условиях освоить под пашню лесные пространства, коневоды, рыболовы и охотники, бесстрашные воины, участники дальних и ближних походов, торговцы. Ими были освоены, как об этом свидетельствуют разнообразные источники, Карелия в современных границах, территории между Ладожским, Онежским озерами и Белым морем. Все сферы их жизнедеятельности, от политики до культуры, на протяжении веков были тесно связаны с Новгородским государством. По их инициативе и непосредственном участии возник административный центр Корела – город русских и, в меньшей степени, древнекарельских поселенцев. По Ореховецкому договору, западная корела отошла к Швеции, основная же часть осталась под властью Новгорода, тесно связанная с ним экономическими, политическими и культурными интересами.

При объединении русских земель и карельско-новгородских владений в составе Русского централизованного государства на бывших новгородских территориях создаются новые административные единицы – пятины, в которых сохранилось прежнее деление на погосты. Карельские земли входили в состав Корельского уезда Водской пятины. На исконной древнекарельской территории проживали в основном карелы – потомки летописной корелы.

По переписи 2002 г., в России насчитывалось 93 344 карела. Основной территорией расселения является Республика Карелия (65 651 человек). Карелы проживают также в Тверской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

СЛАВЯНО-РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Территории лесной зоны европейской части России, в пределах исторической Новгородской земли, заселенные прибалтийско-финскими племенами, стали осваиваться славянами в I тысячелетии н.э. Контакты славяно-русского населения с водью, ижорой, корелой и весью проходили по-разному. Детали этих сложных процессов, насколько позволили источники, показаны в соответствующих разделах книги. Но отметим, что в письменной истории не зафиксировано сколько-нибудь крупных военных столкновений между этими народами. Что же представляли собой в это время славяне?

В «Повести временных лет» (с. 11) написано: «Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своим именем, и сделаша град и нарекоша и Новгород», т.е. стали называться ильменскими (новгородскими) словенами. До появления славян здесь в раннем железном веке проживало прибалтийско-финское население. Об этом свидетельствуют некоторые прибалтийско-финские гидронимы, сохраненные славянами в соответствии с правилами своего языка — некоторые речки бассейна р. Шелони (Колокша, Судома, Ильзна), р. Ловати (Сережа, Сергачма, Насва и некоторые др.), оз. Ильмень, р. Мста. В бассейне р. Мсты довольно много неславянских речных и озерных названий — Хомашукса, Мда, Шильда, Шегринка и т.д. А.И. Попов обращает внимание на то, что некоторые неславянские названия принесены сравнительно недавно карелами, выходцами с Карельского перешейка, точнее беженцами, после заключения Столбовского договора в 1617 г., когда часть карельских земель перешла к Швеции. Их потомки — «валдайские карелы» — до сих пор живут в Валдайском районе Новгородской области. Между тем сохранилось довольно много древних дославянских гидронимов (Шерегородо, Лимандро, Шабодо). В бассейне р. Мсты есть оз. Чудинское, ручей Корельский. Но преобладают славянские названия (Попов А.И., 1981, с. 36–48). О наличии прибалтийско-финского населения и об участии дославянского финского субстрата в формировании антропологического типа новгородских словен свидетельствуют краниологические материалы (Алексеев В.П., 1969, с. 207). Согласно М.В. Витову (1964, с. 97), для новгородских словен характерен ильменско-беломорский антропологический тип.

Надо сказать, что археологические памятники I тысячелетия н.э. на многих территориях лесной зоны европейской части России представлены слабо и изучены недостаточно. В результате мы имеем мозаичную со многими неизвестными картину и относительно территориально-хронологических и культурных параметров. Научная общественность еще помнит продолжительные и жаркие споры на эту тему. В бассейне оз.

Ильмень известны две группы археологических памятников второй половины I тысячелетия н.э. Одна из них – памятники так называемой культуры длинных курганов. Это погребальные сооружения в виде полусферических или валообразных насыпей, а также грунтовых захоронений по обряду трупосожжения. Выявлены также остатки поселений. Вторая группа памятников – сопки, высокие (от 2–3 до 10 м в высоту и от 12–14 до 40 м в диаметре) погребальные памятники, обнаруженные примерно в 400 пунктах. Кроме того, известны городища и немногочисленные селища. В X–XI вв. формируется древнерусская культура сельского населения Новгородской земли, в создании которой участвовало и население культуры длинных курганов и население, оставившее сопки. Эта древнерусская культура представлена грунтовыми могильниками, жальниками, курганами, а также селищами и городищами. Основным занятием населения было пашенное земледелие. В XI–XII вв. в Приильменье сформировалась единая материальная и духовная культура, носителями которой являлись, согласно территориально-диалектическому образованию, «новгородцы», включившиеся позднее в формирование древнерусского населения Новгородской земли (Конецкий В.Я., 1989, с. 3–19; Седов В.В., 1999, с. 158–165).

На Карельском перешейке, территории летописной корелы, славянское влияние ощутимо стало сказываться в начале II тысячелетия н.э. Оно выразилось прежде всего в появлении предметов, изготовленных в Новгороде, возможно, по заказу корелы. Некоторые типы украшений, глиняная посуда, оружие, традиции меднолитейного и железоделательного ремесла фиксируют прочные связи со славянским миром. Даже растительный орнамент, характерный для древнекарельских изделий, возник, видимо, в художественных мастерских Новгорода из сплава различных орнаментальных стилей. Сложный характер политических взаимоотношений Новгорода с населением прибалтийско-финских территорий раскрывают русские летописи.

Активную роль карел как во внутренней, так и во внешнеполитической деятельности объясняли тем, что в новгородских властных структурах отдельные представители этого народа занимали высокие должности. Мы уже упоминали о воеводе Валите Корелянине (1337 г.). Деятельность его, как мы сказали бы сейчас, не была однозначной. Во время осады шведами городка Корелы Валит сдал его врагам, но когда пришли новгородцы, перешел на их сторону. Тот же Валит успешно воевал с Норвегией и присоединил «Лопскую землю» к владениям Новгорода. Его авторитет сыграл положительную роль при переговорах русских послов с датским правительством, которое во второй половине XVI в. стало претендовать на «Лопскую землю». Полный текст рассказа о Валите обнаружен в подборке материалов 1614 г., составленной в связи с русско-датскими переговорами о Лапландии. Там есть сведения,

что Валит похоронен «в Кореле, на посаде в церкви Преображенья Спасова» (Флоря Б.Н., 1988, с. 107–109).

Новгородского боярина Ивана Федоровича Валита В.Н. Бернадский (1961, с. 156–158) считал выходцем из карельской знати. Однако ни одного из двух известных новгородских посадников XIV в. по имени Иван Федорович нельзя соотнести с Иваном Федоровичем Валитом. Должность воеводы Валита Корелянина, по мнению В.Л. Янина, «отнюдь не высокая в государстве... Подчинение Корельской земли Новгороду с его сложившейся системой государственности само по себе было тормозящим обстоятельством феодализации... ..главной особенностью феодального землевладения Новгорода была концентрация землевладельцев в самом Новгороде... Феодализация Корельской земли в сильнейшей степени тормозилась и тем, что начиная с XIV в. эта земля стала кормлением служилых князей... Она управлялась аппаратом наместников и поэтому не могла обрести статус наследственной вотчины, что, в свою очередь, препятствовало ее обояриванию. С другой стороны, к XIV в. в Новгороде окончательно сложилась кастовость боярства, препятствующая его пополнению извне (отзыв В.Л. Янина в качестве официального оппонента на докторскую диссертацию С.И. Кочуркиной в 1985 г.).

В документах того времени упомянут Григорий Рокульский (напомним, рокульцы – один из родов карельских детей), владевший 50 обжами земли. Значит, хотя бы одного карела можно назвать крупным собственником. Однако В.Л. Янин полагает, что земли рокульского рода в XV в. активно осваивались новгородскими боярами, например, посадником Дмитрием Васильевичем Глуховым, который покупал их не у карельской общины, а у новгородских владельцев, каковой была Ховра, дочь Василия Кукуя.

Общинное землевладение уцелело только на севере. Судя по купчим грамотам, земли, прилегающие к Белому морю, находились во владении «пяти родов карельских детей», которые продавали участки не только друг другу, но и новгородским светским и духовным феодалам.

На протяжении веков со стороны Новгорода наблюдается плотная «опека» Корельской земли, которая привела к тому, что, помимо административного центра Корелы – города русских и, в меньшей степени, карельских поселенцев, других городов не возникло. По Ореховецкому договору западная карела отошла к Швеции, основная же часть осталась под властью Новгорода, тесно связанная с ним экономическими, политическими и культурными интересами. В этих условиях проходила активная ассимиляция русскими карел, в результате которой карелы сохранили язык только на бытовом уровне, но остались без своей письменности, компактной зоны проживания и, в конечном счете, своего государства.

При объединении русских земель и карельско-новгородских владений в составе Русского централизованного государства на бывших новгородских территориях создаются новые административные единицы – пятины, в которых сохранилось прежнее деление на погосты. Карельские земли входили в состав Корельского уезда Водской пятины. На исконной древнекарельской территории проживали в основном карелы – потомки летописной корелы.

Шведская агрессия в конце XVI в. привела к опустошению края: после заключения Тявзинского мира в погостах Кирьяжском (Куркиёки), Сердобольском (Сортавала), Иломанском (Иломанси) и в Соломенском (Салми) имелось около 3000 пустых дворов и только 322 «живущих» (заселенных). Часть населения погибла, другая ушла в Россию (Очерки., 1957, с. 108).

Ценные сведения о населении и экономической истории края содержит Переписная книга Корельского уезда 1590 г. Книга охватывает лишь часть дворов уезда, так как многие оказались неплатежеспособными, особенно в приладожских погостах. После заключения Столбовского мира была составлена новая, наиболее полная переписная книга Корельского уезда 1618 г. И, наконец, третий важный документ – поземельная книга 1631 г. – отражает экономическое положение всего Корельского уезда после периода ленного владения Якова Делагарди 1618–1630 гг. В Передней Карелии (погосты Карельского перешейка) при устойчивом пашенном земледелии постоянное налогообложение осуществлялось в соответствии с мерами земли. В Задней Карелии (погосты северного Приладожья) обложение основывалось на ежегодной оценке, определяющей состоятельность каждого двора, и в соответствии с этим рассчитывался индивидуальный налог и общая сумма налогов со всего погоста (История Карелии., 1987).

Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. (История Карелии., 1991) чрезвычайно информативна. Исследователи полагают (Там же, с. 27), что правильнее ее назвать окладной (оценочной) налоговой книгой или оценочной описью. Слева в ней помещены названия деревень, а справа – перечень собственности, облагаемой налогом.

По Столбовскому миру 1617 г. Кексгольмский уезд, как и Ингерманландия, отошли к Швеции. Россия потеряла важную в политическом и экономическом отношениях территорию, лишилась выхода к Балтийскому морю. На сто лет Корельский уезд оказался отрезанным от Русского государства. Эта порубежная территория управлялась как завоеванная местность, ее жители не были представлены в рикстаге, их не брали в армию. Когда живших в Кексгольмском уезде карел начали насильно обращать в лютеранство, тысячи семей бежали в Россию, особенно после войны 1656–1661 гг. (Ютиккала Э., 1995, с. 48).

В XI в. новгородцы стали продвигаться на Север и, в частности, в Приладожье, вземлю летописной веси (см. раздел «Весь» в наст. изд.), на южной границе которой было сосредоточено славянское население, оставившее после себя многочисленные курганы. О присутствии новгородских славян свидетельствуют типичные для них предметы украшения и другие образцы материальной культуры. В XIII в. в юго-восточном Приладожье утвердилась новгородская налоговая система. В свое время на вопрос: сопутствовало ли феодальным захватам XII–XV вв. проникновение на север русского земледельческого населения или дело ограничивалось лишь установлением феодальной власти над населением? – М.В. Витов предложил ответить так. Если бы происходила славянская колонизация, тогда этнический состав населения изменился бы сразу; при втором варианте имел бы место длительный процесс ассимиляции местного населения пришлым. Оказывается, ареал ильменско-беломорского антропологического типа, характерного для новгородских словен, захватывает территорию городов Тихвина, Ладоги, обходя юго-восточное Приладожье. Следовательно, в юго-восточном Приладожье Новгород ограничился установлением власти феодалов над уже сложившимися административными единицами для взимания дани. При наличии славян основной состав населения оставался прибалтийско-финским.

Продвижение славян из юго-восточного Приладожья на Онежско-Ладожский водораздел, а затем и в Обонежье привело к формированию смешанного по составу населения. Исследователи русских диалектов отметили, что русские онежские говоры обнаруживают сильные связи с говорами юго-восточного Приладожья, и в первую очередь с бассейнами рек Ояти, Паши, Сяси, а также новгородскими диалектами бассейнов Волхова и Ильменя. В русских говорах Заонежья присутствует мощный прибалтийско-финский пласт. В конечном итоге многосложные миграционные потоки привели к формированию на огромных пространствах Русского Севера северорусской этнокультурной зоны (Герд А.С., 2001, с. 409–416).

Ареал русских топонимов фиксирует водный путь, по которому русские продвигались в Карелию – по р. Свирь в Онежское озеро, затем по р. Водле на восток или через Выгозеро и р. Выг в Поморье. Вдоль этих путей сформировались этнолокальные группы русских – поморы, заонежане, водлозеры, выгозеры, которые при всей своей общности отличались особенностями материальной культуры и языка (Муллонен И.И., 2010, с. 427).

ОЛОНЕЦ. ВОЕННЫЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР В СОСТАВЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

После присоединения Новгородской республики к Русскому централизованному государству территория Карелии вошла в состав двух пятин. Северо-западное Приладожье или Приладожская Карелия (позднее Корельский уезд), как и расположенные севернее Лопские погосты, составляли Водскую пятину, а территория вокруг Онежского озера (Заонежские погосты) и южная часть Белого моря (Поморье) были включены в состав Обонежской пятины; из остальной части Карельского Поморья был образован Кольский уезд.

При новом административном управлении сохранилось прежнее деление на погосты: в Корельском уезде – Равдужский, Сакульский, Городенский с городом Корелой (Передняя Корела), Кирьяжский, Сердобольский, Соломенский и Иломанский (Задняя Корела). Лопских погостов на это время было семь: Линдозерский, Семчезерский, Селецкий, Паданский, Ругозерский, Шуезерский, Панозерский. В Обонежской пятине собственно на территории Карелии числились следующие погосты: Олонецкий, Остречинский, Шуйский, Кижский, Толвуйский, Шунгский, Челмужский, Водлозерский, Шальский, Пудожский, Выгозерский (остальные – Андомский, Вытегорский, Мегорский, Оштинский, Веницкий, Пиркинский – находились, по современному административному делению, в Вологодской и Ленинградской областях).

В Корельском уезде проживали в основном карелы – потомки летописной корелы. Онежско-Ладожский водораздел был заселен предками карел-ливвиков, карел-людиков и вепсов.

Конец XVI – начало XVII в. были насыщены трагическими событиями для Русского государства и Карелии. В 1558 г. началась так называемая Ливонская война между Россией и Ливонским орденом. Эта война с участием нескольких европейских государств – Дании, Швеции, Польши, Литвы – приняла затяжной характер (1558–1583 гг.). Соперничающие государства стремились закрепить в районе Балтийского моря. Российскому государству нужен был выход к Балтийскому морю и на европейские рынки для укрепления своих прежних владений и приобретения новых.

Одним из поводов к началу войны послужило невыполнение Ливонией²⁰

²⁰ Значительная часть Прибалтики с XIII в. стала называться Ливонией по имени народа – ливы. Ливы проживали на землях, прилегающих к Рижскому заливу, в бассейнах рек Даугавы и Гауи, а также в северной части Курземского полуострова, т.е. на территории современной Латвии.

соглашения о «юрьевской дани». Удачные военные действия русских войск в 1473 г. на территории Ливонского ордена привели к заключению договора на 30 лет. Он предусматривал сбор «юрьевской дани», которую следовало брать «по старине». Предполагаемое 30-летнее перемирие не продержалось и шести лет. В договоре 1503 г. условие о дани с Юрьева (Дерпта) вновь было подтверждено, но не исполнялось в течение длительного времени, поскольку царю Василию Ивановичу, занятому литовскими, казанскими и крымскими делами, нежелательно было ссориться с Ливонией. Но в 1554 г. обстоятельства изменились в пользу России. Ливонские послы стали просить о продлении перемирия. В Москве им напомнили, что орден не платит дани с Юрьевской области. Вначале послы заявили, что не знают о чем идет речь, но затем епископ обязался в три года выплатить все недоимки. В феврале 1557 г. ливонские послы явились с просьбой об отсрочке выплаты дани. Русское войско, выступившее из Пскова, в ноябре 1557 г. осуществило успешный поход к ливонским границам и в январе 1558 г. опустошило территорию Ливонии на 200 верст и через месяц с богатой добычей вернулось. В Москву вновь приехали послы с 60 000 талерами и с просьбой не требовать дани с Юрьевской волости (Соловьев С.М., 1989, с. 125, 484 и др.). Война продолжалась успешно для русского войска, пока не вмешались Швеция и Литва. С 1564 г. серия крупных неудач осложнилась изменой представителей русского командования. В 1572–1575 гг. Ивану Грозному удалось занять почти всю Ливонию (кроме Риги и Таллина).

В 1580 г. шведские войска нанесли ответный удар на Карельском перешейке и захватили город Корелу. Другой шведский отряд, вторгшийся в Карелию, был разгромлен в Ругозерской волости. Но в 1581 г. шведский отряд под руководством К. Флеминга появился на Олонецком перешейке и разорил Александро-Свирский монастырь. Летом того же года шведы разграбили и опустошили всю прибрежную зону восточного берега Ладожского озера.

В ответ карелы начали партизанскую войну. Народная память сохранила имена Кириллы Rogозина, крестьянина из Сердоболя, крестьянина по имени Робоница. Подсчитано, что за первую половину 1582 г. партизаны совершили 17 походов на захваченную врагами территорию.

По Плюсскому перемирию (1583 г.) к Швеции отошла оккупированная ею часть Корельского уезда и западная часть Ижорской земли с городами Копорьем, Ивангородом, Ямом, у России оставалась акватория Финского залива Балтийского моря в районе впадения р. Невы. Население Карелии не желало мириться с иностранным владычеством и продолжало партизанскую борьбу или уходило на русскую сторону.

В 1590 г. возобновились военные действия на территории Ижорской земли. Русские войска освободили оккупированные города. Шведские отряды пытались захватить Беломорскую Карелию и Кольский полуостров,

но безуспешно. В 1592 г. русские войска совершили поход к Ботническому заливу. В 1593 г. Швеция и Россия заключили перемирие, по Тявзинскому договору (1595 г.) России возвращались Корельский уезд и Ижорская земля. Мирный процесс восстановления разрушенного хозяйства нарушила польско-шведская интервенция.

Результаты Ливонской войны не устраивали Польшу, стремящуюся к захвату русских земель. Открыто сражаться Польша не могла, но она сумела использовать Лжедмитрия I в качестве «законного» претендента на русский престол. В октябре 1604 г. польские отряды перешли русскую границу. Русскому государству, оказавшемуся в трудном положении, приходилось обороняться от нескольких врагов одновременно. Швеция, воспользовавшись удобной для нее ситуацией, предложила России помощь, но в уплату за услуги потребовала Корельский уезд. Условия были приняты, но обе стороны не учли настроение народа. Жители города Корелы отказались сдать город врагу.

Забыв про обещанную помощь в борьбе против польской интервенции, Швеция воспользовалась изменившейся политической ситуацией в России (свержение правительства Василия Шуйского) и перешла к активным военным действиям. Летом 1610 г. шведы вторглись в пределы Корельского уезда. Развернулась народная борьба; остановить регулярные войска ополченцы не смогли, но нанесли врагу существенный урон. Основные силы шведы сконцентрировали для взятия крепости Корелы. Несмотря на стойкое сопротивление гарнизона и защитников крепости из числа городского и сельского населения, руководимых воеводой И.М. Пушкиным, крепость не могла выдержать долгой осады. После захвата Корелы в 1611 г. шведы устремились на русские земли и к середине 1612 г. большая часть новгородских земель контролировалась шведами.

Для захвата Карельского Поморья и Заонежских погостов шведы использовали польско-литовские отряды. Объединившиеся против интервентов русские воинские части и местное население оказали упорное сопротивление врагу, поэтому захватить карельские земли ему не удалось.

Затяжные военные действия оказались не под силу как Швеции, так и России. Начались длительные русско-шведские переговоры, которые то прерывались, то вновь возобновлялись. Были и непосредственные контакты и обмен посланиями. В дер. Столбово²¹ переговоры шли с 31 декабря 1616 г. по 17 февраля 1617 г. при посредничестве английского посла Меррика (Рис. 51). Место для переговоров выбрано не случайно. Столбово находится примерно посередине между Тихвином, где стояли русские войска, и

²¹ В настоящее время Столбово – маленькая деревня из нескольких старинных деревянных построек в Волховском районе Ленинградской области. Расположена на правом берегу р. Сясь в 55 км вниз по течению от г. Тихвина.

Рис. 51. Столбово (фото С.И. Кочуркиной)

Ладогой, где разместились шведские представители. Для переговоров построили специальное здание, названное по имени русского князя Даниила Мезецкого – Данилов острожек (Кисловский С.В., 1974, с. 155). Окончательный текст Столбовского договора подписан послами обеих держав 27 февраля 1617 г. (см. подробнее: Шаскольский И.П., 1964, с. 52 и др). По Столбовскому договору Швеции отходила Ижорская земля, Корельский уезд с г. Корелой. Россия лишилась выхода к Балтийскому морю. Беломорская и Олонецкая Карелия, население которых сумело отстоять свои земли, остались в составе Русского государства,

Ожесточенная борьба жителей Карелии со шведскими и польско-литовскими отрядами отразилась в устном народном творчестве. Наиболее распространенными являлись предания, в которых местный крестьянин, обычно даже без имени, некий обобщенный художественный образ, с помощью природных объектов: стремнины, озера, реки, леса и т.д., побеждал врагов (Северные предания, 1978, с. 78, 81–101). Даже курганы, возникшие в X–XII вв., в устных рассказах связываются с литвой, как будто бы погребенной в них.

По Столбовскому договору обе стороны условились выдавать перебежчиков. На протяжении нескольких десятков лет на территорию Московского государства из русских земель, отошедших к Швеции, перешло

большое количество людей. Шведское правительство требовало их выдачи, но «...исполнить это требование в глазах московского правительства значило отдать православных христиан в люторскую веру; благочестивый царь никак не мог решиться взять на свою душу грех, и потому положено было выкупить перебежчиков. Часть выкупных денег, именно 20 000 рублей, была отдана в Москве шведскому агенту Нумменсу, который с ними и отправился на Псков к шведской границе. В то же время в зачет выкупной суммы велено было отпустить из псковских царских житниц 11 000 (по документам Российского государственного архива древних актов, 10 000. – С.К.) четвертей хлеба в Швецию» (Соловьев С.М., 1990, с. 472–473).

Когда во второй половине XVII в. положение России несколько стабилизировалось, русское правительство вновь начало в 1656 г. борьбу за выход к Балтийскому морю и за возвращение захваченных Швецией земель, но вынуждено было отступить. Подсчитано, что за годы шведской интервенции Корельский уезд покинуло около 50 тысяч человек. Переселенцы обосновались в Бежецком, Новоторжском, Тверском, частично Ярославском и Углицком уездах, в районах Новгорода, Валдая, Старой Руссы, Тихвина и т.д. Большое число карел осело на Олонецком перешейке, в северо-западных Заонежских и Лопских погостах, существенно изменив этническую карту Карелии.

В Карелии центр русской государственности располагался на Онежско-Ладожском водоразделе. Именно здесь происходили наиболее важные политические, социально-экономические и этнокультурные процессы.

В первые десять лет царствования Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) отношения со Швецией в основном были спокойными, какими они были при его отце Михаиле Федоровиче (1613–1645 гг.). Однако постоянная опасность вторжения шведских военных отрядов – по Столбовскому договору пограничная линия проходила в непосредственной близости, всего в 50 км, от Рождественского Олонецкого погоста – побудило Московское правительство предпринять ряд мер по обеспечению обороноспособности пограничных районов, в связи с чем развернулось строительство Олонецкой крепости.

Олонецкая крепость. Олонец впервые упомянут в приписке к Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича. Сама грамота датируется 1136/37 г., поэтому долгое время возникновение города относили к XII в. Однако сейчас можно считать доказанным, что приписка, в которой упомянут Олонец, датируется XIII в. (см. раздел «Весь»).

В русских летописях (НПЛ, с. 89) Олонец упомянут в 1228 г., когда отряды еми (финское племя хяме) на лодках появились в Ладожском озере. Узнав об этом, новгородцы с князем Ярославом как будто бы собрались дать отпор неприятелю. Но простояли в Неве несколько дней, собрали вече и, ничего не предприняв, возвратились в Новгород. Иначе поступил ладожский

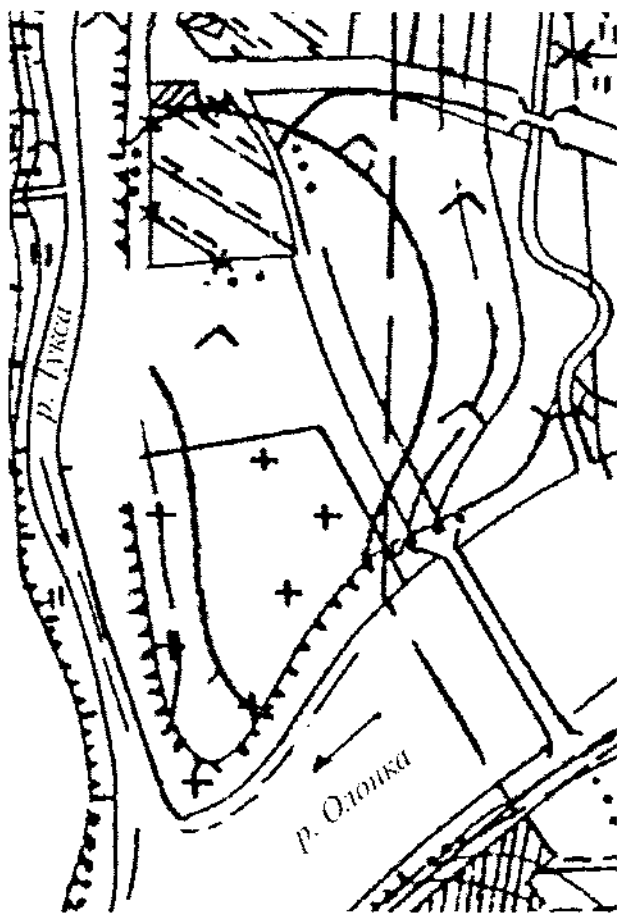

Рис. 52. Мыс при слиянии рек Олонки и Тулоксы

посадник Владислав вместе с жителями г. Ладоги. Под их ударами часть еми отступила к Олонцу и Исадам. Таким образом, о существовании Олонца в XIII в. рассказывают два независимых источника. Однако многолетние археологические раскопки на территории Олонецкой крепости слоев XIII в. не выявили.

С Олонцом отождествлялся упомянутый в «Саге о Хальвдане, сыне Эйстейна» Алаборг. Сага, датирующаяся концом XIV – началом XV в., относится к числу приключенческих в древнескандинавской письменности. Наряду с мифическими деталями она излагает вполне достоверные исторические события и некоторые историко-географические сведения, не встречающиеся

в других источниках, в частности о городе Алаборге (семь упоминаний). Сообщается, что городом правил «большой герой» ярл Скули; после него титул ярла и город с окрестностями получил Ульвкелль, побратим Хальвдана (Древнерусские города..., 1987, с. 161–165). Попытки соотнести топоним Алаборг с конкретным городом предпринимались давно. В качестве вероятного местоположения назывались Белое море, Приладожье, Онежское озеро и одно из поселений вблизи г. Олонца (Глазырина Г.В., 1984, с. 207–208). Однако эта точка зрения не была поддержана исследователями (Джаксон Т.Н., Мачинский Д.А., 1989, с. 132).

Следующие упоминания об Олонце появляются во второй половине XVI в.

Первые оборонительные сооружения на территории Рождественского погоста появились лишь в начале XVII в. в связи с нападением отрядов черкас и «немецких людей». Известно, что осенью 1613 г. Олонецкий острожек

уже был построен. В январе 1614 г. «приходили на Олонец изгоном черкасы и немецкие передовые люди восемьсот человек... и тех черкас и немецких людей многих побили и языки многие и знамена поимали» (Олонецкий сб., 1902, с. 4). Это событие подробно изложено в отписке воеводы Федора Плещеева о присылке к нему взятых казаками пленных в бою в Олонце и об отсылке их в Москву. Сейчас точное расположение этого, а может быть, и другого, видимо, небольшого острожка, служившего защитой для местного населения, неизвестно. Но вопрос о предшественнике Олонецкой крепости, как и предшественниках древнерусских городов, – традиционно дискуссионный в научной литературе. Не является исключением и Олонец. Одно из таких предположений предлагается вашему вниманию.

Примерно в 8 – 9 км от г. Олонца ниже по течению при впадении р. Туксы в р. Олонку имеется подтреугольной формы мыс, отвечающий всем традиционным требованиям, предъявляемым при сооружении оборонительных комплексов эпохи Средневековья. Более того, с внутренней стороны широкая часть мыса окружена хорошо сохранившимся до сих пор дугообразной формы глубоким рвом, соединяющим обе реки (Рис. 52). Вполне возможно, что это была своего рода гавань, в которой могли укрыться небольшие суда. Особенности микротопографии таковы, что внезапное появление неприятеля полностью исключалось, поскольку мыс «запирает» вход. Аналогична по топографическим особенностям более поздняя Олонецкая крепость, о которой речь пойдет ниже. Не с этим ли местом связана легенда о набеге шведов на Олонец? Шведы, намереваясь напасть на город, расположились в устье р. Олонки, но приняли еловую рощу в дер. Горка Ильинского погоста за величайшее войско и, испугавшись, повернули обратно, разворотив при этом часть берега (это место в переводе с карельского *laivankienälmüs* означает «поворот корабля» (Мамонтова Н.Н., 1994, с. 125). Так это или нет, археологическими раскопками проверить не удалось, поскольку мыс занят современным кладбищем.

Угроза нападения шведских военных отрядов оставалась, поэтому московское правительство предприняло ряд мер по обеспечению обороноспособности пограничных районов, в связи с чем развернулось строительство Олонецкой крепости.

Ранней весной 1649 г. воеводы князь Федор Волконский и Степан Елагин по царскому указу прибыли в Олонецкий погост с целью выбора места для строительства крепости. Осенью они доложили в Новгородский приказ, обращаясь непосредственно к «государю царю и великому князю» Алексею Михайловичу, о последовательности своих действий: осмотрели места, где можно основать город или острог, и предложили построить его при слиянии рек Олонки и Мегреги, где стояли деревни Оксентьево и Толмачев Наволок. Уже начали было строить острог, что-то типа «тына стоячего» из

выкопанных, заостренных сверху бревен, но опасность затопления в половодье выбранного низкого места изменила планы, а потому заложили деревянный город. Воеводы доложили, что построение Олонца завершено к 29 сентября. Если принять во внимание, что только в августе приступили к возведению сооружений, то, можно сказать, постройка Олонецкой крепости произошла в рекордно короткие сроки.

Но строилось не так легко, как это может показаться по документам. Крестьян обложили дополнительными повинностями: с каждого хозяйства нужно было доставить к месту строительства по 55 тесаных бревен и досок и одному суковатому дереву, кроме того, выплатить по 100 руб. и выделить одного плотника. Обычно лес доставляли близко живущие крестьяне, остальные откупались деньгами.

Итак, в конце сентября 1649 г. на стрелке, образованной слиянием рек Олонки и Мегреги, были построены два деревянных города: Меньший — в западной части и Большой — в восточной. Укрепления с 19 башнями имели протяженность 783 сажени. Оба города образовали замкнутый оборонительный комплекс, по тем временам — мощную дерево-земляную крепость. И хотя в XVII в. широко использовалось огнестрельное оружие и защитные свойства рельефа уже не играли главной роли при возведении оборонительных укреплений, Олонецкой крепости присущи старые, архаичные черты. Она являлась классическим примером крепости мысового типа (расположение на мысу-стрелке с устройством рва). Кроме того, объемно-планировочная структура построенной крепости убеждает в мысли, что Меньший город играл роль детинца (кремля), а Большой — посада. В Меньшем городе находились соборная церковь, съезжая изба — орган административного управления, казенный погреб для хранения воинских припасов, воеводский двор — официальная резиденция воеводы. Большой город предусматривался для защиты местного населения, которое в случае военной опасности могло укрыться за крепостными стенами. И не только. Большой город с самого начала предназначался для постоянного местожительства посадского населения. Это следует рассматривать как важный этап создания Олонца не только в качестве военно-административного центра, но и торгово-ремесленного города.

Этому способствовала близость Олонца к шведской границе. Город еще не был достроен, а воеводы уже беспокоились о месте, где можно устраивать торги с приезжающими из-за рубежа купцами. В полученном на запрос ответе было сказано, что «для приезду корелян и немец устроить гостин двор на Олонце за городом, меж реке Олонца и Мегреги на острове на Стрелице». В город же пускать их запрещалось, хотя в нем были торговые лавки, и рекомендовалось в целях безопасности держать это распоряжение в тайне. Более того, в наказе олонецким воеводам говорилось о необходимости добывать сведения, которые полезны московскому государству, «а сами б ни про что не рассказывали» (Карелия в XVII в., 1948, с. 91–93).

Ф. Волконский писал в 1649 г. о первых шагах по организации посада: «А жилых, государь, и посадских людей в города из заонежских погостов охотников никого нету; и мы, холопи твои, у смотру допрашивая волостных людей, которые люди у них в погостех торговыми промыслы промышляют... тем торговым людям говорили, чтоб они, у кого есть дети, писали детей своих в солдатскую службу, а сами писались в посадские люди на Олонец». Однако крестьяне жаловались государю, что торговые промыслы у них небольшие, а земли малые и скудные, да и населения немного, чтобы их детям еще идти в солдатскую службу и при этом «тягло тянуть». Нанять же «гулящих людей» – нет ни денег, ни хлеба, лучшие работники уже отданы в ученье, а без них «пообезсилили». Поэтому на первых порах удалось записать «в посадские люди с шестьдесят человек», а детей их в солдаты (Там же, с. 84–85). Этого количества, однако, было недостаточно для организации обороны.

Охрану шведского рубежа московское правительство решило поручить самим местным жителям, обучив их «иноземному строю». Правительство полагало, что крестьяне смогут нести военную службу и вести хозяйство одновременно, а правительство при этом сэкономило бы деньги, то есть планировалось создать новую социальную категорию «пашенных солдат». На первый взгляд, проект казался удачным. Действительно, зачем посылать людей в далекую Карелию, платить им жалованье и т.д. Местное население, настрадавшись от врагов, могло бы само себя защитить.

Прежде чем осуществить задуманное, следовало провести учет населения, ликвидировать недоимки. Непомерные крестьянские подати приводили к тому, что из Заонежских погостов крестьяне семьями и группами семей уходили в Новгород, на Вологду, Белоозеро и т.д. В некоторых случаях имелись и предварительные договоренности с помещиками, на земли которых крестьяне переселялись, бывал и насильственный захват крестьян с имуществом. Но подати, возложенные на определенные территории, оставались прежними, хотя количество плательщиков уменьшилось. Чтобы привлечь крестьян к несению солдатской службы, правительство распорядилось освободить их от уплаты податей. Этому способствовали многочисленные крестьянские челобитные государю с просьбой освободить их от недоимок за прошлые годы. Крестьяне ставили условие о несении воинской службы вблизи места жительства. Правительство приняло их условие, поскольку не рассчитывало на дальние походы, но слово свое не сдержало.

За время существования пашенных солдат (1648–1666 гг.) экономике края был нанесен более значительный урон, чем от иностранных набегов. Хозяйство осталось без работников, поскольку мужское население с 15–20-летнего возраста и до 50 лет находилось на солдатской службе.

Крестьяне-солдаты убегали еще с дороги, скрывались по лесам. Правительство пыталось бороться с беглецами, возвращало их назад. Разорение среднего крестьянства – вот результат введения системы пашенных солдат. 1 июня 1666 г. правительство отменило этот институт.

Люди, переселенные на жительство в Олонец, стремились вернуться на прежние места. Они подавали в Новгородский приказ челобитные с просьбой не отнимать у них деревенские участки: «...городовых, государь, торгов и промыслов никаких нет, город, государь, украиной, и место порубежное, а нас сирот твоих и всех посадских людишек толко полтора ста дворов и ис тех... многие обнищали и скитаютца меж дворы» (Карелия в XVII в., 1948, с. 190). Однако приказывалось «свесть попрежнему на посад, тотчас, и велеть им жить на посаде, а в села и в деревни без отпуску им ездить не велеть».

В 1668 г. оба олонецких города сгорели. Из-за сильного ветра и тесной застройки пожар остановить не удалось. Вопрос о восстановлении Олонца был поднят в скором времени, для этого население погостов вновь обложили податями. В 1670 г. в Москве уже находилась сметная Рospись и чертеж будущего города, отрицательно решился вопрос как об увеличении территории крепостного двора, поскольку она ограничена руслами двух рек и рвом, так и о строительстве земляного города, потому что «земля иловатая и дерновых мест нет».

Строительство, начатое в 1670 г., завершилось через два года. Планировка крепости сохранила в основном прежние черты, но исчезло деление на

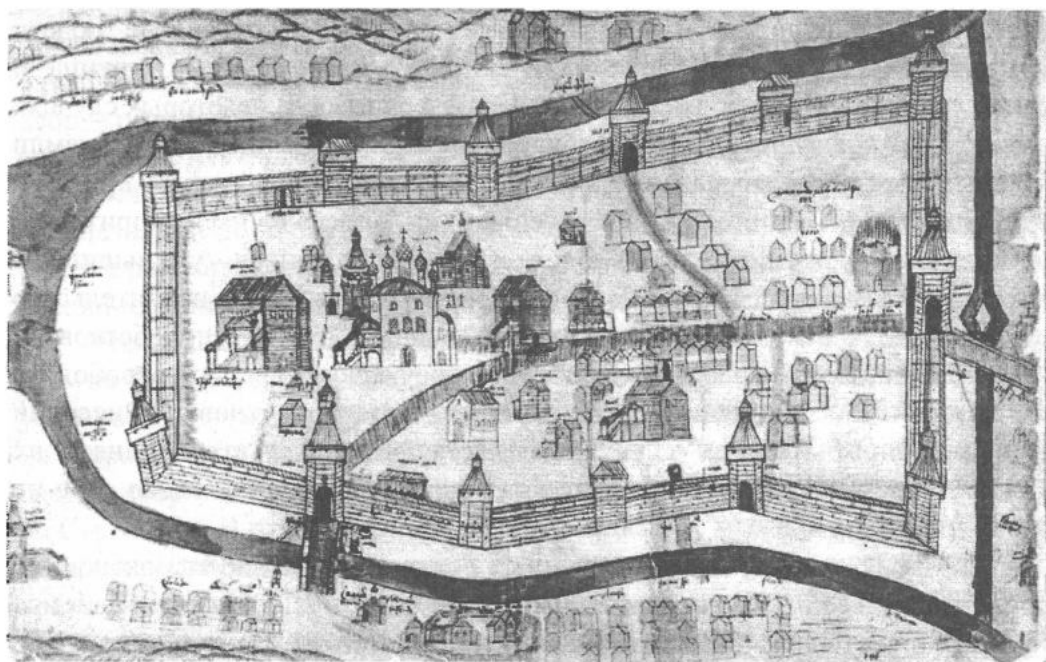

Рис. 53. План Олонца XVII в.

два города и существовавшая между ними стена. Башен стало 13 вместо 19.

Большую ценность для восстановления облика древнего Олонца имеют планы города, особенно план из Рукописного отдела библиотеки РАН (Рис. 53). Он выполнен в стиле, характерном для XVII в., вероятнее всего иконописцем, и представляет значительный интерес как для изучения застройки и планировки крепостного двора, так и для исследования архитектурных особенностей административных, культовых и жилищно-хозяйственных комплексов кремля. Хорошо показана на плане центральная уличная магистраль, которая начинается от Московских ворот, пересекает восточную часть крепости и поворачивает на юг к Никольским воротам. Любопытно отметить такую черту благоустройства города, как мощение главной улицы и участка от здания приказа до соборной церкви. Переулки к Верховским и Мегрегским воротам оставались немощеными. В восточной части города располагались хлебные амбары, торговые лавки, комплекс дьячего двора и т.д. Западная часть кремля была занята воеводским двором, отделенным от остальной крепости оградой. Двор имел выход к р. Олонке через «водяные» ворота в крепостной стене.

На территории крепости располагались две каменные постройки: палата для хранения пороха и казны и Троицкий собор. Предполагается, что в 1741 г. крепость сгорела и больше не восстанавливалась, так как после победы в Северной войне шведская граница отодвинулась далеко на запад и Олонец потерял свое военно-оборонительное значение.

Археологические раскопки. Наличие большого количества документов по строительству Олонецкой крепости не исключает необходимости трудоемких археологических работ, поскольку только результаты археологических исследований позволяют восстановить основные этапы создания деревянного города, конструктивные особенности застройки территории крепостного двора и конкретных сооружений. Без археологически изученных опорных точек определить топографию крепости невозможно. Археологические материалы помогают раскрыть конкретное содержание письменных источников, изучить материальную культуру города, документами пока не представленную.

Обследование территории крепости показало чрезвычайно плохую сохранность как крепостных, так и городских сооружений. Главная причина заключается в том, что центр исторической застройки площадью около 7 га со времени возникновения крепости и до сегодняшнего дня является объектом интенсивной хозяйственной деятельности. Он застроен современными административными, жилыми и хозяйственными постройками, что отрицательно сказалось на сохранности исторического памятника. Старожилы рассказывали, что при асфальтировании центральной улицы, идущей вдоль мысовой части, и строительстве универсама видны

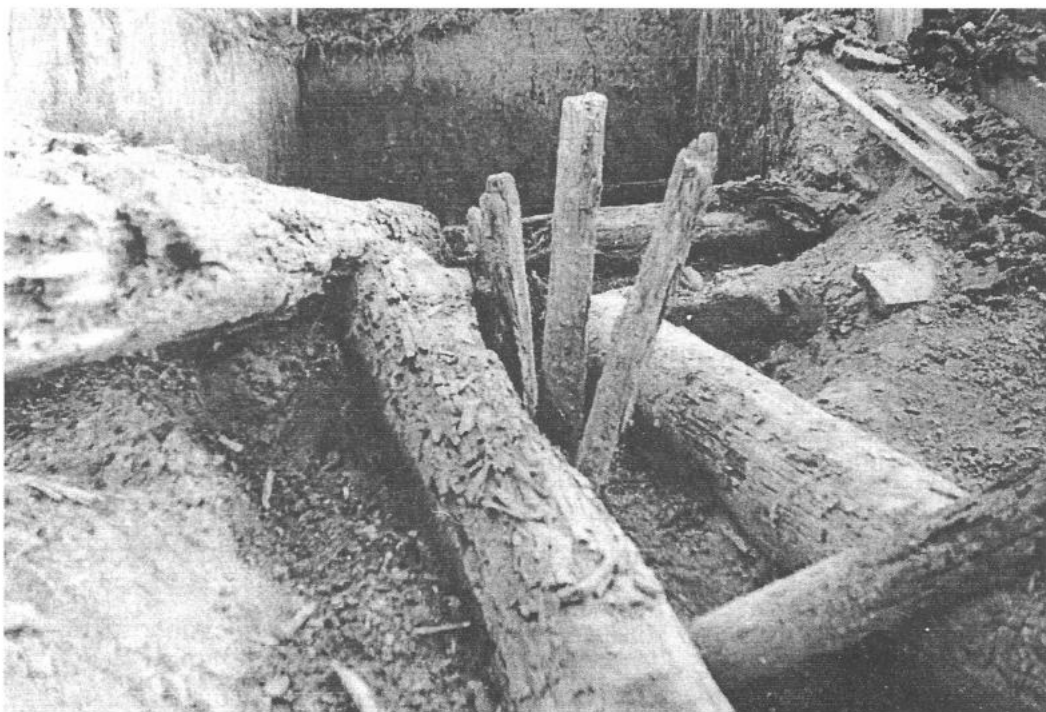

Рис. 55. Деревянные укрепления рва

которые в грунт были вбиты деревянные колья. В западной стенке рва — такой же обруб. По документам, существовали еще бревенчатые перемычки между стенами рва — «стрелы из стены в стену», но найти их в процессе раскопок не удалось. Видимо, они устанавливались не по всей длине рва.

На плане Олонца конца XVII в. между каменным собором св. живоначальной Троицы и деревянной Богоявленской церковью схематически изображено кладбище. Никаких опознавательных знаков кладбища (кресты, холмики, впадины) не сохранилось. В процессе археологических работ (раскоп VI) удалось выявить 61 погребение (из них 28 детских). Детские находились в основном на глубине 0,6–0,8 м, взрослые захоронения располагались глубже — до 1,22 м от поверхности

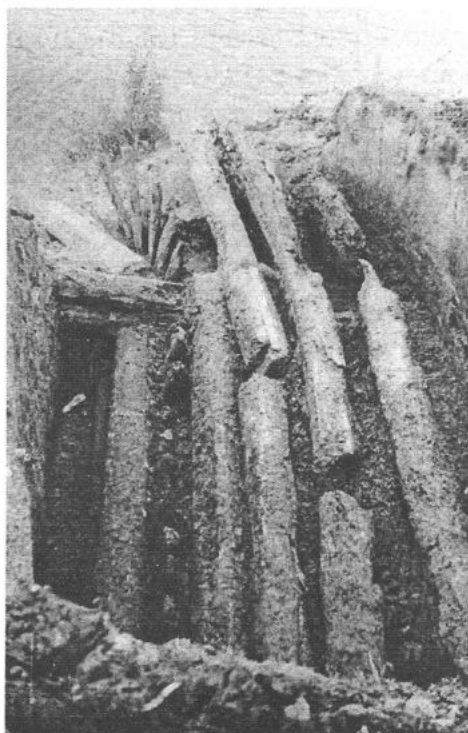

Рис. 56. Деревянные укрепления рва

земли. Погребенные лежали на спине со сложенными на поясе руками, в вытянутом положении и были ориентированы чаще всего на запад с некоторым отклонением к югу и к северу. В 34 захоронениях выявлены остатки деревянных могильных сооружений, в 12 – остатки древесного тлена поверх скелетов. Могильные сооружения разнообразны: гробовища из рубленых досок (4), колоды, выдолбленные из дерева (4), в остальных случаях использовались гробы. В некоторых захоронениях (7) имелись угольки.

Из погребального инвентаря найдены 22 нательных крестика, часть складной иконы, медные пуговицы, металлическая чашечка с чеканным растительным орнаментом и некоторые другие предметы. Но примерно в половине погребений не обнаружено никаких вещей. Все эти особенности погребального обряда свидетельствуют о стойком сохранении язычества в среде древних олончан (Овсянников О.В., Кочкуркина С.И., 1978, с. 93–95).

Существовало ли кладбище до постройки крепости? Если принять на веру свидетельства документов о двух деревнях, существовавших до постройки крепости (Оксентьево и Толмачев Наволок), то можно предположить, что

Рис. 57. Мостовая, ведущая к Никольской башне

кладбище было основано жителями этих деревень. Но таких деревень нет ни в писцовых, ни в переписных книгах по Олонецкому погосту. Более того, о кладбище на территории, которую выбрали для строительства крепости, тоже нет упоминаний. Следовательно, есть основания считать, что кладбище синхронно Олонецкой крепости и создано ее жителями.

Роспись 1672 г. упоминает центральную Московскую Пробойную. От нее шли улицы к Верховским и Мегрегским воротам. Есть они и на плане Олонца XVII в. Археологически изучены две деревянные мостовые города (раскоп IX). Одна, более древняя (ширина ее 3,2 м), лежавшая на материковом грунте на глубине 0,7–0,86 м от поверхности земли, шла в направлении с запада на восток, почти параллельно р. Мегреге и Никольской башне. Она была построена так: на две параллельные слегги, ориентированные в направлении запад – восток с небольшим отклонением к югу и к северу, уложены, тоже параллельно друг другу, бревна попеременно с плахами, ориентированные в направлении север – юг с небольшим отклонением к западу и востоку. Надо сказать, что мостовая сохранилась довольно хорошо, потому что бревна (диаметр 0,24 м) предварительно смолили или обжигали. Возможно, мостовая вела к стрелецкой караульне, располагавшейся у Никольской башни, или к воеводскому двору.

Вторая мостовая выявлена на глубине 0,44–0,6 м (Рис. 57). Максимальная ширина – 6,4 м, что соответствует документальным данным. Сделана в основном из сосновых плах диаметром 0,2–0,3 м. Гвозди употреблялись редко. Железная скоба найдена всего одна. Конструкция второй мостовой аналогична предыдущей. Хорошо сохранились две центральные слегги-бревна, идущие в направлении северо-восток – юго-запад. Здесь же тесали и ошкуривали бревна. Именно эта мостовая, указанная на плане XVII в., вела от Московской Пробойной улицы к Никольской башне.

Продолжение мостовой удалось зафиксировать при исследовании комплекса XVII–XVIII вв., который, помимо небольшого участка мостовой, захватил частично Никольскую башню и примыкающую к ней городовую стену (раскоп XIII). Вскрытый участок мостовой сохранился хуже из-за ее повреждения при прокладке телефонных кабелей. Она вела к валунам, которые, видимо, остались от фундамента башни, ее северной части. Проезжая шестиугольная башня находилась в южной стене, на спуске, у ее основания располагалась пристань и мост через реку. Юго-западнее валунов выявлены три деревянные камеры – тарасы крепостной стены. Бревна, замыкающие камеры с юга, сохранились в виде слабого древесного тлена.

Раскопки на территории Олонецкой крепости возобновились в 2004 г. На углу улиц 30-летия Победы и Свирских дивизий, на участке, отведенном под строительство магазина продовольственных товаров, мною согласно

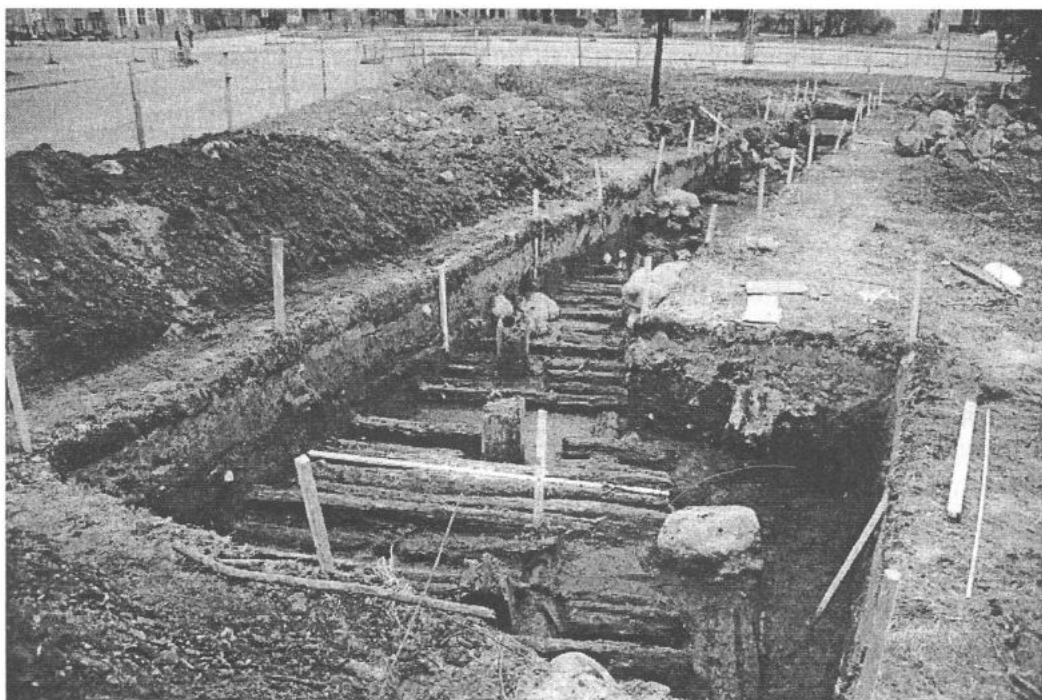

Рис. 58. Участок Московской Пробойной улицы (фото С.И. Кочуркиной)

закону об охране памятников, были проведены археологические раскопки (раскоп XVI, 68 м²).

На глубине около 1 м на слое материковой голубоватой глины выявлены остатки деревянной мостовой – Московской Пробойной улицы (Рис. 58). Максимальная ее ширина – 3,8 м, длина – 10,5 м. Она уходит за пределы раскопа и далее под асфальтированную пешеходную дорожку по улице

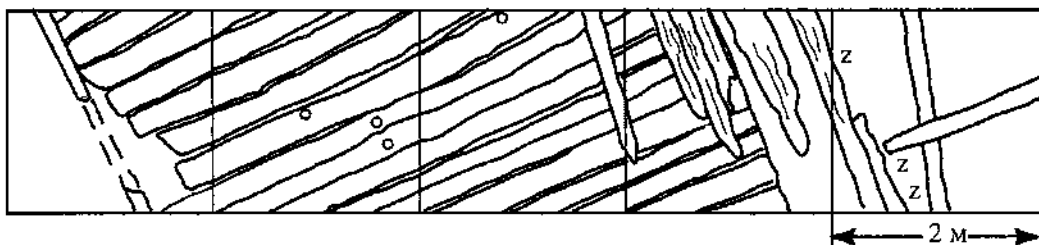

Рис. 59. Участок мостовой от центральной улицы к р. Олонке

30-летия Победы. Мостовая повреждена более поздним фундаментом, сброшенными на нее огромными валунами и вертикально вбитыми столбами от прежних сооружений. Она состояла из хорошо сохранившихся слег, в качестве которых использовались бревна диаметром 0,23 м. Они ориентированы в направлении юго-запад – северо-восток. На параллельные слегы укладывались бревна (диаметром 0,12–0,2 м) в направлении северо-запад – юго-восток. Сохранилась щела от подтесывания бревен. Эта мостовая отличается от двух упомянутых выше, сделанных в основном из плах, и лишь в одном случае отмечена подтеска для верхнего бревна. Здесь же использованы мощные бревна (одно из них длиной около 4,5 м и шириной 0,4 м), видимо, потому, что Московская Пробойная улица как главная при въезде в город испытывала большую нагрузку. Согласно документам, ее ширина достигала более 12 м, вероятно, по этой причине мостовая покоилась на трех слегах. Среди бревен встречена покрытая ржавчиной неопределенная монета XVIII в.

Известно, что в 1649 г. на первом этапе существования Олонецкой крепости с восточной стороны города между реками Мегрегой и Олонкой был выкопан ров в четырех саженях от стены, чтобы вода, заполнив ров, не разрушила стену. В 1672 г. во время второго строительного периода, когда после пожара восстанавливали крепость, ров был очищен с напольной стороны, так как во время пожара он обвалился под тяжестью земли, высыпавшейся из сгоревших быков. Против каждой из трех башен, в том числе и против Московской, через ров соорудили мосты с решетками и надолбами – «мосты на срубе». Возможно, остатки деревянного строения в восточной части раскопа связаны с укреплениями рва.

Раскоп 2007 г. (XVII, 20 м²) расположен на территории Олонецкой крепости вблизи старого двухэтажного деревянного здания (бывшая гостиница). В этой части крепости ранее раскопки не производились. Под толстым слоем техногена на глубине немногим более метра выявлен деревянный настил, располагавшийся на слое темно-серой материковой глины, ориентированный в направлении юго-запад – северо-восток (Рис. 59). Его максимальная ширина – 7,6 м, длина – 3 м. Он сделан из бруса, лишь в

редких случаях использовались бревна. Ширина их в среднем – 0,16–0,17 м, толщина – 0,07–0,15 м. Для укрепления настила использовались нагели. Северо-восточный край деревянного сооружения перекрывался брусьями шириной 0,12–0,28 м. Часть из них уходила в северную и южную стены раскопа. Выявлено скопление щепы, так как, напомним, в древнем Олонце при сооружении мостовых строительные отходы оставлялись на месте. Основой настила являлись слегы, в качестве которых использовались бревна толщиной до 0,12–0,14 м. Под одной из них обнаружены большие куски бересты. Находок, за исключением маленького кусочка слюды и челюсти свиньи, не было.

Мостовую можно идентифицировать с переулком на плане Олонца XVII в., ведущим от шестиугольной башни (через нее был выход к р. Олонке) к центральной мостовой. На плане он показан немощеным, однако вполне допустимо, что этот сырой, как показали раскопки, участок на стыке с центральной улицей для удобства въезда на нее благоустроили.

Археологическое наблюдение за прокладкой траншеи для водопровода позволило сделать ряд важных наблюдений, не прибегая к широкому вскрытию участков. В соответствии с инженерным планом, утвержденным архитектурным отделом мэрии г. Олонца, траншея для водопровода шла от водозабора на берегу р. Олонки в направлении с востока на запад, поднималась на территорию крепости, пересекала ее почти в направлении север – юг, затем вновь поворачивала на запад вдоль обочины улицы 30-летия Победы по кустарниковой полосе, поворачивала под тупым углом к дому Куттуева и вновь под углом подходила непосредственно к зданию. Траншея шириной 0,6 м, максимальной глубиной 2–2,1 м, длиной 124 м прокладывалась экскаватором.

На профиле траншеи к дому Куттуева видна перемешанность слоев, связанная, по всей вероятности, с его строительством и реконструкцией. Дом Куттуева, построенный в 1871 г., в 1995 г. был разобран до основания. Перед тем как возвести на старом фундаменте новое здание, научно-производственным центром по охране и использованию памятников истории и культуры при Министерстве культуры Республики Карелия было предложено провести археологическое обследование фундамента. В результате выяснилось, что в процессе его сооружения (располагался на природных мощных валунах) и сопутствующих строительных работ культурный слой крепости разрушен. Собраны фрагменты гончарной керамики, кусочки слюды, две медные монеты 1728 и 1896 гг.

Профиль северного конца траншеи на склоне показал, что никаких остатков деревянной крепостной стены здесь не сохранилось, т.е. высказывавшиеся ранее предположения о том, что р. Олонка основательно подмыла береговую часть мыса и обрушила крепостную стену в реку

(кроме укреплений рва со стороны р. Олонки, о которых говорилось выше), подтвердились. Не удалось выявить остатки городской стены на берегу р. Мегреги в 2008 г. (раскоп XVIII, 16 м²).

Далее траншея, идущая с севера на юг вдоль здания суда и пешеходной асфальтовой дорожки, обнажила слой битого кирпича, достигавший максимальной толщины 0,32 м. Этот слой образовался, вероятно, при разборке из-за ветхости находившихся в этой части крепости каменных Троицкого собора и церкви Богоявления Господня (разрушились по причине зыбучести грунта).

Северная сторона траншеи вдоль улицы 30-летия Победы и пешеходной дорожки весьма информативна. В профиле выявлена кладка из валунов высотой до 2 м, шириной в некоторых местах до 4 м. Под валунной кладкой зафиксированы остатки мощных бревен. Валуны для территории крепости нехарактерны, они привезены со стороны, так как четвертичные отложения Олонца состоят из суглинков и глинистых грунтов мягкопластичной и текучей консистенции. Описанный участок траншеи, на мой взгляд, является фрагментом каменной палатки, которую в прошлом мы так долго и безуспешно искали. Напомню ее документальное описание.

В 1674–1676 гг. в Олонецком городе строилось первое каменное здание – приказная палата для хранения денежной казны, пороха, свинца и прочих припасов. Под фундамент был выкопан ров общей длиной (в пересчете на современные меры длины) немногим более 77 м и глубиной около 1,8 м. К сожалению, в смете не указаны размеры здания. В дно рва было вбито 959 свай длиной 2,1 м каждая, на торцы которых были уложены 84 пластины-лежни, после чего ров забутили диким камнем. Сама постройка была кирпичной. Трудно представить, как выглядела каменная палатка: на плане XVII в. она изображена в виде высокой, может быть, двухэтажной постройки, на плане XVIII в. – в виде длинного одноэтажного здания. В конце XVIII в. это здание называлось ветхим. При многолетних археологических работах на участке, примыкающем к р. Мегреге (раскопы VII–X, XIII–XV), вскрыта большая территория, но следов такого мощного сооружения обнаружено не было. Понятно, что план Олонца XVII в. не является топографическим планом и не все архитектурные детали реалистичны. В этом убедились многие исследователи, пытавшиеся совместить план крепости с современным городским планом. Несовпадение плана XVII в. с современной топографией подтвердилось и в полевом сезоне 2007 г.

Находок в траншее не обнаружено, поскольку на территории крепости они сопутствуют только жилым сооружениям, но вынутый грунт был вновь возвращен на место, за исключением валунов, так как они могли бы повредить водопровод. По моей просьбе они оставлены на краю траншеи, чтобы напоминать о каменном рве под кирпичной палаткой.

Итак, на территории Олонецкой крепости вскрыта площадь около 1000 м² (18 раскопов, несколько шурфов, траншея). Конечно, в сравнении с территорией, занимаемой крепостью, это небольшая часть, но следует учитывать плотность застройки исторической части города, а также отсутствие бюджетного финансирования, что не позволяет изучать крепость большими участками. На территории Олонецкой крепости археологически не изучено еще много объектов, однако возможности археологических исследований здесь очень ограничены из-за плотной современной застройки.

Тем не менее археологические исследования прояснили и существенно дополнили письменные источники по истории военно-административного центра Олонца, защищавшего западные рубежи Московского государства.

Большинство находок, собранных на территории Олонецкой крепости, – фрагменты гончарной керамики (более 2500), обломки железных (170) и медных изделий (70), точильные бруски (20), обломки курительных трубок (21), кремни оружейные (24) и т.д.

О постепенном превращении Олонца в торговый город свидетельствуют находки монет (107), в основном мелких медных XVIII–XIX вв. Ни одной монеты, относящейся к периоду строительства крепости, не обнаружено. Наиболее ранняя группа из пяти монет датируется концом XVII – началом XVIII в. Монет времени правления Анны Иоанновны (1730–1740) – 40, Елизаветы Петровны (1741–1761) – 22, Екатерины II (1762–1796) – 15. Монеты Павла, Александра и Николая (первых) немногочисленны (Кочкуркина С.И., 2005, с. 183).

Административное управление. С 1649 г. Заонежские погосты имели самостоятельное воеводское управление. Первым воеводой был назначен Дорофей Карпович Ельчанинов, а в декабре того же года его сменили Федор Федорович Волконский и Степан Парфеньевич Елагин, осуществившие мероприятия по строительству крепости. Олонецкие воеводы несли большую ответственность не только за исполнение своих прямых воеводских обязанностей – судить, собирать налоги, управлять, но и осуществляли мероприятия, связанные с обороной, военными делами, обучением солдат и т.д. В 1657 г. удалось отразить нападение неприятеля на Олонец. Напавшие уничтожили ряд деревень в Олонецком погосте, но от города были отброшены. Олонецким воеводам поручалось тайно собирать информацию о приезжающих из-за рубежа, решать спорные пограничные вопросы. В 1659 г. олонецкий воевода получил письмо от шведского генерала по поводу набегов русских «шишей» (разбойников), на что ответил, что, мол, никто на рубеж из местных жителей не уходил, а если шишуют люди с Валаама или из Корельского уезда, то ответственности за это олонецкий воевода не несет.

Административное управление находилось в западной части города в приказной избе. Сохранившийся архив дает представление о характере дел. Это прежде всего земельные споры между крестьянами. Штат приказной избы включал воеводу, дьяка, подьячих и пристава для рассылок. Главной задачей администрации был сбор денег, составление отчетности и производство суда. Дело начиналось с подачи потерпевшим челобитной. Если дело незначительное, в пределах 5 руб., челобитную рассматривал только дьяк, но более крупные иски разбирались вместе с воеводой.

Караульную службу в Олонце несли солдаты, а с 1660 г., когда в город было прислано 30 стрельцов, Олонец стал одним из немногих северных городов, имеющим стрелецкий гарнизон. Любопытен в этом отношении документ 1664 г. Речь в нем идет о недоборе кабацких денег, за точностью сбора которых московское правительство строго надзидало. В 1656 г., говорится в документе, в Олонце было в привозе дешевое московское вино, а народу собралось много: драгуны, солдаты, новгородские стрельцы, донские казаки и «питью был росход», а в 1663 г. вино стало дорогим, а ратных людей мало и оттого «учинился недобор».

Торговля, хозяйство, промыслы. Возникнув как военно-административный центр, Олонец постепенно превращался в торговый город. Есть сведения, относящиеся к XVII в., об олончанах, которые «привозят из-за моря всякие товары» и торгуют ими не только в Олонце, но и в Повенецком и других рядках, а также отвозят товар в Москву. Посадское население, продолжая поддерживать связь со своими семьями, оставшимися в погостах, иногда меняясь местожительством с ними, устанавливали торговые отношения не только с карельскими деревнями, но и с отдаленными русскими и шведскими территориями. Из Олонца вывозили за рубеж «карбасов по 20 и болши, а на всяком карбасе бывает товару тысяч по 10 и болши», много товаров привозили из-за рубежа, их затем везли в Москву и другие города. В то же время посадские люди жаловались, что им негде развернуться, город Олонец удаленный, пограничный, торгов и промыслов нет, но связей со Швецией не отрицали: «у нас одно торговое промыслишко за Свейский рубеж».

Государство использовало регулирующие меры при торговле с приграничными территориями, внимательно следило за взиманием пошлин. В декабре 1661 г. олонецким стрельцам, направляемым на Кондушскую заставу, адресуется «наказная память», в которой предписывалось: строго следить, чтобы граница не нарушалась и ссор по этой причине между государствами не возникало, чтобы тайно не провозились съестные припасы, медные деньги и другие «заповедные» товары, а обратно не ввозилась медь, вино, табак. Нарушившие правило вместе с товаром

и провожатыми отправлялись в Олонец. Кто же имеет разрешение на торговлю, тому «шкоты и убытка не чинить», иначе от великого государя последует жестокое наказание без всякой пощады.

В 1686 г. ограничения относительно провоза за границу съестных припасов – свинины, говядины, рыбы и другой провизии – были сняты, потому что крестьяне, не продав товар, не могли платить податей, торговцы не имели прибыли, государство не получало таможенных пошлин. Порою же государство сознательно шло на убытки. Так, по просьбе семи лопских погостов, видимо, жаловавшихся на обилие привозимого спиртного, голове Олонецкого кружечного двора с товарищами запрещалось ездить в лопские погосты «с вином и с пивом и с медом», чтобы жителей этих погостов оберегать, «чтоб им жить в покое».

На ярмарку в Тихвин из карельских деревень, расположенных в низовьях р. Олонки, везли деревянные резные изделия, из других – железные. Медный промысел существовал в Ильинском. На всероссийском рынке продавались «олонецкие сохи», «олонецкие топоры». Олонецкий погост славился изготовлением сермяжного сукна, а также кож. Предметами широкой торговли были рыба и меха – наиболее ходовые товары на ярмарках. По Тихвинским таможенным книгам подсчитано, что ярмарку в 1654 г. посетили 56 олончан, в 1675 – 44, в 1693 – 62 человека. Посадские люди привозили из Олонца крупные партии товаров, оцененных на сумму свыше 800 руб. Причем специализации не было: один и тот же торговец имел товары как местного производства, так и зарубежные.

В конце 70-х гг. XVII в. Олонец вместе со слободами насчитывал более 700 дворов, а среди посадских людей около 60 семей считалось состоятельными: Свечниковы, Гуттоевы, Рухтоевы, Игумновы, Распутины, Дергоевы и т.д., денежные средства которых росли и в результате ростовщичества, торговли и скупки у населения предметов земледелия и промыслов для перепродажи их на крупных рынках. В конце XIX в. П. Минорский писал: «Олонецкий корел не наживает денег на стороне; он крепко держится дому, и все его богатство в полях, покосах, извозе, мастерстве и домашней трудовой работе. Но есть из них люди, занимающиеся торговлею, промыслами и денежными операциями, которые нажили себе большое состояние. Эти изворотливые люди, которых по Олонцу можно считать десятками, служат ясным примером, что и из кореляков может быть не хуже другого, да и не лучше любого русского кулака, живущего на счет других и на плечах его зиждущего свое благосостояние».

Об Олонце XVIII в. рассказывают отчеты русских путешественников, например, Н.Я. Озерецковского. В 60–90-е гг. XVIII в. Императорская академия наук составила так называемые «Топографические запросы» относительно всех городов наместничества, по ответам на которые планировалось

издать обстоятельное описание Российской Империи. Правда, ответчиками были, видимо, не очень образованные и не слишком исполнительные чиновники, поскольку на вопрос «история Олонца, кем, когда и на какой случай построен» отвечали: «Сей город был пограничный со Швецией, а когда, кем и на какой случай построен, об оном письменных документов не отыскано». Об этническом происхождении людей, их вероисповедании составители тоже не смогли ответить по существу – «есть много сект, друг от друга различных, но чем они... от православной церкви отличаются неизвестно». Из рукописных книг узнаем о социальном составе населения. Например, об олонецком дворянстве сказано, что оно малочисленно. Дворяне редко покидали свои дома, занимаясь хозяйством, «а отдаленность от обращения лишает их людности соответственной благородному происхождению». Они не в состоянии были дать своим детям достойного образования, всю жизнь удерживая их при себе.

Жители Олонецкой губернии вынуждены были уходить на промыслы в другие города Российской Империи, добывая дополнительные средства к существованию, и даже считалось, что они более склонны к промыслам, чем к сельскому хозяйству. О столярах и каменотесах из Олонецкого погоста знали в Петербурге, в Выборге и Сердоболе. Выходцы из Олонецкого уезда, как и из других мест Карелии, оказывались способными лоцманами и работниками на мореходных судах.

Ярмарки проходили дважды в год. Н.Я. Озерецковский наблюдал в олонецких лавках куда больше всяких товаров и съестных припасов, чем в Петрозаводске. Объяснялось это тем, что в Олонец привозили товары из разных мест, например, Тихвина, Петербурга. Рыбу, меха, дичь, древесный уголь, деготь отвозили в Петербург, иногда даже в ущерб себе продавали по низкой цене. Из-за недостатка хлеба его ввозили летом водным путем из Ладogi и Вытегры, а зимой – из Каргополя.

Для жителей Олонецкой земли основным продуктом питания была рыба. Промысловый характер носило рыболовство в устье реки и на Ладожском озере. Часть жителей Олонца поставляла «рыбу на государя». С этой целью производился лов лосося и леща.

Письменные источники, касающиеся Карелии и Олонецкого перешейка в частности, написаны в основном на русском языке, поскольку в них отражены русские государственные интересы, а не национальные, к тому же у карел не было письменности. По писцовым, налоговым книгам лишь изредка можно определить национальную принадлежность дворохозяев. С принятием православия в обиход вошли христианские, русские имена, хотя сомнений по поводу того, что карелы говорили на своем языке, не возникает. В рукописной книге конца XVIII в. (Исторические примечания ... 1784–1790,

с. 62–97) автор относительно карел пишет: «По-русски хотя и говорят, но весьма не чисто, а жены их не знают другого языка, кроме природного».

Там же о карелах говорится, что они «роста хорошего, лицом недурны и вообще имеют изрядный наружный вид, а особенно жители Олонецкого и Каргопольского уездов, которые здоровее и лучше других лицом. Карелы, живущие в округах этой губернии, сохранили донные язык свой и некоторые лучшие нравы, они откровеннее и понескольку правдоушнее прочих, но дерзки и запальчивы... Глубокой старости достигшими почитаются те в здешнем краю, которые дожили до 80 лет, по большей же части умирают между 55 и 60 гг. не столько от дряхлости, как от болезней». Причинами болезней считались свойства воздуха, наполненного «множеством минеральных и металлических вещей», и переменность погоды, что приводило к частым простудным заболеваниям. Но более всего бед приносила цинга. Грустное впечатление на Н.Я. Озерецковского произвело питание олончан, которое он назвал скудным. «Из репы состоят все их зимние кушанья, из нее делают свой квас, который для непривыкших к нему может служить очистительным лекарством. Сушеная же репа, сварена будучи в воде, сладкое представляет яство. Харч сей во всем уезде есть общий и первейший». Крестьяне лишь в праздники употребляли мясо. Чистый хлеб ели до марта-апреля, а затем к муке примешивали сушеную истолченную сосновую кору и некоторые травы.

Еда состоятельных крестьян, естественно, отличалась большим разнообразием блюд.

Крестьянская одежда состояла из овчинной шубы, кафтанов и балахонов. Кафтаны делались из простого сукна, балахоны – из холста. Уходящие на промыслы в другие города «привыкли к некоторым в одежде излишества и употребляют тонкие на кафтанах сукна». Обувь обычно кожаная, но для работы в поле использовались лапти из березового лыка. Женская одежда включала сарафаны, головные уборы: сороки²² (или повойники) и платки; обувь: коты и башмаки. «Вообще во всей губернии праздничные женские наряды доведены до излишества, которые покупают поселяне несоразмерное прибьткам крестьянским ценою».

Своеобразие и неповторимость Олонцу придавали церкви. Они неоднократно перестраивались и за малым исключением до наших дней не сохранились. Здания в основном были деревянными. Кирпич по причине дороговизны применялся мало, поэтому отсутствовали местные профессиональные каменщики. Культовые здания города концентрировались на территории крепости, на о. Мариам и ближайших береговых участках рек Олонки и Мегреги (Куспак Н.В., 1994, с. 66–85). Вид Олонца с хороводом

²² Сорока – женский головной убор в виде шапочки из ситца, сатина, кашемира и т.д.

церквей не оставлял равнодушными путешественников. Н.Я. Озерецковский писал: «Особенности общего вида Олонца – это его старые деревянные храмы с их шатровыми и луковичными куполами, крытые чешуйчатом гонтом... с колоколенками, обведенными по верху галерейками, неправильно разбросанными по стенам мелкими, чуть не косячатыми окнами и пестрою окраскою...».

Олонец в те времена был крупным центром художественной культуры Севера. Иконопись этого края занимает важное место в искусстве Карелии. За последние годы реставрированы многие иконы XVI–XVII вв., на примере которых прослеживается развитие местной живописи. Памятники ранее XV в. не сохранились. Иконопись XV–XVI вв. представлена образцами из Олонца, Туксы, Мегреги, Инемы, Матчезера. Они свидетельствуют о том, что искусство этого периода, развиваясь на основе новгородской художественной школы и под воздействием общерусской культуры, отличалось некоторыми своеобразными чертами. В XVII в. возникло и местное иконописание. Появляются мастера в Олонце и Кондушах. Непрерывающиеся связи с Новгородом и другими художественными центрами Руси способствовали притоку мастеров из других городов. На многих иконах XVII–XVIII вв. отмечается влияние местной культуры. Иконопись Олонецкой земли ни в чем не уступает лучшим произведениям северных школ (Платонов В.Г., 1994, с. 86–110).

Усилиями энтузиастов в 1990 г. Олонец обрел статус исторического города России. В 2009 г. Олонецкой крепости исполнилось 360 лет. Напрашивается вывод о том, что надо бережно относиться к сохранению историко-культурного достояния, оставленного предшествующими поколениями.

Сельские поселения XV–XVII вв. К середине XVII в. в бассейне Онежского озера функционировало 18 так называемых Заонежских погостов. Особенно высокая плотность деревень отмечалась в погостах Заонежского полуострова (Спасский Кижский, Егорьевский Толвуйский, Никольский Шунгский), что обычно объясняется плодородием почвы в районах распространения шунгитов, и на Онежско-Ладожском водоразделе или Олонецком перешейке (Рождественский Олонецкий, Рождественский Остречинский, Никольский Шуйский). Эта территория издавна освоена крестьянами с традиционно развитой земледельческой культурой.

Рождественский Олонецкий погост. Благоприятные природные условия – плодородная Олонецкая равнина, климат, водные ресурсы, растительность, животный мир – способствовали освоению этого края еще с глубокой древности. По берегам рек и озер обнаружены памятники каменного века, курганы и селища эпохи Средневековья.

Рождественский погост – самый крупный как по территории, так и по численности крестьянского населения. Его западной границей, от сел. Обжи до Соломенского (Салми) погоста, служил берег Ладожского озера, северной границей – оз. Сямозеро, восточной – оз. Святозеро. Вблизи южной границы располагался Александро-Свирский монастырь. По Писцовой книге Обонежской пятины, составленной в 1560-х гг. писцом Андреем Лихачевым и подьячим Ляпуном Добрыниным, в крае насчитывалось 320 деревень с 1060 дворами. Царю принадлежали 213 деревень с 393 дворами (здесь учтены 100 деревень «царя и великого князя», которые перечислены в несохранившейся части книги, но названы писцом в итоговом подсчете, но не учтены дворы, поскольку их число в этих деревнях неизвестно), что составляет соответственно 50,7% и 37% от общего числа деревень и дворов. Новгородскому владыке принадлежали 197 деревень с 628 дворами, т.е. 46,9% и 59,2%. В общем владении царя и владыки было шесть деревень (1,4%) с 32 дворами (3%). Намеренно обращаем внимание на эти цифры, поскольку в научной литературе утвердилось мнение о преобладании владычных земель. В действительности цифры показывают другое. Земель своеземцев очень мало – на их долю пришлось четыре деревни (0,9%) с семью дворами (0,7%).

В Писцовой книге Андрея Плещеева и подьячего Семена Кузмина 1582/83 г. перечислены 356 деревень и 1487 дворов, из них пустошей и пустых деревень 62 и примерно половина пустых дворов и мест от сожженных дворов (668 и 120). Структура землевладения несколько изменилась по сравнению с первой книгой. Царские земли, они названы дворцовыми, значительно уменьшились: 24 деревни (6,7%) и 148 дворов (10%), Конюшенному приказу принадлежали 138 деревень (38,8%) и 398 дворов (26,8%). Новгородский владыка сохранил свои владения – 193 деревни (54,2%) и 939 дворов (63,1%). В общем владении царя и владыки была одна деревня (0,3%) и два двора (0,1%). Земли своеземцев вошли в состав земель Конюшенного приказа.

По Писцовой книге Петра Воейкова и дьяка Ивана Льговского в 1616–1619 гг. и Дозорной книге Дмитрия Лыкова и подьячего Якова Гневашева 1620 г. учтено 399 деревень и 1653 (жилых 594) двора. По этой книге все земли Олонецкого погоста четко разделились на дворцовые: 203 деревни (50,8%) с 749 дворами (45,3%) и митрополичьи: 193 (48,4%) с 883 дворами (53,4%). Помещикам принадлежали три деревни (0,8%) с 21 двором (1,3%).

В 1628–1631 гг. по Писцовой книге Никиты Панина и подьячего Семена Копылова в Олонецком погосте числилось 427 деревень и 1965 (жилых 1596) дворов. Структура землевладения почти не изменилась: 218 (51%) деревень и 856 (43,6%) дворов считались дворцовыми и Конюшенного приказа, 209 (49%) деревень с 1109 (56,4%) дворами были собственностью новгородского владыки. В 1646–47 гг. по Переписной книге Ивана Писемского, дьяка Лариона Сумина и подьячего Якова Еуфимьева была 331 деревня с 1562 дворами,

которые примерно поровну распределилась между государственными и митрополичьими владениями: 162 (49%) деревни с 714 (45,6%) дворами были дворцовыми и 169 (51%) деревень с 850 (54,4%) – митрополичьими.

Такое масштабное крестьянское освоение края перекрыло пути монастырской колонизации. На окраинах погоста обосновались лишь Андрусов монастырь и Сяндебская пустынь.

Почти каждую деревню Олонецкого погоста, существовавшую в течение длительного времени, удалось проследить от ее первого упоминания в книге 1560-х гг. до 1646–47 гг. Возникшая деревня вначале определялась по географопографическим особенностям, в следующей книге к этому названию, как правило, добавлялось имя первого поселенца, упомянутого среди жильцов в первой книге. Под таким сложным названием деревня фигурировала и в следующих книгах. Иногда идентификация деревни затруднена из-за неточности писцов, полагававшихся на информаторов, воспринимая их сведения на слух. В трудных случаях идентификации деревни помогала ее принадлежность к государственным или митрополичьим землям (светские и духовные собственники землями обычно не обменивались). Особенно трудно установить преемственность некоторых деревень в период между книгами 1582/83 г. и 1616–1620 гг. Это время разорения края: одни жильцы погибали, на землю шли новые, не связанные с прежними. Поясним на примере деревень вокруг оз. Сямозеро. По первой книге деревня называется «В Мягре наволоке». В ней живут Харитонко Максимов, Ларионов, Микитин. При следующем описании она записана «В Мягре наволоке, Харитонки Максимова» и живут в ней Дмитрийко и Алферко Харитоновы. В следующих книгах полное название деревни сохраняется (1616–1620 гг.), но в ней всего лишь один двор Герасимко Юрьева. В книге 1628–1631 гг. – двор Ивашки Семенова, в 1646–47 гг. уже четыре двора, однако из прежних жителей никто не упомянут. Или другой пример. В деревне «в Чюи наволоке» записаны (1560-е гг.) Якуш Кирилов и Матюшка Микитин; в следующей книге деревня называется «В Чюж наволоке, Гришина Дементьева» и жильцы Якуш Кирилов и Гриша Дементьев; в последующем сохраняется полное название деревни, но дворохозяева новые: Тараско Спиридонов, Ивашко Трофимов, Петрушка Кондратьев (1616–1620 гг.). В 1628–1631 гг. в ней жили тот же Тараско Спиридонов и его родственник Ермолка Спиридонов, Ивашка Трофимов и его родственник Марко Трофимов; в последней книге в деревне один двор Демешки Дементьева.

Что касается «фамилий», упомянутых в писцовых книгах, то, строго говоря, это не фамилии (в России официально они были приняты позднее), а отчества, т.е. Ивашка сын Трофима, Тараско сын Спиридона и т.д. Отчества-полуфамилии в основном православные. Среди учтенных по первой книге «фамилий» (более тысячи) наиболее распространенными, насчитывающими

несколько десятков, были Ивановы, Васильевы, Семеновы, Федоровы, Яковлевы. Реже (около 20) встречались Григорьевы, Микитины, Степановы, Михайловы. Иногда вместо «фамилий» упоминалась профессия, например, Якуш кузнец, Марк сапожник, Онцыфорко кожевник. Или подчеркивалось этническое происхождение налогоплательщика – Иванко Руской, проживавший в деревне Кяниницы на р. Олонце (может быть, в деревне он был единственным русским), или место прежнего жительства – Онтушов сямозерец (житель деревни на р. Олонце), Якуш пришлой. Встречались прозвища: Гришка Чистоба, Иванко Мазило, Еремка Царь, Иванов Широкой. Среди подавляющего большинства русских имен-отчеств угадываются и карельские: Гуйкиев, Келюев, Кибюев, Кичюев, Конниев, Прянциев, Тюкуев, Чикуев и некоторые другие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несколько слов в заключение. В предложенной читателю книге рассказывается о народах Карелии, в изучении истории и культуры которых я как археолог принимала непосредственное участие на протяжении нескольких десятков лет. Археология, поставляющая факты для воссоздания материальной культуры народов, и археологи, анализирующие эти факты, не всемогущи. Что-то остается за пределами нашего, современного, понимания. Конечно, исследователи стремятся выяснить, по словам одного немецкого историка, «как это было на самом деле». Л.Н. Толстой считал, например, что надо изучать историю всех без исключения людей, принимавших участие в событии, а не отдельных лиц. Археология способствует реализации этого стремления, поскольку помогает через находки орудий труда и оружия, предметов украшения, бытовых изделий, остатков строительных сооружений и т.д. раскрыть жизнь рядовых граждан. В письменных источниках подобная информация зачастую отсутствует.

В поисках истины неизбежно обращение к другим источникам, в противном случае получится узко профессиональный взгляд на историю. Нужно разграничивать гипотезы и догадки, предположения и вымыслы и отказываться от последних, как бы заманчиво они ни звучали. История народов не нуждается в приукрашивании, она сама по себе уникальна и неповторима.

Памятники и другие свидетели старины, которые представлены в книге, носители богатой информации и вследствие этого сами требуют бережного отношения. В отличие от Финляндии, где существуют и действуют (!) строгие законы по охране памятников, у нас, в Карелии, мне неизвестны случаи, чтобы кто-то (физическое лицо или организация) нес ответственность за нанесение им ущерба, хотя фактов порчи археологических объектов немало. В последнее десятилетие археологические памятники Карелии и России в целом подверглись набегам «черных археологов», а точнее, грабителей, которые проводят несанкционированные раскопки. На их вооружении – современные металлодетекторы, а теперь и георадары, позволяющие вытянуть из культурного слоя металлические изделия. Вырванные таким образом из археологического контекста предметы, без связи с сооружениями, участками поселений или погребениями, значительно теряют информативную ценность и научную значимость. Так произошло с городищами Паасо, Соскуа, Хямеенлахти, Линнасаари в северном Приладожье. На них после работы грабителей с металлодетектором оставлены характерные повреждения в виде нескольких десятков круглых ямок и брошенные за ненадобностью обломки керамики, поскольку нарушителей привлекают прежде всего монеты, украшения, оружие. У нелегалов

в Интернете появились многочисленные «кладоискательские» сайты для обмена опытом и сбыта древних предметов, журналы.

В 2002 г. был принят «Закон об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», согласно которому до начала производства строительных работ и хозяйственного освоения территории необходимо проведение археологического обследования, но на практике он не всегда соблюдается. В результате разграбление и уничтожение памятников, к великому сожалению, продолжается.

Но вселяет надежду возрастающий интерес, как показывают научно-практические конференции, не только местных администраций, музейных работников, но и населения в целом к историко-культурному наследию, его охране и использованию в просветительских целях. Вот одна из поучительных историй, участником которой была я. Весной 2006 г. Наталья Васильевна Бородкина, заведующая Домом культуры в пос. Софпорот Лоухского района Республики Карелия, привезла в Петрозаводск фотографии средневековых вещей, найденных в поселке. Оказывается, весной 2001 г. уровень воды в протоке Софьянга, соединяющей озера Пяозеро и Топозеро (Кумское водохранилище), резко упал. Среди обнажившихся валунов, в прошлом порогов, которые при создании водохранилища были взорваны, местная детвора заметила непонятные ей предметы, которые с удовольствием пошвыряла в воду. Местная жительница Наталья Павловна Пяттоева не только собрала некоторые вещи, но и сохранила их. Сердечное спасибо и Наталье Павловне, и Наталье Васильевне. Без их помощи археологи так бы и не узнали о существовании на месте современного Софпорога населения в XII–XIII вв. Видимо, находки (10 бронзовых предметов украшения) (Вклейка, 37а) остались от небольшого кратковременного поселения, игравшего роль пропускного пункта на важном промысловом по добыче пушнины озерно-речном пути на север и северо-запад – по оз. Пяозеро, р. Оланга и далее к северным берегам Ботнического залива, в северную Лапландию.

У всех народов, без различий в национальных особенностях, в том числе у русских, карел, вепсов, издревле проживающих на территории нашей республики, сформировались понятия доброты, доверчивости, дружелюбия, трудолюбия, помогавшие людям выжить в трудных условиях севера, непрекращающихся войн и нападений, отражать атаки врагов и защищать Родину. Проникновенно звучат руны «Калевалы»:

Не прошу чужой я пищи
На чужбине самой лучшей;
Всего лучше людям дома,
Каждому там больше чести...

Лучше лаптем воду черпать
У себя, в родной сторонке,
Чем в стране чужой, далекой
Мед – сосудом драгоценным.

(7: 277 – 280; 285 – 288)

Задушевные стихи о Родине написаны Николаем Абрамовым (*перевод с венсского Марата Тарасова*):

Алость ягод, листьев зелень,
Синь озер, плотицы всплеск...
Эту сказочную землю
Бросит разве лишь слепец...
Пусть беда от нас ни шагу –
В рай, судьба, нас не мани.
Я лишь в эту землю лягу,
Где все родичи мои.
Снег падет – вострю я лыжи,
Летом лодку просмолю,
И в пути мне станет ближе
Край, который я люблю.

Литература

- Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2. М., 2008.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.
- Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
- Баранцев А.П. К вопросу о происхождении южнокарельских диалектов // Происхождение Карелии. Йёнсуу, 1976.
- Башенькин А.Н. Исследования в юго-западном Белозерье // АО 1983. М. 1985.
- Башенькин А.Н. Юго-Западное Белозерье во второй половине I – начале II тысячелетия н.э.: Автореф. дис. ...канд.ист.наук. Л., 1986.
- Башенькин А.Н. Некоторые общие вопросы культуры веси. V–XIII вв. // Культура Европейского Севера России. Вологда, 1989.
- Бегунов Ю.К. Древнерусские источники об ижорце Пелгусии-Филиппе, участнике Невской битвы 1240 г. // Древнерусские государства на территории СССР. М., 1984.
- Бельский С.В., Лааксо В. Погребальные комплексы центральной части могильника Кюлялахти Калмистояки в Северо-Западном Приладожье // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 2. СПб., 2009.
- Беляев Н.Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // Seminarium Kondakovianum. III. Прага. 1929.
- Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.-Л., 1961.
- Брюсов А.Я. Археологическое изучение Карело-Финской ССР за 30 лет // Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. Петрозаводск, 1948.
- Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Бубрих Д.В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 5. Л., 1971.
- Васильева Э.С. Характеристика медных сплавов с городищ Тиверск и Паасо // Древняя корела. Л., 1982.
- Винокурова И.Ю. Прионежье: этническая история ареала // Очерки исторической географии. СПб., 2001.
- Витов М.В. Антропологические данные как источник по колонизации русского Севера // История СССР. № 6, 1964.
- Герд А.С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. СПб., 2001.
- Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. Ч.1. СПб., 1909.
- Глазырина Г.В. Alaborg «Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна»: К истории Русского Севера // Древнейшие государства на территории СССР: 1983 год. М., 1984.
- Глазырина Г.В. Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга/ Старой Ладогги скандинавам) // Древнейшие государства Восточной Европы. М. 1991.
- Голубева Л.А. Веси и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.
- Голубева Л.А., Кочуркина С.И. Белозерская весь. Петрозаводск, 1991.
- Гравере Р.У. Одонтологическая характеристика карел // Изв. АН Латв.ССР. № 6 (419). 1982.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.
- Давидан О.И. Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья // Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.

- Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948.
- Джаксон Т.Н., Мачинский Д.А. «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX–XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989.
- Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987.
- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.
- Евсеев В.Я. Исторические основы карело-финского эпоса. М.-Л., 1957.
- Егоров В. Русская летопись о карелах // Карелия. Ежегодник КГМ за 1928 г. Петрозаводск. 1930.
- Енисова Н.В. Новые данные о химическом составе цветного и драгоценного металла памятников летописной карелы // Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск, 2010.
- Жербин А.С., Шаскольский И.П. Советская наука о происхождении карел // Происхождение Карелии. Йоэнсуу, 1976.
- Жульников А.М. Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.
- Завьялов В.И. Железообработка у финно-угров Приуралья // Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.
- Зализняк А.М. Древнегородское койне // Балто-славянские исследования 1986 г. М., 1988.
- Известия Академии наук Эстонии. Общ.науки. 40, 1991.
- Исторические примечания о древности Олонецкого края и о народах прежде там обитавших и топографическое описание городов и уездов Олонецкого наместничества. 1787–1790 гг. // Отдел рукописей и редкой книги РГБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ф.550, ОСПК, № 269.
- Иордан. О происхождении и деянии гетов. М., 1960.
- Исаченко Г.А. Вуоксинская эпопея // Вуокса. Т. I. СПб., 2001.
- История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Joensuu–Петрозаводск, 1987.
- История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Joensuu–Петрозаводск, 1991.
- Кайянойя П. Сравнительный анализ результатов антропологического типа финнов (суоми) // Этногенез фин.-угор. народов по данным антропологии. М., 1974.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989.
- Карелия в XVII в. Сб. документов. Петрозаводск, 1948.
- Карельская АССР. Полезные ископаемые, гидрогеология и инженерная геология. М., 1962.
- Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.
- Кильдюшевский В.И. Карельские вещи из раскопок древнего Орешка // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. СПб., 2008.
- Кисловский С.В. Знаете ли Вы? Л., 1974.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие // Свод археологических источников. Вып. Е1-36. Т. 2. М.-Л., 1966.
- Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
- Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Тр. Пятого междунар. конгресса славянской археологии. М., 1987.
- Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. СПб., 1997.

- Кирпичников А.Н., Назаренко В.А. Меч с именным клеймом из Юго-Восточного Приладожья // Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.
- Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. М.-Л., 1959.
- Колчин Б.А., Круг О.Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа // Археология и естественные науки. М., 1965.
- Концевий В.Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сб. 3(13). Л., 1989.
- Конькова О.И. Ижора и корела. Проблема ранней дифференциации // Русский Север. СПб., 1995.
- Косменко М.Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
- Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб., 1993.
- Косменко М.Г. Культура лууконсаари // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Косменко М.Г. Поселения охотничье-рыболовецких культур // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Косменко М.Г. Экологическая и культурная адаптация охотников-рыболовов бронзового, железного веков и морских промысловиков эпохи Средневековья в Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск, 2009.
- Косменко М.Г., Манюхин И.С. Древняя металлургия и металлообработка в охотничье-рыболовецких культурах эпохи железа и раннего средневековья в Карелии // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000.
- Кочкуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.
- Кочкуркина С.И. Рец. На кн.: Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. // Советская археология. № 2, 1975.
- Кочкуркина С.И. Археологические памятники корелы (V–XV вв.). Л., 1981.
- Кочкуркина С.И. Древняя корела. Л., 1982.
- Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
- Кочкуркина С.И. Корела и Русь. Л., 1986.
- Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М. Поселения эпохи средневековья // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
- Кочкуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.
- Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990.
- Кочкуркина С.И. Железообрабатывающее ремесло у древних карелов и вепсов в эпоху средневековья // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000.
- Кочкуркина С.И. Народы Карелии: история и культура. Петрозаводск, 2005.
- Кочкуркина С.И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск, 2010.
- Кузьмин Д.В. Формирование этнолингвистической карты карельского Поморья по сведениям топонимии // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск, 2007.
- Культурное окружение северного побережья Ладожского озера. Хельсинки, 1998.
- Куспак Н.В. Церковные сооружения Олонца // Древний Олонец. Петрозаводск, 1994.

- Лаанест А. Ижорские диалекты. Таллин, 1966.
- Левашева В.П. Сельское хозяйство // Тр.ГИМ, Вып. 32. М., 1956.
- Леонтьев А.Е. Классификация ножей Сарского городища // Советская археология. № 2. 1976.
- Лескинен В.Т. О некоторых саамских гидронимах Карелии // Прибалт.-финское языкознание. Л., 1967.
- Линд Дж. Невская битва и ее значение // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995.
- Лобанова Н.В. Тайны петроглифов Карелии. Петрозаводск, 2005.
- Лобанова Н.В. Петроглифы Старой Залавруги: новые данные – новый взгляд. Археология, этнография и антропология Евразии, № 1(29). Новосибирск. 2007.
- Лобанова Н.В. Проблемы документирования петроглифов Карелии // Труды КарНЦ, № 4. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 1. 2010.
- Макаров Н.А. Население Восточного Прионежья в X–XIII вв.: Автореф. дис. ...канд.ист. наук. М., 1984.
- Макаров Н.А. Население русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990.
- Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997.
- Мальм В.А. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963.
- Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Тр.ГИМ. Вып. 43, 1967.
- Мальм В.А. Шиферные пряслица и их использование // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
- Мамонтова Н.Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982.
- Мамонтова Н.Н. Топонимия Олонецкого края // Древний Олонец. Петрозаводск, 1994.
- Манюхин И.С. Позднекаргопольская культура // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Манюхин И.С. Саамы (культовые памятники) // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Манюхин И.С. Происхождение саамов. Петрозаводск, 2002.
- Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сб. Гос. Эрмитажа. № 21, 1980.
- Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. М., 1959.
- Муллонен И.И. О гидронимии бассейна р. Ояти // Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
- Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- Муллонен И.И. Этнолингвистическая карта Обонежья // Очерки исторической географии. СПб., 2001.
- Муллонен И.И. Деревня Юккогуба и ее округа // История Сегозерья в географических названиях. Петрозаводск, 2001.
- Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Муллонен И.И. Формирование этноязыковой карты Карелии (по материалам топонимического атласа) // Адаптация народов и культур к изменениям природной

- среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010.
- Муллонен И.И., Кузьмин Д.В. Топонимический атлас Карелии (рукопись).
- Назаренко В.А. Об этнической принадлежности Приладожских курганов // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
- Назаренко В.А. Погребальная обрядность Приладожской чуди: Автореф. дис. ...канд. ист.наук. Л., 1983.
- Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
- Новгород. М., 1991.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.-Л., 1950.
- Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Вып. 2. Пг.-Л., 1925.
- Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов Е.Н. Раннегородские центры Поволховья: проблемы возникновения и соотношения. XIII конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1997.
- Овсянников О.В., Кочкуркина С.И. О Древнем Олонце // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978.
- Олонецкий сб. Вып.4. Петрозаводск, 1902.
- От деревни к деревне: Хийтола – Куркиёки – Элисенваара – Лахденпохья – Мийнала: очерки истории /сост. И.В. Петров. СПб., 2009.
- Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957.
- Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.
- Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сб. XV. Таллин, 1970.
- Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины 7008 г. // ВМОИДР, кн. 12. 1852.
- Петрова М.И., Петров И.В. Подорожник. Куркиёки, 2003.
- Пименов В.В. Вепсы. М.; Л., 1965.
- Пименов В.В., Строгальщикова З.И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989.
- Платонов В.Г. Иконопись // Древний Олонец. Петрозаводск, 1994.
- Повесть временных лет. Ч.1. М.-Л., 1950.
- Пойкалайнен В., Эрнште Э. К описанию и интерпретации новооткрытых финно-угорских петроглифов на берегу Онежского озера // Актуальные проблемы уральских языков. Тарту, 1990.
- Покровская Л.В. Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография. М., 1998.
- Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991.
- Попов А.И. Следы времен минувших. Л., 1981.
- Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля, 1995.
- Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.
- Равдоникас В.И. Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии // Карелия. Ежегодник КГМ за 1928. Петрозаводск, 1930.
- Равдоникас В.И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и в Юго-Восточном Приладожье // ИГАИМК. № 94, 1934.
- Равдоникас В.И. Археологические памятники западной части КФССР // КСИИМК. Вып.7, 1940.

- Розанова Л.С. Итоги металлургического исследования кузнечных изделий // Белозерская весь. Петрозаводск, 1991.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русское княжество XII–XIII вв. М., 1993.
- Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978.
- Рыбина Е.А. Еще раз о «Сигтунском походе» 1187 г. // Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009.
- Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978.
- Рябинин Е.А. Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада. СПб., 1991.
- Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.
- Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001.
- Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М., 1971.
- Савельева Э.А. Лузская пермца. Сыктывкар, 1972.
- Сакса А.И. Город Корела – центр приладожской Карелии (по археологическим данным) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб., 1997.
- Северные предания (Беломорско-Онежский регион). Л., 1978.
- Седов В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. КСИА, XV, 1952.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–VIII вв. // Археология СССР. М., 1982.
- Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.
- Седов В.В. Изборск в раннем Средневековье. М., 2007.
- Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997.
- Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск, 2006.
- Соколов В.А. Создатель школы карельских геологов. Петрозаводск, 1976.
- Солнцев В. Откуда происходят языки // Поиск, 35 (559), 2000.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III, V. М., 1989, 1990.
- Сорокин П.Е. Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2008.
- Спиридонов А.М. Керамика приладожской курганной культуры // Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.
- Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Суни Л.В. Финны-ингерманландцы. Исторический очерк // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.
- Тарасов И.И. Рыболовный инвентарь из раскопок в Старой Ладоге // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. № 1. СПб., 2001.
- Тароева Р.Ф. Материальная культура карел. М.; Л., 1965.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.
- Трумал В.К. К исследованию эстонско-скандинавских отношений (по материалам сааремааских древностей X–XI вв. // VIII Всесоюз. конф. по изуч. ист., экон., яз. и лит. Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Ч. 1. Петрозаводск, 1979.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1986.
- Фехнер М.В. Изделия золотного шитья из курганов бассейна р. Ояти // Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
- Филатова В.Ф. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений

- Карелии // Кижский вестник № 7. Петрозаводск, 2002.
- Филатова В.Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004.
- Флоря Б.Н. Русско-норвежские отношения XIII–XIV вв. и рассказ о Валите // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988.
- Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. М., 1983.
- Хайду П. Уральские языки. М., 1985.
- Хартанович В.И. Краниология карел // Антропология соврем. и древнего населения европ. части СССР. Л., 1986.
- Хартанович В.И. Краниологии населения северо-западного Приладожья XIX – начала XX в. // Балты, славяне, прибалтийские финны: Этногенет. процессы. Рига, 1990.
- Хартанович В.И. Древние и современные антропологические типы Северо-Запада России и Фенноскандии // Очерки исторической географии. СПб., 2001.
- Хартанович В.И. Краниология // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.
- Хартанович В.И. Антропологический состав карельского народа (общность и специфика территориальных групп как результат межэтнического взаимодействия) // Межкультурные взаимодействия в межкультурном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005.
- Хвоцинская Н.В. Финны на западе Новгородской земли. СПб., 2004.
- Хелимский Е.А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- Хомутова Л.С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа // Древняя корела. Л., 1982.
- Хомутова Л.С. Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного Приладожья // Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
- Цветкова Н.Н. Антропология вепсов (обзор и новые данные) // Историческая этнография. Вып. 4. СПб., 1993.
- Чекин Л.С. «Описание земель», анонимный географический трактат второй половины XIII в. // Средние века. Вып. 56. М., 1993.
- Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. Л., 1977.
- Шаскольский И.П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со шведским государством. М.; Л., 1964.
- Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на побережье Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.
- Шаскольский И.П. Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен Юго-Восточной Прибалтики в свете данных современной науки // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
- Щапова Ю.В. Стекланные бусы древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. № 55. М.-Л., 1956.
- Ютиккала Э. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1639 г. // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля, 1995.
- Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
- Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1975.
- Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.
- Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991.

- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Янин В.Л. Раскопки Новгорода // Север. 1996/1.
- Янин В.Л. Берестяная грамота № 590 // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
- Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.
- Appelgren Hj. Suomen muinaislinnat // SMYA. N 12, 1891.
- Gallén J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns. Skrifter utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland. N 427:1. Helsingfors, 1968.
- Gallén J., Lind J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns. Andra delen. Skrifter utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland. N 427:2. Helsingfors, 1991.
- Julku K. Korela Semidesjatskaja. Kaltio 2, 1968.
- Itkonen E. Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historian tutkimuksen alalta. Helsinki, 1966.
- Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä N 2, 3, 1983.
- Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisperäisistä lainasanoista. Helsinki, 1952.
- Karjalan synty. 1.osa // Ed. Saarnisto M. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy. 2003.
- Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissä. Bysantin ja Venäjän yhteysistä keskiajan Karjalaan. Helsinki–Rauma, 1963.
- Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. Helsinki, 1970.
- Kivikoski E. Lisiä Karjalan ristiretkikauden ajanmääräykseen // Kalevalaseuran vuosikirja. N 22. Porvoo–Helsinki, 1942.
- Kivikoski E. Zur Herkunft der Karelrier und ihrer Kultur // Acta Archaeologica. Vol.15, fasc.1–2. København, 1944.
- Kivikoski E. Suomen esihistoria. Suomen historia I. Porvoo, 1961.
- Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973.
- Kiviniemi E. Suomen partisiippinimistöä. Ensimmäisen partisiipin sisältävät henkilö- ja paikannimet. Helsinki, 1971.
- Kotškurkina S.I. Karjalaisten varhaista historiaa. Suomen varhaishistoria. Rovaniemi, 1992.
- Kuujo E. Kurkijoen kihlakunnan historia. Pieksämäki, 1958.
- Laanest A. Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia. Tallinn, 1986.
- Lehtinen L. Mikkelin seudun kalmistot osana Savon varhaishistoriaa // Kalmistojen kertomaa. Rautakautinen Mikkelin seutu idän ja lännen välissä. Mikkelin seutu, 1994.
- Lehtosalo–Hilander P.-L. Rapukoristeisten solkien ajoituksesta // Suomen museo. N 73, 1966.
- Lehtosalo–Hilander P.-L. Muinaispukujemme korut // Kotiseutu. N 5, 1979.
- Lehtosalo–Hilander P.-L. Common characteristic features of dress-expressions of kinship or cultural contacts // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980.
- Lehtosalo–Hilander P.-L. Esihistorian vuosituhannet Savon alueella. Savon historia I., 1988.
- Lehtosalo–Hilander P.-L. Rautakautinen Mikkelin seudulla // Kalmistojen kertomaa. Rautakautinen Mikkelin seutu idän ja lännen välissä. Mikkelin seutu, 1994.
- Leppäaho J. Räisälän Hovinsaaren Tontinmäen paja, sen langanvetovälineet ja langanvedosta (vanutuksesta) yleensäkin // Suomen Museo. N 56, 1949.
- Lind J. Sjögrens Häme-teori og de russiske Krøniker // Historisk Tidskrift för Finland. Årg.62, 1977.

- Lundborg H., Linders F. *The Racial Characters of the Swedish Nation*. Uppsala, 1926.
- Nissilä V. *Suomen Karjalan nimistö*. Joensuu, 1975.
- Nordman C.A. *Karelska järnåldersstudier // SMYA*. N 34, 1924.
- Petersen J. *De norske vikingesverd*. Kristiania, 1919.
- Petersen J. *Vikingetidens smykker*. Stavanger, 1928.
- Pirinen K. *Savon keskiaika // Savon historia*. Kuopio. Vol. 1, 1988.
- Posti L. *Kaarin Paaskunta ja Aurajoen suun muinainen kauppa // Kalevalaseuran Vuosikirja N 30*. Porvoo–Helsinki, 1950.
- Saarikivi J. *Substrata Uralica. Studies on finno-ugrian substrate in northern russian dialects*. Tartu, 2006.
- Saksa A. *Rautakautinen Karjala*. Joensuu, 1998.
- Schwindt T. *Tietoja Karjalan rautakaudesta // SMYA*. N 13, 1893.
- Taavitsainen J.-P. *Ancient Hillforts of Finland*. SMYA. N 94, 1990.
- Tallgren A.M. *Suomen muinaisuus. Suomen historia I*. Porvoo, 1931.
- Uino P. *Ancient Karelia*. Helsinki, 1997.
- Vahtola J. *Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty // Studia Historica Septentrionalia*. Vol. 3. Rovaniemi, 1980.
- Valonen N. *Suomen itäraja perinnerajana // Kalevalaseuran Vuosikirja*. N 74. Porvoo–Helsinki, 1974.
- Vilkuna K. *Zur Geschichte der finnischen Sichein // SMYA*. N 40, 1934.
- Äyräpää A. *Katsaus Savon muinaisuuteen. Viidennet museopäivät Kuopiossa 1938*. Forssa, 1939.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Древнейшее прошлое Карелии.....	15
Эпоха камня и раннего металла.....	15
Железный век	27
Образование Древнерусского государства	31
Ладога.....	31
Новгород	36
Прибалтийско-финское население Новгородской земли	42
Водь	43
Ижора	50
Население древней Карелии	55
Саамы	55
Весь	66
Корела.....	95
Славяно-русское население.....	178
Олонец. Военный и административный центр в составе Русского централизованного государства.....	183
Заключение.....	211
Литература.....	214

Научно- популярное издание

Светлана Ивановна Кочкуркина

История и культура народов Карелии и их соседей

Редактор Э.Г. Растатурина

Обложка В.К. Ужвиев

Верстка, макет И.Ю. Растатурин

Фото на вклейке:

1а–5а, 7а, 11а–14а, 21а–34а, 36а – В.К. Ужвиев

6а, 16а, 18а, 19а, 35а, 37а – С.И. Кочкуркина

8а–10а, 15а – М.И. Федоров

17а – М.И. и И.В. Петровы

Подписано в печать 09.03.11. Формат 70х100¹/₁₆.

Гарнитура Times New Roman, Cambria.

Бумага офсет. 15 печ. л. Тираж 1000 экз.

Зак. 1765.

Петрозаводск, АУ РК «Информационное агентство
«Республика Карелия», 2011

Отпечатано в ОАО «Республиканская типография
им. П. Ф. Анохина», 185005, г. Петрозаводск, ул. Правды, 4

Рис. 1а. Сланцевые орудия. Энеолит

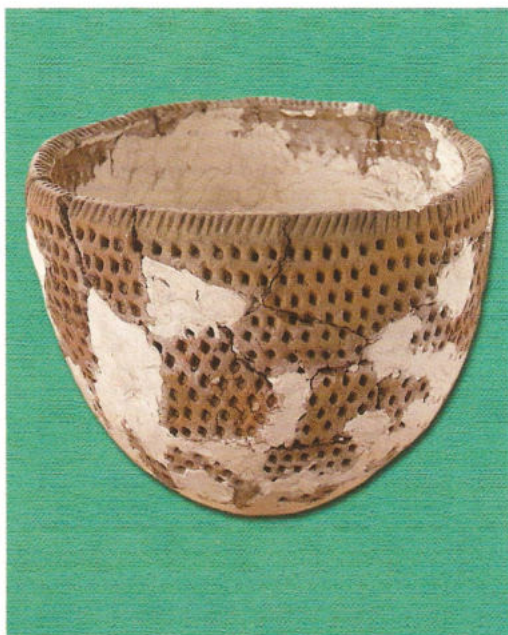

Рис. 2а. Глиняный горшок. Энеолит

Рис. 3а. Фигурки из глины.
Энеолит

Рис. 4а. Янтарные украшения.
Энеолит

Рис. 5а. Сланцевая литейная форма и бронзовый кельт. *Эпоха бронзы*

Рис. 6а. Ново-Андреево. Сопка

Рис. 7а. Стекланные глазчатые бусы
и бронзовая с позолотой фибула

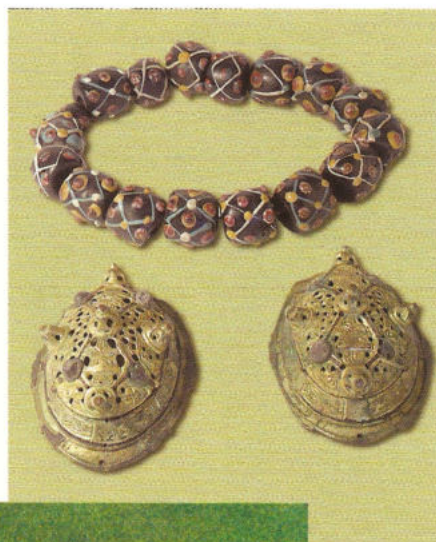
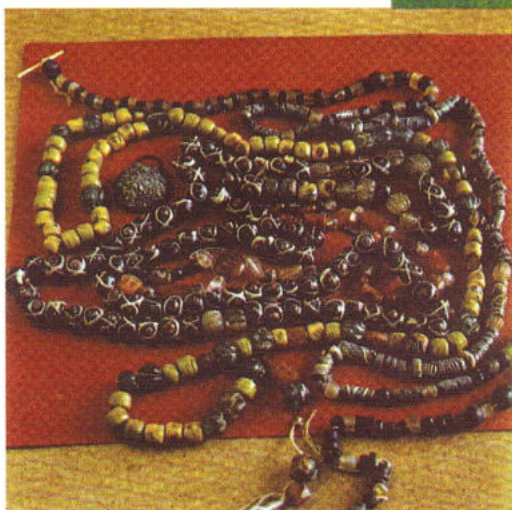

Рис. 8а. Ожерелье из сердоликовых
и глазчатых бус

Рис. 9а. Ожерелье из разноцветных бус

Рис. 10а. Бусы синие, бесцветные
и черно-белые со спирально-волнистой
инкрустацией

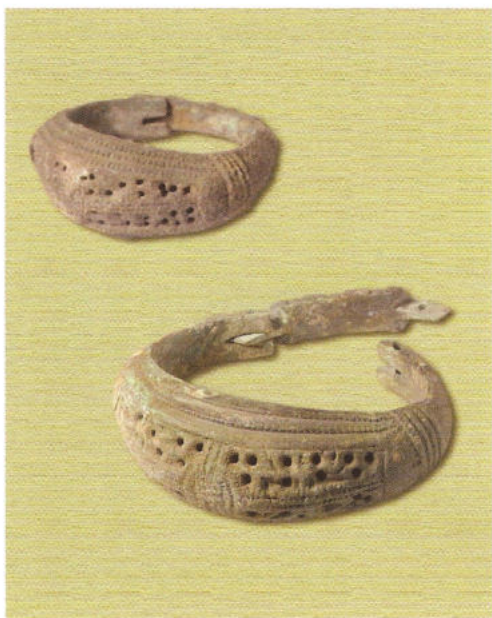

Рис. 11а. Браслеты

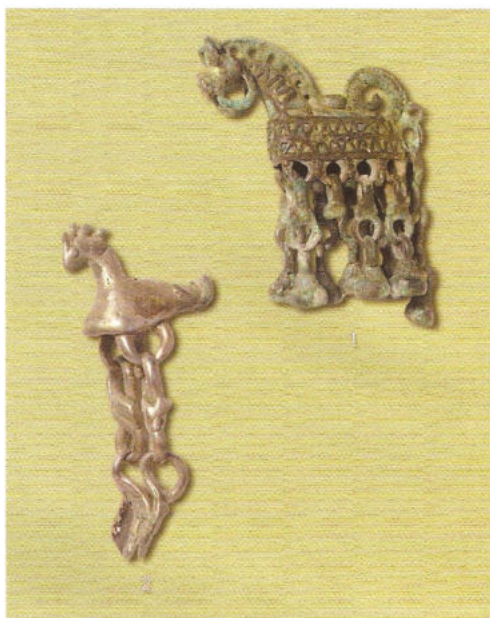

Рис. 12а. Шумящие подвески

Рис. 13а. Котел с цепью, сковорода и сковородник, лопатка, горшок

Рис. 14а. Меч

Рис. 15а. Монеты

Рис. 16а. Городище Соскуа-Линнамяки

Рис. 17а. Городище Лопотти-Линнамяки

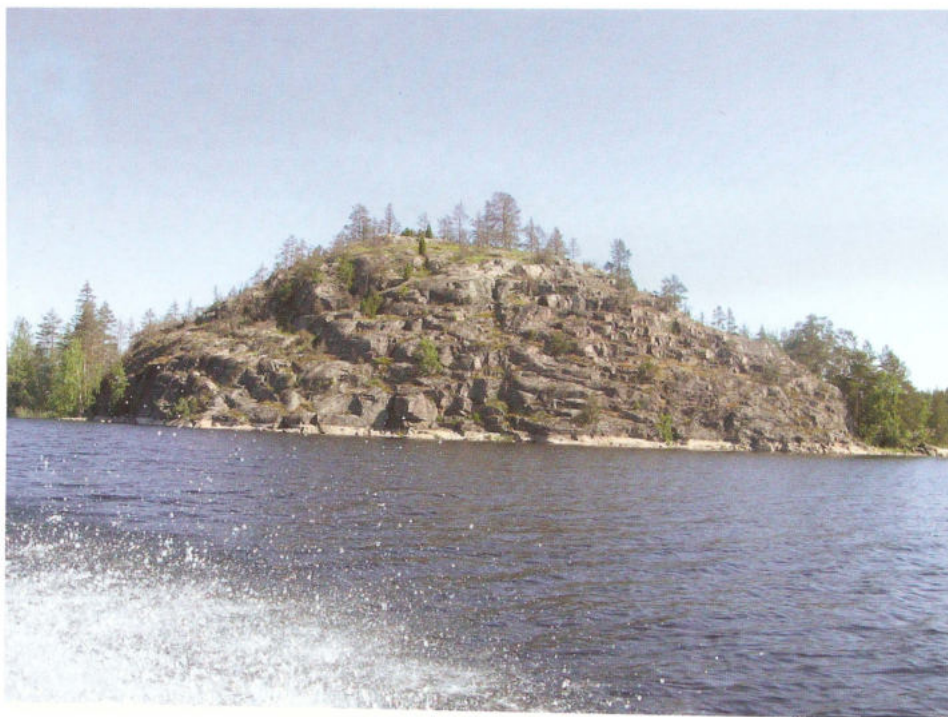

Рис. 18а. Городище Терву-Линнасаари

Рис. 19а. Городище Паасо

Рис. 20а. Тиверск. Клад.

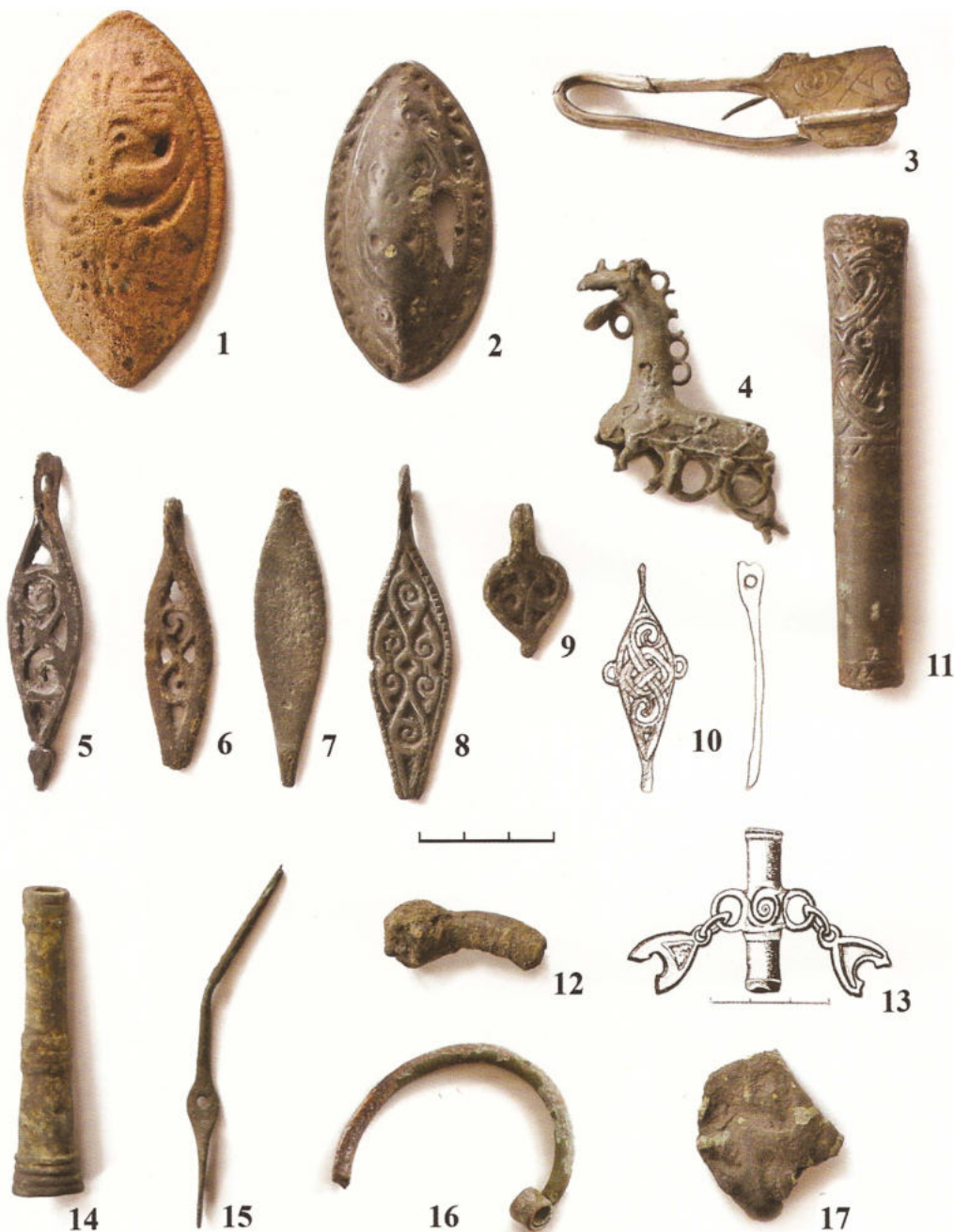

Рис. 21а. Тиверск. Изделия из цветных металлов

1, 2 – овално-выпуклые фибулы; 3 – игла от застёжки; 4 – коньковая шумящая подвеска;

5–8, 10 – копоушки; 9 – сердцевидная подвеска;

11 – рукоять ножа; 12, 16 – фрагменты подковообразной и кольцевидной фибул;

13 – Ф-образная пронизка; 14 – оковка конца шерстяного пояса;

15 – изделие неопределённого назначения; 17, 18 – обломки браслетов

Рис. 22а. Хямеенлахти. Предметы украшения

- 1 – фибула; 2 – зооморфная подвеска; 3 – поясная наременная бляшка;
 4 – игла от фибулы; 5 – игольник; 6, 17 – пластинки; 7 – ножны;
 8 – копоушка; 9 – концевая поясная пряжка; 10–12 – подвески-бубенчики;
 11 – незамкнутое проволочное колечко; 13 – кольцо;
 14–16 – спиральки (цветной металл); 18 – фрагмент костяного изделия,
 19–22 – стеклянные бусы

Рис. 23а. Соскуа-Линнамяки. Предметы украшения
 1 – копоушка; 2 – цепедержатель; 3 – Ф-образная пронизка; 4 – звено цепи;
 5, 8 – подвески; 6, 7 – кольцевидные фибулы;
 9 – фрагмент орнаментированного изделия из кости;
 10–12 – фигурные накладки; 13–15 – обломки изделий.
 1–8, 13–15 – цветной металл

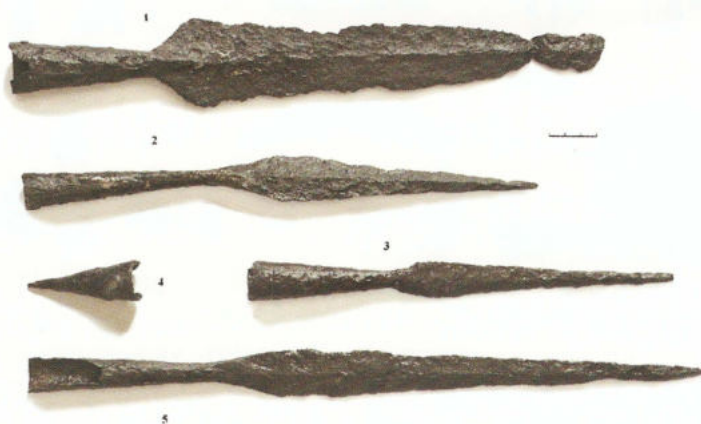

Рис. 24а. Наконечники копий, вток
 1, 4 – Ранталиннамяки; 2 – пос. Куркиёки; 3 – Хямеенлахти;
 5 – Терву-Линнасаари
 1–5 – железо

Рис. 25а. Терву-Линнасаари. Предметы из цветного металла
 1–3, 6 – фибулы; 4, 5, 10 – цепедержатели; 7, 9 – подвески-бубенчики;
 8 – оковка ножен; 11, 12 – копоушки; 13, 14 – Ф-образные пронизки;
 15 – блесна; 16 – игла от фибулы; 17, 18 – наременные накладки;
 19 – изделие непонятного назначения

Рис. 26а. Терву-Линнасаари.
Ножи
1-6 – железо

Рис. 27а. Терву-Линнасаари.
Бытовой инвентарь
*1-4 – замки и их детали, 5-12 – ключи.
1-12 – железо*

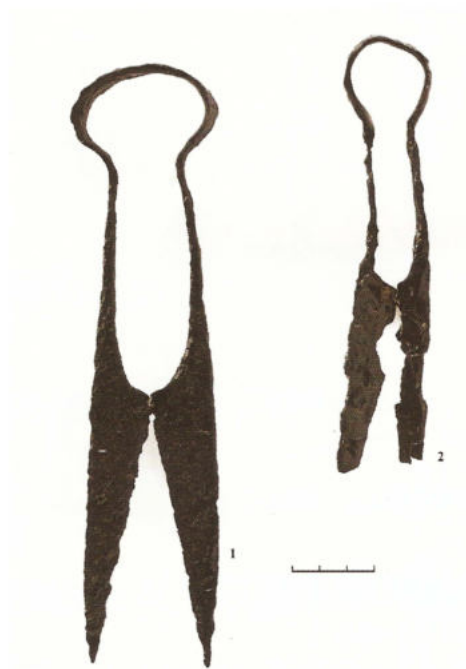

Рис. 28а. Терву-Линнасаари. Ножницы
1-2 – железо

Рис. 29а. Терву-Линнасаари.
Кудельные спицы
1–10 – железо

Рис. 30а. Терву-Линнасаари.
Коса, клещи, сошник
1–3 – железо

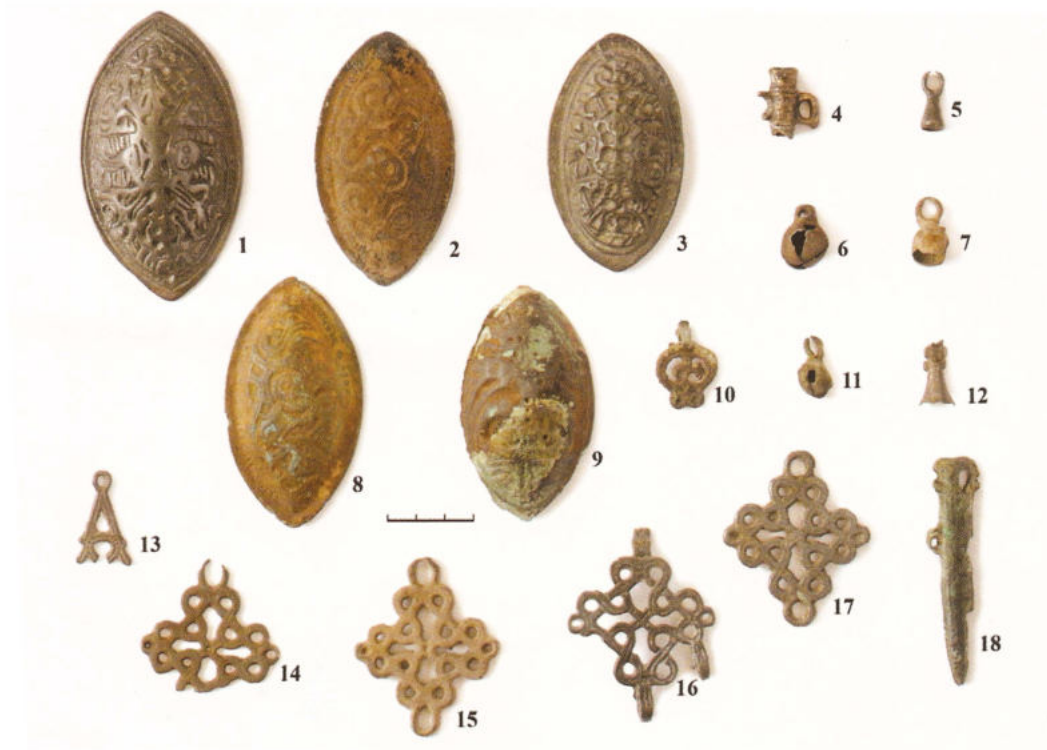

Рис. 31а. Паасо. Ювелирные изделия из цветного металла
*1–3, 8, 9 – овально-выпуклые фибулы; 4 – Ф-образная пронизка;
5–7, 10–13 – привески;
14–17 – цепедержатели; 18 – игольник*

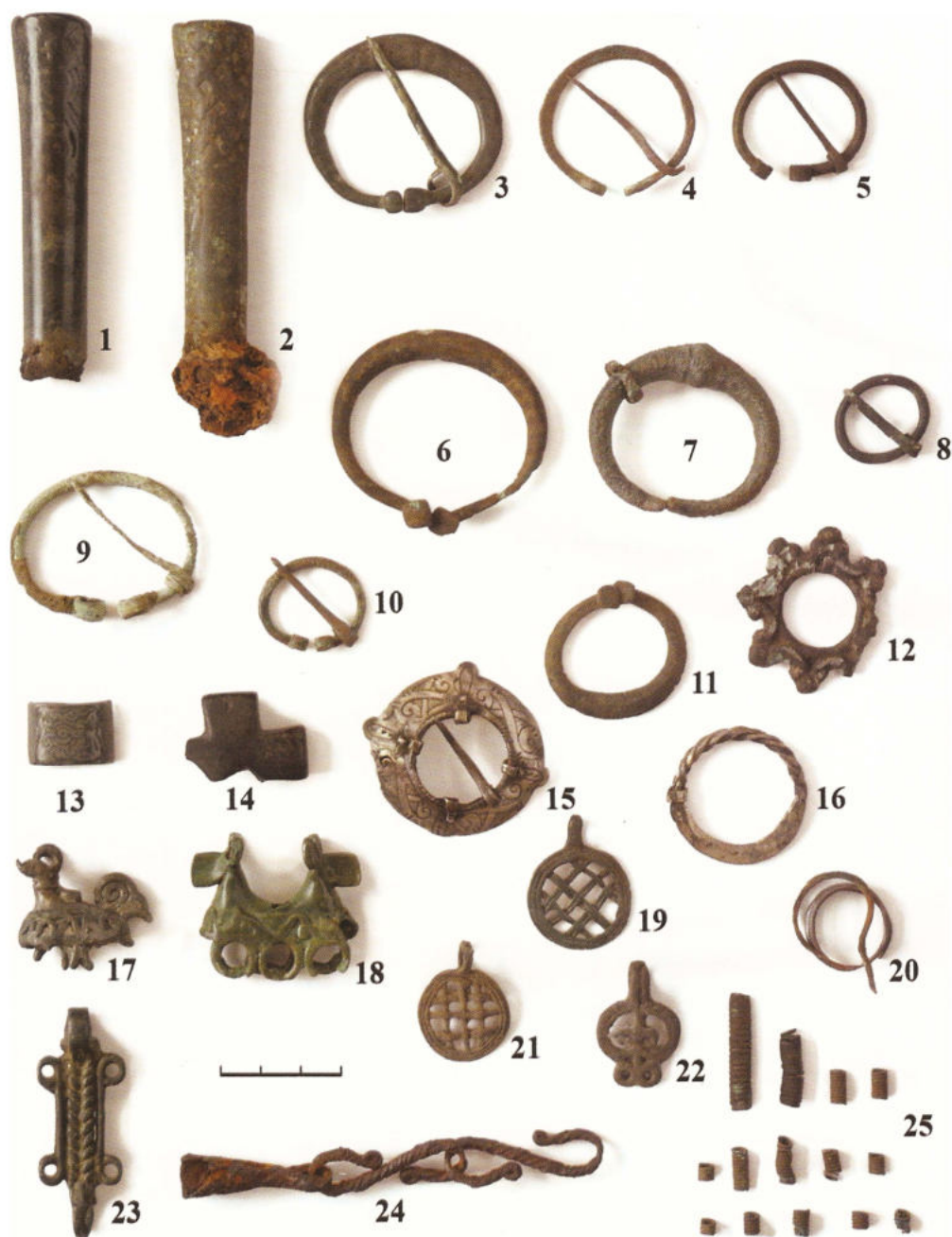

Рис. 32а. Паасо. Находки

- 1, 2 – рукояти ножей; 3–11, 16 – кольцевидные застёжки; 12 – звездообразная фибула;
 13 – перстень; 14 – крестик; 15 – круглая фибула; 17, 18 – шумящие подвески;
 19, 21 – решетчатые подвески;
 20 – спиральный перстень; 22 – сердцевидная привеска; 23, 24 – фрагменты цепочек;
 25 – спиральки.
 1–13, 15–23, 25 – цветной металл,
 14 – янтарь, 24 – железо

Рис. 33а. Паасо. Бытовой инвентарь из железа
 1 – игла; 2, 4, 5, 7, 10 – бритвы,
 3, 6, 8, 9 – кресала

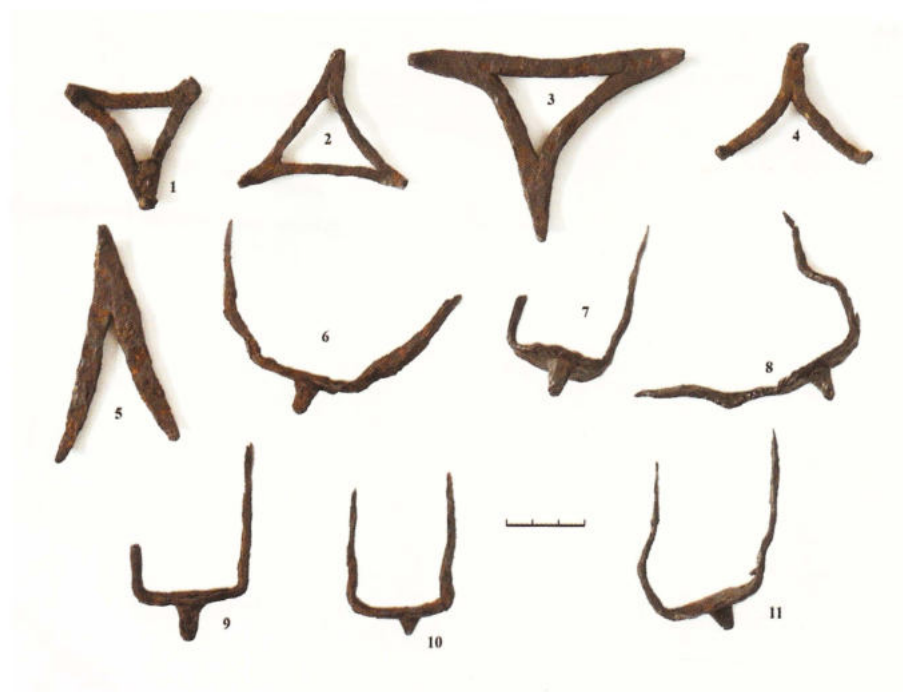

Рис. 34а. Паасо. Шипы
 1–11 – железо

Рис. 35а. «Жертвенный» камень

Рис. 36а. Древнекарельский костюм
в современном исполнении

Рис. 37а. Софпорог.
Случайные находки

ISBN 978-5-7545-1572-7

9 785754 151572